ISSN 0131-0097

ОГОНЁК

№ 6 ФЕВРАЛЬ 1990

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (3263)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА» 3 — 10 февраля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фрагмент плаката Олега СТАЙКОВА «Семь раз отмерь...».

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 15.01.90. Подписано к печати 30.01.90. А 09408. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1804. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

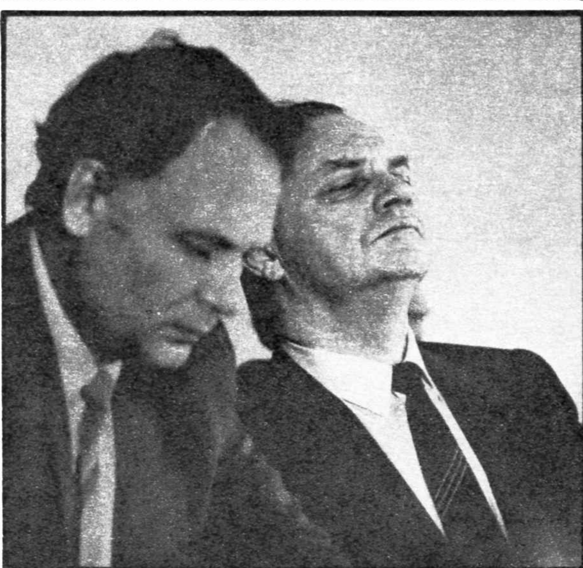
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЕТРЫ

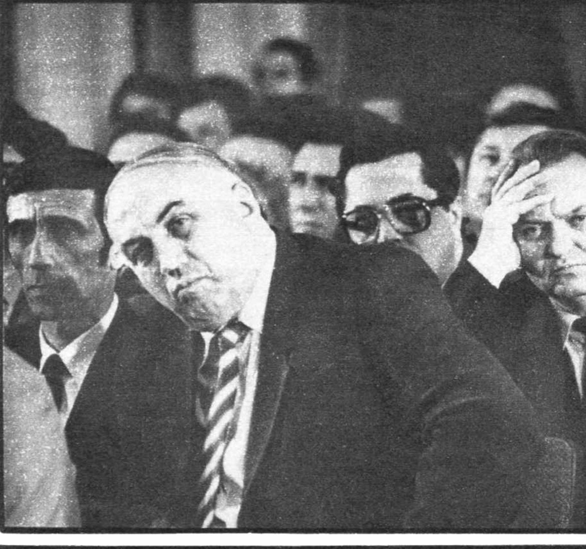

**Александр БОЛОТИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»**

Если согласиться с мыслью, что города, как и люди, имеют свое неповторимое лицо, то Харьков далек от выражения благодушной безмятежности — сегодня он строг и деловит, на челе его изредка появляется белозубая пролетарская улыбка, а на крепких скулах поигрывает легкий революционный румянец. Бьющая через край политическая активность харьковчан — это тот кислород, которого так долго недоставало людям, уставшим от официального словоблудия и сложившихся, но ничего не дающих ни уму, ни сердцу мрачноватых идеологических догм. В это непростое время, когда вторая столица Украины просыпается от долгого застойного сна, все чаще слышится голос простого труженика, рядового коммуниста, который наконец-то вспомнил о своем праве думать, сопоставлять факты, принимать участие в выработке решений, выдвигать свои требования. Пишу эти письма из Харькова, где недавно состоялся расширенный пленум обкома партии, и пытаюсь в какой-то степени осмыслить все, что связано с этим неординарным событием.

НАД ХАРЬКОВОМ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ: МЕЧТА О ДУБИНКЕ

Если вы помните, дорогие друзья, в середине зимы здесь случаются оттепели — плюсовая температура моментально съедает снежный покров, и тогда город становится гулким и звонким от пронизывающих его ветров, свободно гуляющих на громадных пространствах широких площадей и проспектов. Вот в такой обнаженный, сырой и холодный Харьков я приехал в тот раз, и мне показалось, как в воздухе незримо витает скрытая напряженность, сравнимая с упругостью готовой в любой момент распрямиться сжатой пружины.

Утром, пересекая площадь Дзержинского, мы издали увидели цепочку пикетчиков — в руках они держали обращенные к зданию обкома партии транспаранты. Содержание их было лаконично и красноречиво. Люди выражали недоверие бюро областного комитета и требовали созыва внеочередной областной партийной конференции. Запомнилась надпись на одном из полотнищ: «Нет — красивым уходам на пенсию». В этот момент уже было известно, что первый секретарь Харьковского областного комитета Компартии Украины В. П. Мысниченко подал в отставку.

До открытия пленума оставалось несколько минут, и здесь произошел, может быть, малозначительный, но, безусловно, созвучный времени эпизод, о котором я посчитал нужным упомянуть. Прямо через дорогу в шеренгу пикетчиков шагнул невысокий человек с простым, грубоватым лицом, и тотчас в воздухе зашелестела многократно повторяемая фамилия «Ивашко». Да, это действительно был приехавший на пленум член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Антонович Ивашко, вот так запросто шагнувший в возбужденную толпу без охраны — во всяком случае, если «обслуга» и была, то выглядела она крайне ненавязчиво.

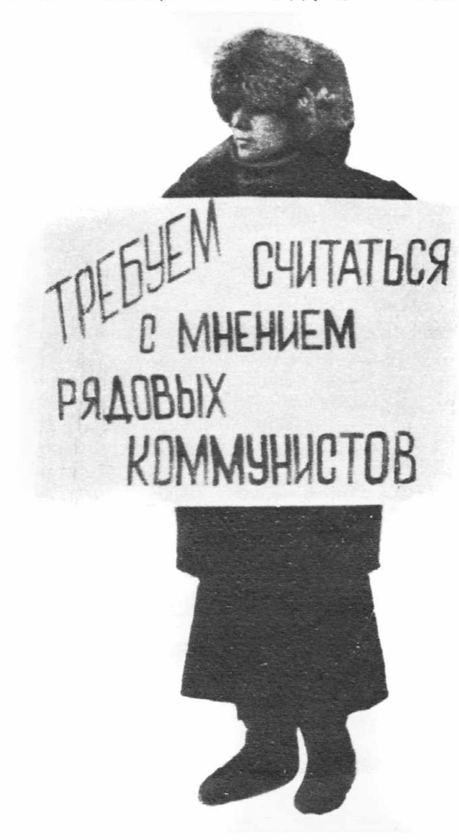
Надо отдать должное руководителю украинских коммунистов — реакция у него отменная, истерические выкрики и вопросы, не относившиеся впрямую к начавшемуся разговору, он гасил или парировал умело и быстро, чем завоевал внимание аудитории,— редких крикунов после уже одергивала сама толпа.

В отличие от официального сообщения, опубликованного в местных газетах, он честно и открыто признался, что создалась такая обстановка, когда первый секретарь обкома должен уйти, заодно проинформировал людей о том, что вчера поздно вечером подали заявления об уходе секретарь обкома партии В. П. Дураскин и заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы обкома Н. И. Плахотников. «Ну, а кому быть у руля областной партийной организации, решать не мне — участникам пленума»,— заметил товарищ Ивашко. В результате этой стихийно возникшей беседы открытие пленума на несколько минут задержалось.

Теперь я хочу сказать вот о чем. Не знаю, как вы, дорогие друзья, но я всегда несколько теряюсь при виде помпезной роскоши наших партийных комитетов — будь то областного или городского масштаба, где все устойчиво и основательно, где ярко начищена медь и тщательно отпылесосены приглушающие шаги ковровые дорожки, где неуловимо меняются походка и лица людей, приобретающие вдруг какую-то особую, чуть ли не неземную значительность. Многое меняется с годами, и френчи военного образца партийных секретарей той далекой поры давно уступили место модным, элегантным костюмам современных руководителей, но дух незыблемого монолита из этих стен, по-моему, до сих пор не изжит, как не изжита атмосфера авторитарного единодушия, не допускающая малейшего отклонения от высказанного наверху и не оспариваемого никем мнения. Человек, мужественно решившийся в такой обстановке высказать все, что у него наболело на душе, и то, что в какой-то степени не стыкуется

с общепринятой позицией большинства, сразу становится неудобным, неприязнь к нему ощущается почти физически, «методология усмирения» уже наработана — от выкриков «демагог» или «вывести его из зала» до топота ногами и захлопывания. Такому, может быть, и не сразу приклеят ярлык опального крамольника, но почувствовать себя «белой вороной» дадут незамедлительно. Впрочем, нужно ли далеко искать аналоги — вся наша жизнь напоминает сейчас цепь повторяющихся и очень знакомых сюжетов.

Плавное, в определенной степени традиционное течение пленума было нарушено, я бы сказал, бунтарским выступлением заведующего организационным отделом Харьковского горкома партии Е. П. Кушнарева. Аппаратчик в роли возмутителя спокойствия — такое пока случается нечасто, поэтому и реакция зала была острой. А говорил оратор о вещах, о которых многие, очевидно, предпочли бы не вспоминать: о фактах разбазаривания квартир улучшенной планировки, о коррупции в торговле,

быте, службе БХСС, о грубых нарушениях демократических норм в период выборов делегатов на XIX партконференцию и народных депутатов СССР. Кроме того, считая нынешний пленум неправомочным, он предложил провести внеочередную областную партийную конференцию, которая должна рассмотреть вопрос о политической ситуации в области и мерах по ее оздоровлению, радикально обновить состав руководящих органов. Е. П. Кушнарев также потребовал создать комиссию партийного расследования для того, чтобы назвать конкретных виновников допущенных ошибок и просчетов.

Сложной назвал ситуацию и выступивший вслед за ним председатель облисполкома А. С. Масельский. Причем он подчеркнул, что Харьков — это не просто рядовой областной город, это сотни тысяч студентов и научных работников, это высококвалифицированный рабочий класс, сотни тысяч пенсионеров. И здесь тоже немало людей, которые находятся за чертой бедности... Как спасти положение, как изменить его в лучшую сторону?

Впрочем, речь А. С. Масельского была достаточно умной, конструктивной, взвешенной, как сейчас модно говорить, но в известной степени нейтральной. Спорные же точки зрения разделили основную массу участников пленума на две группы, назовем их условно «непримиримые» и «умеренные». Первые утверждали, что сегодняшний пленум — глубоко ошибочное мероприятие, что он не способен избрать первое партийное лицо в области, что необходимо вернуться к обсуждению каждой кандидатуры в первичных партийных организациях, ибо сегодня необходим яркий политический лидер, за которым безоговорочно пойдет народ, все рядовые коммунисты. Вторые настаивали, что время упущено и собрания всем надоели, что необходимо сегодня же избрать первого секретаря, помогать ему всем миром и засучив рукава немедленно приниматься за работу. Некоторые, и это чувствовалось по реакции зала, расценили выступления «непримиримых» как своеобразный подкоп под их годами сложившийся авторитет и репутацию крепких, опытных, все знающих наперед хозяйственников.

Вот на трибуне председатель колхоза «Россия» Великобурлукского района Виктор Иванович Ворошилов. 27 лет возглавляет он хозяйство, вывел его в одно из лучших животноводческих в области. «Известия» назвали его новатором колхозного производства. Признаюсь, мне нравятся такие фигуры: крупный, заматерелый, властный — типичный украинский батько. Но скажите мне по секрету, какая дистанция между проявлением власти и самодурством? И способны ли такие председатели услышать собеседника? Речь свою он начал с утверждения, что если мы дождемся на селе, что колхозники вот так будут вести себя на собрании, как здесь участники пленума, если каждый мнение свое будет высказывать, то откуда же возьмется порядок. Как же глубоко сидит в нас потребность в дубине и окрике? И расхожая формулировочка наготове: инакомыслие — прежде всего нарушение партийной дисциплины. Невольно вспомнилось одно из последних публичных выступлений Живкова, в котором болгарский самодержец цинично заявил, что «с оппозицией нельзя спорить, ее надо раздавить, как гадюку». Я, признаться, подумал, а сможет ли этот председатель хотя бы осмыслить иную точку зрения, кстати, высказанную здесь же, на пленуме, что колхозы и совхозы и предложенный ими уровень производства продовольствия в стране — это есть 60-летний жестокий эксперимент над крестьянством и всем советским народом и что этот эксперимент хотят продолжить до бесконечности, игнорируя все то, что могут дать нам отечественный и мировой опыт, наука. Об этом говорил в своем выступлении председатель правления Харьковской областной организации Союза писателей Украины Р. Ф. Полонский.

Как видите, все смешалось в этом мире. Аграрник-практик безоговорочно выступает за старую, традиционную систему хозяйствования, представитель интеллигенции выдвигает новую политическую концепцию переустройства села. Вообще в ходе обсуждения кандидатуры на должность первого секретаря здесь много говорилось о том, кто может повести людей за собой: партийный или профсоюзный руководитель, выдвиженец из рабочего класса, крупный директор или ученый? Звучало опасение, что создался некий образ «директорского социализма», когда во всей системе нашей партийной, государственной и общественной иерархии все больше кресел занимают представители высшего хозяйственного эшелона. Хорошо это или плохо? Не знаю... «ленинградская модель» однозначный ответ на этот вопрос не дала. Или дала? Наверное, все-таки все зависит от конкретной личности, хотя и прозвучало утверждение, что «директорский социализм» — родной брат административно-командной системы.

Кто же победит? Все острые коллизии, возникавшие в ходе заседания пленума, я бы расценил как жестокое столкновение старого и нового, формально-бюрократического и творчески осмысленного, привычно-удобного и опасно-рискованного... Все было как всегда — трибуна, стол для президиума, регламент, внушительных размеров люстра под потолком конференц-зала, равнодушные и неравнодушные лица людей, но в какой-то момент мне показалось, что сквозь эти толстые стены прорываются холодные, но освежающие харьковские ветры.

ПИСЬМО ВТОРОЕ: ОБНАЖЕННЫЙ НЕРВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Весь день и весь вечер на площади у здания обкома стояла толпа людей. Харьковчане проявили поразительную заинтересованность в работе пленума, здесь обсуждались и кандидаты, и их шансы на выдвижение, порой возникали бурные споры, но порядок поддерживался безукоризненный. Я подумал, всегда ли мы достаточно доверяем людям, почему иной раз видим в них всего лишь сплошную и одноликую толпу и как важно сейчас для партийного работника умение вести с массами разговор по-людски, нормально, человечно, без демагогических выкрутасов и декларативной болтовни.

А в зале обстановка продолжала оставаться нервозной. Еще в начале заседания комиссия, которой была поручена подготовка расширенного пленума, сообщила, что на собраниях коммунистов, партийно-хозяйственного актива, в трудовых коллективах были названы 43 кандидатуры на должность первого секретаря обкома партии. Среди них партийные, советские, профсоюзные работники, руководители объединений, предприятий и организаций, ученые. В ходе откровенных бесед ряд товарищей сняли свои кандидатуры, других комиссия отклонила, как не имеющих достаточного опыта практической работы и профессиональной подготовки. В результате были вынесены на рассмотрение пленума кандидатуры генерального директора производственного объединения «Укрэлектромаш» Н. П. Белоуса, первого секретаря Киевского райкома партии А. С. Кривцова, первого секретаря Балаклейского райкома партии В. И. Казмирука, заворга Харьковского горкома партии Е. П. Кушнарева, генерального директора авиационного производственного объединения имени Ленинского комсомола А. К. Мялицы, председателя облсовпрофа В. К. Чуба, председателя облисполкома А. С. Масельского, второго секретаря обкома партии В. А. Хаустова — всего восемь человек. Каждому было предоставлено слово. И неожиданно пять кандидатов из восьми взяли самоотвод.

Могу понять А. С. Масельского, который очень четко и аргументированно обосновал свой поступок хотя бы тем, что, если бы его избрали, пришлось бы избирать и председателя облисполкома, а чтобы по-настоящему вникнуть в эту должность, нужно не менее трех лет. С некоторым уважением я выслушал довод В. А. Хаустова — несмотря на короткий срок пребывания на своем посту, он признался, что как член бюро несет полную ответственность за те недостатки, за ту напряженную общественно-политическую обстановку, которая сложилась в области, и что на пост первого секретаря нужен, если так можно выразиться, свежий человек, способный резко изменить ситуацию к лучшему. Менее были понятны позиции А. С. Кривцова и В. К. Чуба, и уж совсем непонятен самоотвод Е. П. Кушнарева, авторитет которого как неформального лидера в городе чрезвы-

чайно высок. Правда, ощущая реакцию зала, я думаю, что на этот раз он необходимого количества голосов, наверное, не собрал бы — уж слишком резким, нестандартным и откровенным было его выступление, к таким еще в стенах обкома не привыкли, другое дело — на следующий день на городском партийном митинге, где ему устроила овацию толпа в несколько тысяч человек.

Вообще должен вам сказать, что в Харькове набирает сил и зрелости когорта сравнительно молодых по возрасту коммунистов совершенно новой формации — умных, талантливых, свободно мыслящих. Они исключительно добровольно взвалили на себя тяжелую ношу ответственности за обновление партии, ее полную демократизацию и сближение с народом. Лично испытываю к ним симпатию и не скрываю этого. Может быть, они такие или я очень хочу, чтобы они были такие. Помните, как у Герцена в «Былом и думах»: «Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие — свою бедность и идут, не останавливаясь...» И там же: «Многое, но на первый случай то, что немецкой работы китайские башмаки, в которых Россию водят полтораста лет, натерли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякий раз, когда удается расправить члены, являются такие свежие и молодые силы. Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне **возможным».**

Путь их действительно нелегок. Не думаю, что аппарат обкома и горкома партии, определенная часть членов областного комитета стонут от восторга, слушая выступления того же Евгения Кушнарева, который режет в глаза правду-матку, называет вещи своими именами, говорит публично то, отчего у некоторых испарина появляется на лбу. Не думаю, что это очередной популист, ловко рассчитавший перестройку, как трамплин для взлета собственной карьеры. Совсем иной расклад — ни капли рисовки, аппаратного лоска или фанаберии, спокоен, выдержан, похож скорее на мастерового, решающего трудную техническую задачу. По профессии он строитель, хотя в свои неполные сорок уже девять лет на партийной работе. Такого, уверен, как гадюку, не раздавишь.

Лидер харьковского Народного фронта, профессор Политехнического института Владимир Гринев, молодой круглолицый мужик с пышными украинскими усами, тоже разрушитель сложившейся системы, искренне заинтересованный в необходимости вернуть человеку политическую и экономическую свободу. В работе пленума он принимает участие как делегированный от своей партийной организации. «У меня есть ощущение тонкой аппаратной игры,— сказал он мне в перерыве между заседаниями,— человек, которого мы выберем сегодня первым секретарем, будет поставлен между молотом — старым обкомовским аппаратом и наковальней — рядовыми коммунистами. Антагонизм между теми и другими достиг пиковых величин».

Еще более образно выразился по этому поводу другой участник пленума — инженер научно-производственного объединения «Индекс» В. Н. Московка. Сравнив старый состав обкома и его бюро, которые не справлялись со своими задачами, с локомотивом, он сказал, что сегодня мы пытаемся в старый локомотив втиснуть новый мотор. Механики прекрасно знают, что здесь возможны два варианта: либо заклинит мотор, либо рассыплется механизм. В любом случае происходит авария. А как хочется, чтобы на сей раз аварии не произошло!

Конечно, было много выступлений иного рода. Иногда создавалось впечатление, что участники пленума устали, что они хотят побыстрее избрать первого секретаря, коль его пока нет, а все остальное оставить по-старому. Были раздраженные речи, обвинения Кушнарева и Московки в демагогии, традиционные призывы к порядку, кликушеские декларации в том плане, что до каких пор мы будем клеймить и обливать позором все то, что было построено за 72 года Советской власти. Думаю, что решающую роль в споре сыграло мнение, что тянуть с избранием первого секретаря неправильно, потому что сейчас, в этой сложной обстановке, областной партийной организации, как никогда, нужен лидер, способный взять на себя тяжелую ношу по решению задач обновления жизни партийной организации.

Выступившая затем первый секретарь Дзержинского райкома партии К. Д. Гурова предложила компромиссное решение. Она высказалась за то, что комиссия, созданная для подготовки этого пленума, должна продолжить свою работу, отложить заседание пленума, допустим, на две недели, чтобы рассматривать обновление бюро обкома партии по предложениям комиссии с учетом мнений первичных парторганизаций и первого секретаря обкома партии. Это решение и было принято.

В список для тайного голосования были внесены три кандидатуры — Н. П. Белоус, В. И. Казмирук, А. К. Мялица. Когда вскрыли и подсчитали бюллетени, оказалось, что первым секретарем и членом бюро Харьковского обкома Компартии Украины избран Анатолий Константинович Мялица, ранее работавший генеральным директором производственного авиационного объединения.

...Сильные ветры гуляют по харьковской земле, мороз пробирает до костей, особенно когда стоишь несколько часов на открытой площадке у кинотеатра «Победа» в парке культуры и отдыха имени Горького, где на следующий день состоялся городской партийный митинг. Тысячи людей, среди которых рабочие, служащие, представители интеллигенции, партийные работники, собрались здесь, чтобы высказать свое отношение к проходящему пленуму. Сам факт присутствия на неформальном митинге нового первого секретаря обкома, наверное, явился для харьковчан космически-неожиданным, поэтому большинство ораторов, в целом критикуя нарушение демократических принципов при нынешних выборах партийного руководства, призвали всех трудящихся города и области выдать А. К. Мялице необходимый кредит доверия. Да и Анатолию Константиновичу такой прямой контакт с «непричесанной», неподготовленной, говорящей, что думают, толпой тоже оказался крайне полезным.

Должен заметить, что новый «первый» — человек, безусловно, современный. На пленуме отмечались его эрудиция и масштабность мышления. Будучи крупным авиационным инженером, руководителем промышленного гиганта, в свое время он стажировался в ведущих фирмах Испании и США. Запомнилась одна его фраза во вчерашнем выступлении еще до избрания на пост, что люди в капиталистических странах, наверное, больше поняли, что такое социализм. Поняли все его блага и работают на удовлетворение потребностей человека. Будем ждать от Мялицы конкретных дел, реальных перемен и социализма, от которого лучше живется. Если народ почувствует, что он «тот самый», то пойдет за ним безоговорочно.

А еще мне интересно, понял ли Анатолий Константинович самое главное. Какая огромная пропасть разделяет тех, кто владел вчера инициативой на пленуме, и тех, кто пришел сегодня на площадь. Как будто два полюса, два несостыкованных общества... И дело не в принадлежности к должности, званию или профессии. Партийный функционер Евгений Кушнарев, встреченный на трибуне конференц-зала чуть ли не как предатель, здесь, среди простых людей, находит полное понимание и поддержку. И наоборот. Даже упоминание фамилии слесаря-монтажника завода «Кондиционер» Валентины Кудиненко, сорвавшей своим донельзя «правильным» выступлением на пленуме бурные аплодисменты, здесь, на митинге, встречает смех и улюлюканье толпы. Так кто же прав? Те полторы сотни членов и кандидатов в члены обкома, которые привычно руководят, участвуют, соответствуют, или эти тысячи и тысячи людей, пришедших или не пришедших сегодня в парк, но коим далеко не безразлично, каков будет их завтрашний день?

Вообще, должен сказать, что нашего брата опасно пускать в охраняемые здания, где располагается высшая партийная власть. Один из выступавших на митинге, впервые вчера переступивший порог обкома, поделился своими впечатлениями: спустился я, говорит, в перерыве в буфет, а там ресторанное обслуживание и обед из двух блюд, который я съел, стоил 36 копеек. На это выступление толпа отреагировала однозначно — без всякого восторга, более того, скандировалось «позор!». На митинге многократно звучала мысль: социальная справедливость — обнаженный нерв перестройки. Все партийные работники должны иметь те же проблемы, что и простые люди. В том числе — где купить колбасу или носки.

Кстати, в перерыве между заседаниями пленума мне довелось беседовать с первым секретарем ЦК Компартии Украины В. А. Ивашко. Я спросил Владимира Антоновича: не беспокоит ли его то, что ни один из кандидатов на пост первого секретаря обкома не коснулся в своем выступлении вопроса о том, как в случае избрания он будет бороться с существующими партийными привилегиями. Мой собеседник сориентировался моментально, взял за локоть одного из стоящих рядом, представил: «Вот инструктор горкома партии Виктор Степанович, ну скажи, пожалуйста, какие у тебя привилегии? На каком этаже ты живешь, сколько метров квартира, сколько членов семьи проживает?..»

Воспитанный в духе суровой партийной субординации, я не стал спорить с членом Политбюро ЦК КПСС, хотя, как мне кажется, мы оба прекрасно понимаем, о чем идет речь и что рано или поздно придется ответить на вопрос, почему, скажем, в центре города высится превышающая обычные нормы комфорта, к тому же полупустая обкомовская гости-

ница и во сколько тысяч рублей обошлась харьковской казне в феврале прошлого года показуха встречи товарищей Щербицкого, Лигачева и Никонова. Наверное, пора понять, что, если люди об этом спрашивают, рот им уже не зажмешь.

Придуманный когда-то, мудро сработанный и с годами отлаженный механизм взаимоотношений между генералами и сержантами от партии, между партийными полковниками и партийными солдатами начал как-то пробуксовывать. Придуманная когда-то условная игра, когда партийный руководитель делает то, что он считает нужным, а партийный подчиненный берет под козырек или скромно опускает глаза, все чаще объявляется «игрой без правил». Идет постепенное утверждение власти широких партийных масс. И этот процесс необратимый.

Я убедился в этом и побывав на собрании Харьковского городского партийного клуба. Большой зал Дома политпросвещения заполнен до отказа, люди стоят в проходе. Спокойно, по-деловому, без каких-либо эмоций, тщательно уточняя каждый пункт, они обсуждают обращение к участникам расширенного пленума обкома КПУ. Коммунисты настаивают на отмене постановления пленума об освобождении В. П. Мысниченко от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома в связи с его заявлением об уходе на пенсию и требуют принятия нового постановления об освобождении его в связи с допущенными серьезными ошибками в руководстве областной партийной организацией. Они также требуют отставки бюро обкома партии, за исключением вновь избранного первого секретаря А. К. Мялицы, и выборов нового состава бюро. Ставятся вопросы об отказе членов обкома партии от любых льгот и привилегий и о всеобщих, равных, прямых, тайных и альтернативных выборах делегатов на XXVIII съезд КПСС по партийным избирательным округам. Буквально завтра каждый из них обнародует текст этого обращения в своей цеховой или первичной организации, сделает его достоянием всех. Самое отрадное, что в эти дни, когда в ряде точек страны полыхают пожары политических и национальных волнений, здесь отрабатывается разумный, цивилизованный «харьковский вариант» смены партийной власти.

**ПИСЬМО ТРЕТЬЕ:
ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ**

Спустя две недели — 20 января — расширенный пленум Харьковского обкома партии продолжил свою работу. Состоялись выборы. Были заполнены свободные вакансии секретаря областного комитета по идеологии, членов и кандидатов в члены бюро. Фамилии вновь выбранных специально не называю — среди них нет тех, о которых говорилось выше. Кандидатуры Е. П. Кушнарева и В. Б. Гринева не обсуждались. Оба взяли самоотвод, считая, что нынешний состав обкома партии еще не готов работать в новых условиях. Посмотрим, что покажут выборы в народные депутаты республики и местные Советы. Очевидно, время неформальных лидеров еще не пришло. Но мне почему-то хочется верить, что оно обязательно придет.

«ОГОНЕК-ВИДЕО» ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

Недавно английское телевидение начало демонстрацию нового фильма Юриса Подниекса «МЫ», или, как он был назван в английском варианте, «Алло, вы нас слышите?». В первые же дни показа британская пресса поместила многочисленные отклики. Мы предлагаем вам некоторые из них.

«Фильм «Алло, вы нас слышите?» — событие из ряда вон выходящее,— пишет газета «Индепендэнт».— Латышский режиссер Юрис Подниекс, известный здесь по фильму о советской молодежи «Легко ли быть молодым?»,— режиссер мирового класса. Признание Подниекса на родине позволило ему получить неограниченное право снимать все, что он захочет. Фильм поставлен на фоне религиозной оперной рок-музыки композитора Алексея Рыбникова и показывает кризисное состояние России: тут Армения, зверства в Узбекистане, Чернобыль. Подниекс показывает одновременно трагедию и банальность с такой артистичностью, что телефирма «Сентрал телевижен» позволила длиться фильму на 4 часа дольше».

Газета «Мейл»: «Документальный 5-серийный фильм советского режиссера Юриса Подниекса изображает ту Россию, которую ни один посторонний не смог запечатлеть».

«Дейли телеграф»: «Рассматривается изменяющаяся социальная и политическая обстановка в СССР. Режиссер смотрит глазами его народа, предоставляя искренний и честный взгляд на страну, которая только начинает находить свой политический голос после долгих лет репрессий».

«Таймс»: «В фильме столько же поэзии, сколько журналистики. Подбор образов и употребление замедленной съемки показывают, что этот фильм больше, нежели простой репортаж. Он передает настроение народа».

«Дейли телеграф»: «Советский режиссер Юрис Подниекс стремился показать настоящую Россию за три прошедших неспокойных года».

«Санди таймс»: «Самый удивительный из последних советских документальных фильмов. Д. Оруэлл сегодня заметил бы, насколько гласность расколола советское общество. Благодаря своему умению быть в нужном месте и запечатлеть нужный момент режиссер создал документальный фильм без комментариев, который завораживает зрителя не как журналистика, а как произведение искусства».

Мы еще раз напоминаем вам, что прокат русскоязычного варианта фильма «МЫ» в нашей стране осуществляется только через знакомую нашим читателям фирму — «Огонек-видео». Поступило большое количество заявок на приобретение видеокассет с этим фильмом. Они продолжают поступать. Сообщаем, что вы еще можете заказать кассеты с фильмом «МЫ».

Сейчас заканчивается работа над первым выпуском «Огонек-видео» за 1990 год. Мы предполагаем включить в него следующие сюжеты:

«Афганец — христианство и война в Афганистане». Взгляд бывшего афганца, ныне монаха-семинариста.

«Нахичеванская стена» — репортаж о событиях на советско-иранской границе.

«Арестант № 212» Брюханев — бывший директор Чернобыльской АЭС, отбывающий срок в ИТК.

«Возвращение» — греко-католики Западной Украины год назад и сегодня.

«Поезд из революции» — репортаж о прибытии в Москву первого поезда из Бухареста после событий декабря 1989 года в Румынии.

«Метрополь» — юбилей известного литературного альманаха времен застоя.

«Вьетнамский десант» — рабочие-вьетнамцы в Москве.

Заявки на приобретение видеокассет «Огонек-видео» принимаются по адресу: 117313, Москва, аб. ящик 843, тел. 212-15-79.

■

После демобилизации из армии в 1954 году мне пришлось наверстывать то, что отняли война и послевоенная служба. Началась трудная учеба и работа. Ветеринарное отделение, на котором я учился, вскоре было переведено из Петропавловска в Семипалатинск, где взрывы смертоносного оружия стали «привычными», как страх на войне. Для безопасности заклеивали окна в общежитии, а после объявления выходили на дорогу; одна такая прогулка запомнилась мне на всю жизнь, хотя тогда не предсказывали беды...

В тот раз мы гуляли с семьей, с пятилетним Сашей, семилетним Вадиком и женой, приехавшими в Семипалатинск в гости. Всполохи, подобные грозовой молнии, осветили нас сзади, а через какое-то время послышались громовые раскаты. Наиболее чувствительным оказался я, передернувшись от мгновенно пронзившего все тело электрического тока. Меня назвали слабаком, а все семейство представляло себя героями. Но судьба распорядилась по-другому и намного позже.

В десятом классе 16-летний Вадик заболел лимфогранулематозом. Два года назад его похоронили. Теперь болеет Саша, уже пять лет. Став журналистом, он уехал в тургайские степи Казахстана, работал в Аркалыке и не раз бывал в опасной зоне испытаний. Вот такая страшная судьба постигла мою семью.

Я знаю, что эту болезнь лечат только за границей. Кто поможет нам спасти второго сына? Кто нам выделит валюту для лечения Александра? Я, заслуженный ветврач, проработавший в сельском хозяйстве Северного Казахстана свыше 30 лет, оказался не в состоянии сделать это.

С последней надеждой мы обращаемся в «Огонек», может быть, через ваш журнал нам действительно помогут сохранить жизнь теперь единственному нашему сыну.

П. ОСИНСКИЙ,
пенсионер, инвалид, участник войны
Петропавловск, Казахстан

■

Прочитал в газете «Литературная Россия» (1989, 22 декабря) удивительную статью: целую полосу за подписью Б. Пироговского. Никогда до этого мне не приходилось видеть комментарий к законопроекту, написанный в столь напыщенной манере, резко контрастирующей с четким юридическим языком цитируемых статей, комментарием, построенным по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Но в первую очередь меня привлекла единственная на всей полосе полезная информация: подготовлен и даже опубликован инициативный авторский проект Закона СССР «Об архивном деле и архивах». Я не поленился и нашел журнал «Вестник Академии наук СССР» (1989, № 10), хотя, надо признаться, достать это малотиражное издание было довольно трудно. Внимательно ознакомившись с текстом проекта Закона об архивах и предисловием к нему, я еще больше утвердился в своих подозрениях, что опять вокруг гласности, говоря словами булгаковского героя, «идет нечистая игра». В самом деле, средства массовой информации, включая и «Огонек», полны жалобами на недоступность архивов и бедственное их положение. Спасибо, конечно, «Вестнику Академии наук», который по смелости оказался равным эстонским газетам, опубликовавшим ровно за год до этого инициативный авторский проект Закона «О печати и других средствах массовой информации», теперь превратившийся в проект официальный. Но скажите на милость: как граждане, в большинстве своем даже не слышавшие про «Вестник», смогут ознакомиться с новым проектом? Почему журнал «Советские архивы» не удосужился дать возможность специалистам-архивистам изучить и обсудить проект? Почему из всей массовой периодики только «Литературная Россия» в свойственном ей стиле мечет громы и молнии по поводу «безнравственных тезисов проектантов», которые «готовы раскатать по бревнышку неказистое, но н а ш е здание. Готовы превратить святые места отечества в фешенебельные кабаки. Храмы — в языческие капища».

Кстати, «Литературная Россия» на протяжении всей статьи полощет фамилию политического деятеля, который в публикации «Вестника» даже и не упоминается. В противоположность этому авторы инициативного проекта проходят без фамилий, просто как «бесы». Очевидно, «Литературная Россия» полагает, что страна должна и так их знать. Мне же представляется, что уместно было бы поблагодарить тех, кто не за деньги, а исключительно из гражданского долга делает трудную работу — подведение юридической базы под нашу гласность с аморфными границами. Назову авторов инициативного проекта Закона СССР «Об архивном деле и архивах», фамилии которых пока напечатаны только в том самом «Вестнике». Это Ю. М. Батурин, Б. С. Илизаров, А. Б. Каменский, М. А. Федотов, Э. И. Хан-Пира, О. В. Шемелева, В. Л. Энтин.

Ж. ДЕХКАНОВ
Ташкент

■

Журналисты оказываются пророками.

Публикация А. Чернова «Ва-банк» о консолидации консерваторов в Ленинграде («Огонек» № 50, 1989 г.) заканчивалась словами: «Аппарат понял, что парламентские средства борьбы себя исчерпали».

В подъезде, где предварительно вывинчена лампочка, в 6.50 выдвинутый депутатом Ленгорсовета заместитель главного конструктора производственного объединения Балтийского завода 52-летний Б. Д. Вовченко был жестоко избит.

Строптивый специалист бросил вызов генеральному директору объединения В. Н. Шершневу.

Директор обвинялся в авторитарных методах руководства и злоупотреблении служебным положением.

Потом были и уговоры, и посулы, и угрозы...

В среду, 10 января инспектор КНК товарищ Чудный объявил, что по информации генерального «общий язык между спорящими уже найден». В четверг незнакомые голоса неоднократно справляются по телефону, дома ли хозяин. Хозяин возвращается за полночь, утром спешит, как обычно, на завод, спускается в лифте, выходит...

Напали на него внизу. Нет, это был не грабеж, цела дорогая шапка, оставлены в кармане 300 рублей. Вовченко с разбитым лицом бросается догонять нападавших, но вынужден вернуться домой: дальше — неотложная, звонок жены в милицию, травмпункт.

В те же дни в Ленинграде член ленинградского Народного фронта (ЛНФ), научный сотрудник Института токов высокой частоты Анатолий Карташев, накануне прошедший регистрацию в качестве кандидата в депутаты Ленгорсовета по 339-му округу Приморского района, вечером, вооружившись мегафоном, начинает предвыборную агитацию возле станции метро «Пионерская». При нем брошюра с текстом Закона о выборах в местные Советы, где записано: «Кандидаты в депутаты проводят встречи со своими избирателями как на собраниях, так и в другой удобной для избирателей форме» (стр. 42). Участки возле станции метро «Василеостровская», «Ломоносовская», «Пионерская» — излюбленные места для обсуждения текущих событий, там стенды с информацией по разным неформальным объединениям, там происходит распространение газет и листовок политклубов. Но в четверг 20.10 к Карташеву и двум его товарищам подходит наряд милиции, и всех препровождают в пикет при метро. Кандидат держит перед собой Закон, как икону. Милиционеры безмятежно производят внешний досмотр, требуют от Карташева, чтобы он продемонстрировал содержимое своей сумки, после всех отправляют в 35-е отделение милиции. Карташев взывает к законности. Ему заламывают руки за спину.

В отделении майор Калейник составляет протокол об оказании сопротивления властям. В 23.10 всех освобождают. Некоторые штрихи. Задержанием у метро руководит некто в штатском. Судя по тому, как почтительны милиционеры, это — важное лицо... Назвать себя отказался. И еще: когда руководившему задержанием капитану А. Д. Шведову Карташев пытался вручить протокол с печатью института об его выдвижении кандидатом в депутаты и Закон, отмахнулся капитан: «Мы руководствуемся нормами милиции».

На минувших выборах в марте ленинградцы первыми в стране выступили против своего партийного руководства. Не в этом ли дело?

Андрей АЛЕКСЕЕВ,
Георгий ВАСЮТОЧКИН

ЗАКОН НЕ НОРМА ДЛЯ МИЛИЦИИ ●
КТО ХОЗЯИН РАЙОНКИ? ●
АППАРАТНЫЕ ИГРЫ ДЛЯ КАНДИДАТОВ ●

■

Более 10 лет никак не можем добиться возврата отнятой у нас военной пенсии по инвалидности. Таких фокусов не наблюдалось ни в одной другой стране. Там наши братья по несчастью наряду с солидной зарплатой получают и приличные пенсии по инвалидности, и большие денежные пособия, выплачиваемые сверх пенсии по старости. Хорошие пенсии в этих странах у ветеранов войны. Более того, правительство Англии в годы второй мировой войны начисляло зарплату вместе с весомой добавкой всем своим солдатам и офицерам, которые находились в фашистском плену. В наши дни то же самое сделало и правительство Эфиопии.

А вот инвалиды Отечественной войны Советского Союза с 1950-го по 1975 г. без каких-либо законных оснований были лишены своей пенсии. Теперь эту махинацию хотят провести во второй раз, причем это сделано в наиболее трудное время как с точки зрения нашего возраста, состояния здоровья, так и плохого материального положения. Основывая свое решение, Госкомтруд СССР говорит, что в нашей стране получать две пенсии никому не положено. При этом ссылается и на тяжелое экономическое положение страны.

Мы не просим себе вторую, а просим вернуть нам незаконно отнятую у нас пенсию по инвалидности, которую мы заработали на фронте, защищая свою Родину. Она была назначена нам пожизненно.

А. СОЛОВЬЕВ, А. ПОЧКИН,
еще 14 подписей
Москва

■

«Секс и знаки зодиака» — фильмом с таким заманчивым названием развлекает детей видеосалон Ленинградского обкома комсомола, расположенный, кстати сказать, неподалеку от Куйбышевского РУВД. «Римская шлюха», «Киберг-убийца», «Съеденная заживо» — вот какую «продукцию» демонстрируют в видеозалах города, которых здесь, по данным «Ленинградской правды», уже около тысячи. Основными зрителями на этих сеансах оказываются подростки и молодежь. И пока «взрослые дяди» в чинах ищут истину, что есть искусство кино, а что можно считать порнографией, а дельцы «гребут» деньги в карман, юные зрители, не имея выбора для проведения досуга, переполняют зрительные залы видеосалонов, и эти салоны частенько находятся при райкомах комсомола.

Один из видеосалонов местные власти в Куйбышевском районе разместили в подростковом клубе «Луч»; на улице Воронежской закрыли детский клуб, а рядом по соседству с райкомом партии появились сразу два видеосалона. На Разъезжей улице, например, пустовало помещение, в котором общественники попытались организовать своими силами подростковый клуб, но председатель исполкома тов. Кретов отдал помещение под кооператив. И вот четырнадцатилетнему ребенку некуда податься, кроме видеосалона. Стоит ли удивляться тому, что каждое пятое преступление в Ленинграде совершено детьми.

А. АНОШИН
Ленинград

■

Когда Бабушкинский райисполком г. Москвы регистрировал наш клуб избирателей, он всячески старался «оскопить» впрок возможного политического конкурента. Дело дошло до того, что после названия нашего основного документа «Устав» была вычеркнута фраза «клуба избирателей Бабушкинского района»...

Читаем сам «Устав»: одна из задач клуба — «организация регулярных встреч жителей микрорайонов и работников предприятий района»; «членом клуба избирателей может быть любой гражданин района...»; «средства клуба избирателей образуются за счет добровольных взносов членов клуба избирателей и пожертвований жителей района, добровольных взносов организаций и предприятий района». Итак, районный статус клуба, по сути, сохранился.

Однако, когда мы предложили своих кандидатов в райсовет и Моссовет, с регистрацией началась свистопляска. Хотя казалось бы: выдвинуты медик, пенсионер, журналист, домохозяйка, ректор, представители других социально-профессиональных групп... Но странную линию избрали комиссии. Кандидатами на выборы в райсовет Бабушкинского района они не зарегистрировали ни одного выдвиженца клуба, а с выборами в Моссовет произошла еще более занимательная история: в качестве кандидатов были зарегистрированы только сотрудники КГБ и МВД. Словно ни ректор, ни журналист, ни домохозяйка к народу не имеют никакого отношения!

И пошли конфликтные комиссии. Горизбирком Москвы уходит от ответственности и предлагает самим райисполкомам разобраться в статусе зарегистрированных ими же клубов избирателей. Что ж, своя рука — владыка! Все словно делается для того, чтобы представители районных клубов избирателей не уложились в сроки регистрации. Интересная игра! В ее правилах народ разбирается все лучше и лучше. Но знать правила аппаратной игры — это пока еще не значит победить аппарат, борьба которого за монополию на власть продолжается.

Б. САХАРОВ, И. ГОРЯЧЕВА,
В. КЫМПЕАНУ, Н. КУТУЗОВА,
члены координационного совета
Клуба избирателей № 1
Бабушкинского района
Москва

■

Газеты, особенно районные, долгое время находившиеся под гнетом власти своих учредителей, вдруг встрепенулись, глотнули свободы и, кажется, поняли: как прежде, жить уже нельзя.

Вот и наша серпуховская газета «Коммунист» тоже попыталась было изменить свое лицо, и как результат значительно вырос тираж. Жить бы и радоваться. Однако часть журналистов решила в своих творческих поисках продвигаться дальше. Тут-то и натолкнулись мы на непробиваемую стену в лице собственного редактора В. В. Корнеева, в недалеком прошлом инструктора горкома, и первого секретаря Серпуховского горкома партии А. А. Волкова.

Страсти накалились в период прошлогодней предвыборной кампании, когда В. В. Корнеев вместе с аппаратом яростно отстаивал на страницах газеты официального выдвиженца, не давая хода материалам о неугодном, как им казалось, кандидате. В итоге победил более достойный, а официальный выдвиженец получил на выборах всего лишь 12 процентов.

Последней каплей стал, как это ни странно, праздник, состоявшийся в нашем городе по случаю его 650-летия. Было это в сентябре. Тогда на одном из стадионов власти организовали ярмарку. А в это время на втором этаже Дома Советов разворачивалась своя ярмарка. Там не было очередей. Зато был полный набор дефицитов. Вот об этой ярмарке корреспондент А. Гришин написал фельетон. Редактор вначале пообещал опубликовать его, а потом наотрез отказался. В знак протеста мы все шестеро подали заявления об увольнении.

После этого была создана комиссия ГК КПСС, которая пришла к выводу, что суть наших разногласий с редактором — личные амбиции. Состоялось бюро горкома, на котором почему-то первый секретарь ГК КПСС ни в коем случае не хотел давать нам слова, зато наши оппоненты наговорились вдоволь...

Все это время нас поддерживал и защищал народный депутат СССР Е. Л. Головлев. Благодаря его усилиям мы остались работать в редакции.

Наступила пора очередной предвыборной кампании. Вновь появился на горизонте «чужой», нежеланный кандидат. Материалы, так или иначе рассказывающие о нем, пропускаются через фильтр ГК КПСС. Теперь последнее слово: что публиковать, а что отправлять в корзину — не за редактором, а за аппаратом горкома. Совсем недавно редактор вновь, уже более настойчиво и определенно, повторил в разговоре со мной: «Нам под одной крышей не работать...» Кто следующий?

Е. ЛЕОНОВА
сотрудник серпуховской газеты
«Коммунист»,
член Союза журналистов СССР

■

Позвольте со страниц вашего журнала обратиться ко всем компетентным организациям: «Дайте справочку кандидату в народные депутаты!»

Я был выдвинут кандидатом в народные депутаты РСФСР по Профсоюзному избирательному округу № 45 (г. Москва) трудовым коллективом ЦНИИЭП инженерного оборудования. Я и не ждал, что удостоверение кандидата мне доставят на дом, но на минимум информации от комиссии о процедуре регистрации рассчитывал, так как и адрес, и телефоны мои комиссия имеет. Не дождавшись ничего, 17 января явился в комиссию и с удивлением узнал, что, кроме меня и еще одного кандидата, все уже зарегистрированы. От меня же требуются справки, подтверждающие ВСЕ данные, указанные в краткой биографии, предназначенной для предвыборного плаката, или же чтобы эта биография была заверена (кем?!).

Передо мной лежит пакет документов (дипломы об окончании учебных заведений, удостоверения к медалям и даже свидетельство о браке). Не знаю, что еще от меня потребуют, коль скоро избирательная комиссия не доверяет тому, что сообщает о себе сам кандидат. Не проще ли комиссии в таком случае навести справки через районное управление КГБ, УВД или другие компетентные организации?

Я же вновь обращаюсь ко всем организациям: «Дайте справочку!»... что я... психически не болен, не являюсь носителем вируса СПИД и в конце концов не верблюд!

При регистрации 19 января я и другой кандидат, Руднев Юрий Николаевич, были весьма удивлены решением избирательной комиссии печатать краткую биографию и фото кандидата на одной листовке, а тезисы его предвыборной программы — на другой. Так сказать, кандидат сам по себе, а его программа сама по себе. На наши возражения получили железобетонный довод: «А мы так решили!» Устраивает ли это решение кандидатов, избирателей и соответствует ли здравому смыслу, комиссию не интересует.

С. ЗИНЧЕНКО,
кандидат
в народные депутаты РСФСР

Я глубоко благодарна всем, кто пришел проститься с Андреем Дмитриевичем в Московский дворец молодежи, кто пришел на гражданскую панихиду в Лужники, кто проводил его в последний путь, всем, кто в тысячах писем и телеграмм, пришедших из-за рубежа и со всех концов страны, выразил свое сочувствие. Я не в силах ответить всем и не хочу выделять кого-нибудь. Я знаю, что принято выражать благодарность через прессу, но мне хочется надеяться, что каждый, к кому обращено мое письмо, воспримет его как личное. Спасибо вам! Спасибо за разделенные боль и скорбь.

22 января 1990 г.

Елена БОННЭР

БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

ПРОНИКАЮЩЕЕ РАНЕНИЕ

Анатолий ГОЛОВКОВ,
фото Марка ШТЕЙНБОКА

Нам выпало жить в немилосердное время.

Когда-нибудь перед нами откроется полная панорама трагедии в Закавказье. Еще будет рассказано о том, как от искры в Нагорном Карабахе взметнулось пламя беды. Мы еще содрогнемся от подробностей погромов армян в столице Азербайджана, когда заговорят документы,— резни, устроенной молодчиками, выдававшими себя за Народный фронт. Еще станет известно, как и почему ситуация вышла из-под контроля... Еще мы прочтем о том, как бывший первый секретарь ЦК компартии республики будто нарочно выжидал в дни, когда каждая минута множила число жертв... Еще узнаем на каком-нибудь очередном Съезде народных депутатов подробности осады города войсками... Нам еще доложит очередной генерал, кто отдал приказ о срочном призыве резервистов, как Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга на улицах столицы Азербайджана... И, хочется верить: наступит день суда, открытого, гласного, когда поведают нам всем, гражданам этой не знающей покоя страны, как одно преступление, словно по цепной реакции, рождает десятки других...

В начале января бакинских армян предупреждали: убирайтесь, иначе будет худо. Однако еще в декабре прошлого года Всесоюзный совет общественных организаций беженцев-армян из Азербайджанской ССР писал в адрес второго Съезда народных депутатов о том, что ситуация требует «...немедленно восстановить правопорядок в Азербайджанской ССР и безопасность проживающего в республике армянского населения и лиц других национальностей, ввести дополнительный контингент воинских частей и подразделений МВД». Думается, Политбюро ЦК КПСС, правительство располагали и другой исчерпывающей информацией о надвигающейся угрозе. Но радикальных мер не приняли.

Связи с Баку долго не было, а потом вдруг в редакции отчаянно зазвонили телефоны. Застучал телетайп с сообщениями, похожими на сигнал бедствия из штормового океана. Нас, журналистов «Огонька», возмущенно спрашивали из Еревана и Баку: «Почему нет правдивой информации о событиях в Азербайджане? Что требуется телевидению, чтобы передать подробные репортажи, разве не хватает видеокамер и самолетов? Почему никто, кроме западных радиостанций, не сообщает, что в Баку продолжаются бои?» И люди за тысячи километров, рискуя жизнью, выносили на балкон телефонные аппараты — сквозь помехи доносились взрывы, автоматные очереди. Сжималось от беспомощности сердце...

А потом мы увидели беженцев.

Как только заработала паромная переправа в Красноводске, они хлынули в Москву тысячами, заполнили вокзалы и аэропорты. Старухи, о руки которых расисты гасили сигареты, полураздетые дети в домашних тапочках, женщины и мужчины с потухшими от горя глазами. Мы видели армян, которые оказались виноватыми лишь в том, что рождены армянами, и азербайджанцев, которых изгнали лишь за то, что мать, отец, жена или муж другой национальности...

Фото Александра Джуса

Вот их голоса, записанные на диктофон. Наберитесь мужества, послушайте...

Артем Александрович Данилян, 81 год:

— Я из Баку. Пятьдесят шесть лет своей жизни работал, воевал на фронте. Когда нам стали угрожать, я, дочь и две внучки неделю жили в подвале. Потом пришли военные и забрали нас. Армян там, наверное, уже не осталось. Может быть, некоторые еще прячутся...

Леонид Алтунян:

— 16 января к нам пришел участковый, майор милиции, вместе с человеком, который назвался представителем Народного фронта. Сказали: «Покидайте квартиру, иначе вас будут убивать». Мы подчинились — все-таки официальные лица. Неделю нас продержали в запертом помещении. Жену отпустили, поскольку она русская. Меня с отцом и других — там было человек двадцать — избивали несколько раз в день... Только потом под охраной солдат переправили в Москву.

Дмитрий Сергеевич Папику, 48 лет:

— Я видел все с самого начала. Видел, как поджигали машины с инвалидами, громили инвалидные коляски, выбрасывали из окон имущество, хватали людей на улицах... Меня взяли 13 января как заложника, несколько дней держали в комнате, кажется, метров десять квадратных, где нас было около сорока человек. Мучали каждые полчаса, пытали, избивали. Меня били коваными ботинками, заставляли мыть туалеты. Слава Богу, что вырвались...

Рауф Али-оглы Алискеров:

— Я азербайджанец, но мать — армянка. Нас тоже выселили, когда я был на работе. Они забрали все деньги и били мою мать. Об этом она рассказала, когда я ее нашел. Меня тоже стали избивать, приговаривая: «Откажись от матери, иначе ты не тот человек...» Все они были с ножами. Спасибо солдатам, которые охраняли нас на пароме и дали еды...

...Голоса этих людей прозвучали на Курском вокзале Москвы 22 января 1990 года. На магнитофонной пленке — десятки рассказов очевидцев, и подавляющее большинство из них не «чистые» армяне и не «чистые» азербайджанцы, немало и русских. Чем же провинились эти обездоленные люди перед землей, где родились, работали, жили, язык которой знали не хуже родного? Убежден: в средневековом разбое, учиненном головорезами, нельзя обвинять весь азербайджанский народ, преследовать целые народы могла только сталинская клика. Многие азербайджанцы прятали своих соседей-армян так же, как в июне прошлого года некоторые узбеки — турок-месхетинцев.

Несколько десятилетий эксплуатировали нашу веру и при помощи насилия, страха удерживали «Союз нерушимый республик свободных». Сколько еще песен было сложено о «братской дружбе», сколько бумаги переведено зря! Новая федерация не создана. Старую — пытаются удержать силой оружия ради сохранения прежних порядков.

Как бы там ни было, колокол пробил, кровь пролилась; месть принесет лишь новые бессмысленные жертвы.

Надо остановиться! Никакая национальная или державная идея не может оправдать гибель сограждан в мирные годы. Никогда еще кровавая вендетта никому не приносила благополучия и покоя.

Ни один народ земли не был счастлив за счет чужого горя.

Предав наших мертвых земле с честью и достоинством, подумаем о живых... Тысячи беженцев хлынули за пределы Азербайджана, в том числе и русские, в основном из семей военных. Все наши газетные и телеразговоры о милосердии останутся пустым звуком, если не позаботиться о людях, которые надолго, если не навсегда утратили кров на родине, потеряли родных.

Межнациональная война в Закавказье, которая продолжается за пределами Баку, еще не вполне осознана как национальное бедствие. Российские города, в том числе и Москва, оказались не готовы принять и обогреть изгнанных армян, азербайджанцев, русских, позаботиться о детях и стариках, беспомощных, больных, без денег и документов. Это не только те, кто пострадал от погромов, от стычек на горных перевалах и штурма бакинских улиц,— все наше общество, которое мы перестраиваем с таким трудом, получило проникающее ранение, и рубцы этой немыслимой войны еще долго будут мучить людей.

Ничто живое не подлежит убийству.

Но только один вопрос не дает покоя, хочется спросить всех вас и самого себя: что же со всеми нами случилось?

Баку. Утро 20 января 1990 года после ввода войск. Автор фото неизвестен.

Алексей КИРЕЕВ,
кандидат экономических наук

КОНВЕРТИРУЕМЫЙ РУБЛЬ. ЗАЧЕМ ОН НАМ НУЖЕН?

В книжном магазине «Черное море», что на Брайтон Бич в Нью-Йорке, где живут преимущественно эмигранты из СССР, у меня состоялся примечательный диалог с человеком американской наружности, но с типичным одесским выговором.

— Слежу я за вашей перестройкой,— сказал он, по каким-то признакам отличив меня от толпившихся вокруг эмигрантов.— Только думаю, что в экономике ничего не получится.

— ?

— Вы строите красивый новый автомобиль, но без руля и колес. А посему он не поедет. Я имею в виду финансовую реформу. Бесполезно перестраивать хозяйственный механизм, не укрепив рубль. Преобразования в денежной системе обычно предшествуют всякой структурной перестройке, а вы их оставили на потом...

На заре нэпа В. И. Ленин писал, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. Крайняя непопулярность идеи любых перемен в финансовой сфере, которые у большинства однозначно ассоциируются с повышением цен, заставила отодвинуть ее на второй план. И даже те народные депутаты, которые высказывались за реформу финансов во время предвыборной борьбы, столкнувшись с резко отрицательным отношением со стороны избирателей, стараются упоминать о ней лишь вскользь.

Между тем наши финансы агонизируют, и если в них не будут произведены — причем в самое ближайшее время — серьезные изменения, то и здоровье перестройки может быть сильно подорвано. Ведь речь идет о несрабатывании таких важнейших экономических рычагов, как цена, кредит, процентная ставка и, как следствие, бездействии или неэффективности действия международных экономических рычагов, в том числе валютного курса во взаимоотношениях с мировым рынком. А ведь именно эти инструменты «сшивают» национальную экономику в единый народнохозяйственный комплекс, не дают производителям разбрестись по хозрасчетным квартирам, отгородиться от соседей высоченной стеной собственных экономических интересов. Именно с их помощью государство оказывает регулирующее воздействие на хозяйственное развитие. Наконец, только через них осуществляется не натуральный обмен, а поистине экономическая связь с остальным миром, сопоставляются национальные и интернациональные издержки производства.

Радикальная реформа финансов призвана не только укрепить обесценивающийся рубль, установить его реальный курс по отношению к другим валютам и в конечном итоге сделать рубль конвертируемым, что является важнейшим условием интеграции советской экономики в мировое хозяйство и предпосылкой достижения принципиальной сопоставимости наших тенденций и параметров развития с общемировыми.

Вокруг проблемы конвертируемости рубля скрестили шпаги уже не только советские, но и зарубежные ученые. Спектр мнений самый широкий: от возможности быстрого введения конвертируемости рубля в развитие уже существующих сфер его обмена на иностранную валюту (частные поездки за рубеж, туризм и т. д.) до принципиальной невозможности обеспечения конвертируемости по крайней мере до тех пор, пока не заработает рыночный механизм.

Но все сходятся в одном: без конвертируемой валюты мы не впишемся в мировое хозяйство, будем и дальше жить, по-страусиному спрятав голову под крыло, не зная, какое место мы занимаем в международной системе экономических координат.

В пылу полемики смешались понятия. Поэтому сначала надо уточнить некоторые из них. Прежде всего, за какой рубль мы боремся? Конвертируемый? Обратимый? Твердый? Нередко эти понятия употребляются как синонимы, хотя они являются таковыми не в полной мере.

В соответствии с наиболее широким определением Международного валютного фонда (МВФ) конвертируемой считается валюта, которая может использоваться без каких-либо ограничений для любых операций, может быть без ограничений обменена на любую другую валюту и в состоянии обмениваться по своей номинальной стоимости по официальному курсу.

Лаконичная формулировка главной международной валютно-финансовой организации означает, что конвертируемость валюты невозможна без внутреннего валютного рынка, то есть, применительно к нам, купли-продажи иностранной валюты за рубли и рублей за валюту внутри страны; без гибкого валютного курса, то есть соотношения между рублем и иностранными валютами, устанавливаемого не по разумению Госбанка, а на основе спроса и предложения; без свободы торговых и финансовых операций, которые регулировались бы государством экономическими методами, а не административными разрешениями и запретами, как до сих пор практиковалось у нас; без возможности использования иностранцами (нерезидентами) нашей валюты, в том числе и за пределами СССР; и, наконец, без возможности советских граждан (резидентов) владеть и распоряжаться иностранной валютой.

Обратимость — это одно из свойств конвертируемости валюты, ее способность обмениваться на другие валюты. Неверно сводить конвертируемость только к возможности обмена валюты на другие, поскольку при этом широкое экономическое понятие, отражающее состояние развития хозяйства страны в целом, сводится лишь к одному ее техническому признаку, который хоть и является необходимым атрибутом конвертируемости, но далеко не тождествен ей.

Наконец, твердость — это признак, характеризующий валюту со стороны ее курса по отношениям к другим валютам и с точки зрения ее покупательной способности. Твердой обычно называют валюту, которая характеризуется стабильным курсом и высокой покупательной способностью на внутреннем и международном рынках. Поэтому твердая валюта практически всегда конвертируема, тогда как конвертируемая валюта далеко не всегда бывает достаточно твердой.

Дискуссия ведется в основном вокруг того, как сделать рубль конвертируемым в широком смысле слова, хотя такого состояния своей валюты по сей день не добилась ни одна страна, за исключением Люксембурга. Но большинство авторов понимают под конвертируемостью простую обратимость рубля, нередко утверждая, что при социализме якобы уже существует некая «усеченная» форма конвертируемости, например, при обмене валюты туристам, едущим за рубеж.

В застойные годы вопрос о конвертируемости рубля поднимать считалось неприличным. С известным критицизмом или даже иронией в печати мельком упоминался опыт Венгрии, усилия некоторых других социалистических стран, которые предпринимали шаги в сторону большей интеграции с международной валютной системой и в принципе провозгласившие своей целью переход к конвертируемости валют.

Тогда у нас никого особенно не волновало, что валюта страны, занимающей шестую часть белого света и являющейся по всем мыслимым меркам крупнейшим хозяйствующим субъектом, относится по международной классификации к замкнутым, неконвертируемым валютам, сфера использования которой ограничивается национальными рамками. А между тем уже свыше 60 стран из 151 страны — члена МВФ, в том числе практически все развитые и многие развивающиеся государства, сделали свои валюты конвертируемыми. В том числе 17 стран — в их числе США, Англия, ФРГ, Япония, Нидерланды, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Сингапур, Малайзия, арабские нефтедобывающие страны — полностью отменили валютные ограничения. Их валюта является конвертируемой, обратимой, твердой, что, конечно, не исключает временами довольно сильные валютные бури и потрясения.

С началом перестройки необходимость перехода к конвертируемости рубля была осознана не сразу. На официальном уровне этот вопрос был впервые поставлен лишь в июне 1987 года на Пленуме ЦК КПСС.

В повседневной жизни конвертируемость воспринимается как возможность беспрепятственно обменивать рубли, на которые нечего купить, на одну из западных валют и купить на нее то, чего не хватает. Реально же значение конвертируемости национальной валюты выходит далеко за пределы такого меркантильного мировоззрения.

Прежде всего конвертируемый рубль, имеющий реальный курс по отношению к другим валютам, позволит наконец выяснить, сколько же на самом деле стоят производимые нами товары да и наш труд в целом. Тем самым он, как лакмусовая бумажка, выявит реальную, а не дутую эффективность советской экономики и внешнеэкономических связей. Не исключено, что мы ужаснемся той бездарности, с которой растрачиваются ·богатейшие ресурсы да и труд советского человека.

Конвертируемый рубль превратит нашу страну в страну-инвестора, сделает советские предприятия реально заинтересованными во внешнеэкономических связях, а иностранных предпринимателей — в капиталовложениях в СССР. По сей день западные бизнесмены не очень понимают, что можно сделать с рублями, полученными на советском рынке, и развитие многих совместных предприятий упирается в сложность обеспечения их валютной самоокупаемости, чего требует закон.

Перспектива расплачиваться за иностранные товары советскими рублями сняла бы извечный вопрос о нехватке валюты, в бесплодном решении которого заключена вся наша внешнеэкономическая философия.

Возможность беспрепятственно менять рубли на зарубежную валюту позволит нам чувствовать себя за границей не бедными родственниками, трясущимися за каждый доллар мизерных суточных, но делающими при этом солидную мину, а полноценными человеками, могущими без тягостных раздумий и сопоставлений позволить себе даже зайти перекусить в «МакДональдс». И на пристрастный вопрос таможенника в аэропорту «Шереметьево», сверлящего вас пронзительным взглядом,— «Валюта есть?» — можно будет спокойно ответить: «Есть» — и не трястись за пятидолларовую бумажку в кошельке, оставшуюся от прошлой командировки.

И приехав в заморское государство, куда ведомства, как водится, отправляют своих людей без цента на дорогу, можно будет, поменяв рубли в аэропорту, позвонить в посольство или взять такси.

Наконец, конвертируемый рубль один в состоянии сломать хребет огромной валютной мафии, стригущей колоссальные купоны на порядковых различиях официального курса рубля к доллару и курса валютного черного рынка. Ведь в ФРГ, например, никому и в голову не придет искать человека на улице, чтобы обменять марки на доллары на более выгодных условиях, чем это можно сделать в банке. Курсы конвертируемых валют более или менее соответствуют их покупательной способности.

Закончу панегирик конвертируемому рублю на минорной ноте. Нельзя не видеть, что прямая связь через него с мировой финансовой системой неизбежно перенесет в нашу экономику и все ее пороки: подверженность конъюнктурным колебаниям, несбалансированность расчетов, разного рода «валютные бури» и т. д. Снивелировать это влияние прежними директивно-командными методами уже не удастся. При первом же введении по той или иной причине административного ограничения свободного обмена валюты будет подорван механизм конвертируемости и дискредитирована сама идея. Для использования же чисто экономических рычагов, таких, как оперативное изменение процентных ставок, скупка или продажа валюты за счет резервов центрального банка, у нас нет пока ни достаточного опыта, ни материальных резервов.

Страсти кипят вокруг извечной проблемы: что ставить впереди — телегу или лошадь? Одни считают, что конвертируемый рубль должен выполнить роль ломового тяжеловеса, который вытянет на себе нашу экономику из глубочайшего кризиса недопроизводства. Другие полагают, что сперва надо как следует смазать скрипящую телегу хозяйственного механизма, провести глубокую реформу экономических отношений, превратить существующий базар в цивилизованный рынок и лишь потом на основе всего достигнутого вводить конвертируемый рубль.

Если для первой группы ученых конвертируемый рубль — радикальное средство лечения экономики, то для вторых — далекая цель, которая может быть достигнута, только когда экономика реально встанет на ноги.

Два типичных примера.

Народный депутат СССР, член-корреспондент АН СССР Н. Петраков: «Мы не сможем провести перестройку нашей экономики, не сделав ее открытой на мировом рынке. Попытки ее оздоровить без активного включения в международное разделение труда — это бессмысленный путь. Мы нуждаемся в западных технологиях, в западном капитале. Но они никогда к нам не придут, если мы не сможем с ними расплачиваться твердым рублем».

Проект группы экспертов из СССР, США, Канады и Франции предлагает пятиэтапный переход к конвертируемости рубля, возможно, уже к 2000 году. Главный тезис проекта — для превращения рубля в конвертируемую валюту необходимо осуществить кардинальную реформу советской экономической системы. Вместе с тем препятствия, стоящие на пути даже частичной конвертируемости советской валюты, огромны. Этот процесс может вызвать стремительный рост инфляции, еще большую нехватку товаров, безработицу и усилить расслоение людей по имущественному признаку.

«Поженить» два подхода вряд ли удастся, поскольку они различаются по самой своей сути. Причем сторонники каждого из них ссылаются на исторический опыт, как отечественный, так и зарубежный.

Те, кто ратует за быстрое введение конвертируемости, не без оснований вспоминают задушенный Сталиным конвертируемый червонец периода нэпа.

Переход всего за 2—3 года разоренной крестьянской страны с катастрофически обесценивающейся валютой, когда и за миллион ничего нельзя было купить, к конвертируемому червонцу воспринимается сегодня, на пятом году перестройки, как некое экономическое чудо.

А между тем никакого особого чуда и не было. Был хорошо продуманный и взвешенный ленинский план развития рыночных отношений: замена продразверстки продналогом, а позже — денежным сельскохозяйственным налогом, восстановление Госбанка при одновременной ликвидации его монополии путем создания сети коммерческих банков, прекращение финансирования промышленности за счет госбюджета, введение государственной скупки драгоценных металлов, камней, иностранной валюты и ряд других мер, которые привели к конвертируемости рубля.

В 1922 году стало возможным принятие закона, в соответствии с которым Госбанку предоставлялось право эмиссии банковских билетов в червонцах. Зафиксированное золотое содержание червонца (7,74234 грамма чистого золота) соответствовало старой десятирублевке. Стоимость червонца обеспечивалась Госбанком на четверть драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой, а в остальной части — легкореализуемыми товарами, краткосрочными векселями и другими обязательствами.

Курс червонца на валютном рынке определялся спросом и предложением и поддерживался Госбанком через продажи и покупки фондовых ценностей. Курс был стабильно выше золотого содержания, что позволяло вытеснять из обращения не только старые обесценивающиеся рубли, но даже золото и иностранную валюту.

Конвертируемый червонец дал реальный масштаб стоимости. Производители поняли, чего действительно стоит их продукция, и стали резко увеличивать производство того, что требует рынок. В результате в 1924—1925 годах продукция промышленности по сравнению с предыдущим двухлетием возросла на 57 процентов, производительность труда — на 40 процентов. Денежная масса увеличилась в четыре раза. Деньги, как и сегодня, печатали. Но дополнительная эмиссия обусловливалась тогда быстро растущей товарной массой, которая соответственно требовала наполнения каналов денежного обращения, а не попытками свести дебет с кредитом в дырявом госбюджете, как это делается теперь.

Был установлен свободный порядок вывоза советского червонца за рубеж и его ввоза в страну. Он стал продаваться и покупаться на валютных биржах в Милане, Риме, Стамбуле, Харбине, Шанхае и в некоторых других заморских городах.

Подрыв червонца стал составной частью политики отхода от нэпа и принятия сталинских командных методов управления экономикой. Они не в последнюю очередь были направлены на то, чтобы отгородиться Китайской стеной от мирового хозяйства, придать анафеме рынок, который надолго потом стал категорией политэкономии капитализма.

Пренебрежение элементарными методами экономического регулирования, уже отработанными за годы нэпа, привело к тому, что внутри страны цены стали расти быстрее, чем на мировом рынке. Это, в свою очередь, снизило покупательную способность червонца, оторвало ее от его золотого содержания. Разрослась валютная спекуляция: в СССР ввозились дешевые иностранные товары для того, чтобы продать их за червонцы. Затем червонцы обменивались на иностранную валюту по официальному курсу. На разнице цен получалась спекулятивная прибыль.

Этого уже было достаточно Сталину и его ближайшим помощникам, чтобы, апеллируя к наведению порядка, запретить в 1926 году вывоз советских червонцев за границу, а еще через два года — и их ввоз. К тому времени в стране уже и так было предостаточно неотоваренных рублей. Конвертируемость под фанфары была похоронена, не успев толком набрать силы. Эти похороны стали одной из первых мер по нашему уходу из мировой экономики, о необходимости взаимодействия с которой столь много и ярко писал В. И. Ленин.

Опыт быстрого введения конвертируемости валюты на базе смелых мер по реформе финансов не следует переоценивать с позиций сегодняшнего дня. Слишком уж экзотичны были условия 20-х годов, как, впрочем, экзотичны и те экономические условия, в которых мы находимся сегодня.

Непопулярность резких движений в настоящее время связана не в последнюю очередь с тем, что в большинстве случаев решительные меры, принятые в прошлом, слишком часто оказывались ошибочными и т. д. Вспомним хотя бы борьбу с пьянством. Поэтому общественное мнение все больше склоняется к тому, что надо идти постепенно, шаг за шагом, набираясь опыта, совершенствуя отдельные секторы экономических отношений, чтобы в результате получить здоровый хозяйственный организм.

Идея «тихого вползания» в конвертируемость в этой связи получает все большее число сторонников. Мотивируется это обычно тем, что конвертируемость валюты — это следствие определенного состояния экономики, которое нельзя достичь декретом. Немаловажную роль играет также и послевоенный опыт постепенного перехода к конвертируемости валют большинства западноевропейских стран.

Действительно, во время и после второй мировой войны практически все валюты были неконвертируемыми. Исключение составляли лишь доллар США, швейцарский франк и шведская крона. Осознавая, что без конвертируемости валют решение задач послевоенного восстановления окажется очень сложным, страны, собравшиеся в 1944 году на конференцию по валютно-финансовым вопросам в американском местечке Бреттон-Вудс, приняли взаимные обязательства ввести после войны в возможно короткие сроки конвертируемость своих валют. Кстати, на этой конференции были созданы МВФ и Мировой банк, по сей день являющиеся центральными учреждениями, регулирующими валютно-финансовую и кредитную политику. Участвовал в ней и Советский Союз, но отказался подписать заключенные там соглашения, поскольку счел разделение голосов «по капиталу», составляющему взносы страны, недемократичным.

Характерен опыт введения конвертируемости шиллинга Австрией, которой потребовалось для этого без малого 15 лет. Столкнувшись в послевоенные годы со значительным избытком бумажных денег, под которые не было достаточного количества товаров, австрийское правительство на первом этапе в два раза девальвировало шиллинг, ввело множественность обменных курсов, предприняло решительные меры по стабилизации своей экономики, наращиванию экспорта.

Позже Австрия отказалась от множественности обменных курсов, что могло быть оправдано только на очень ограниченный промежуток времени, пока не удавалось обеспечить сбалансированность международных операций. Курс шиллинга был унифицирован, либерализованы условия импорта, сняты многие валютные ограничения. В 1959 году Австрия провозгласила свою валюту конвертируемой по текущим операциям, и только в 1962 году она присоединилась к статье VIII устава МВФ, определяющей понятие конвертируемости.

Столь пространный экскурс в историю потребовался нам, чтобы понять, по какому же из двух путей идем мы сегодня, заявляя о решимости сделать рубль конвертируемым. Что же всетаки стоит впереди — телега или лошадь?

С одной стороны, разрешение платить крестьянам валютой за сверхплановое зерно (несмотря на несвоевременность и непродуманность этого решения), кампания за реанимацию валютных «Березок», проведение валютного аукциона вроде бы свидетельствует о желании если не создать твердую валюту, параллельную рублю, то, во всяком случае, внедрить во внутренний оборот конвертируемую западную валюту.

С другой стороны, скороспешное введение с началом реформы внешнеэкономических связей в 1987 году нескольких тысяч так называемых дифференцированных валютных коэффициентов (ДВК), выполняющих роль множественного валютного курса по различным товарам, принятие решения о применении с 1 января 1990 года 100-процентной надбавки к официальному курсу рубля по отношению к конвертируемым валютам (что на деле означает девальвацию рубля наполовину по коммерческим операциям), введение с 1 ноября 1989 года специального пониженного курса рубля к свободно конвертируемым валютам для валютного обслуживания советских и иностранных граждан и ряд других шагов говорят о том, что мы вроде бы настроились на длительную

поэтапную работу по превращению рубля в конвертируемую валюту.

Предпринимаемые меры позволяют поставить предварительный диагноз нашим действиям в этом направлении — отсутствие концепции. Неспроста, видимо, видя наши шараханья, американские Фонд Ферса и институт Эселен совместно с Институтом экономики АН СССР и газетой «Социалистическая индустрия» объявили недавно международный конкурс на лучший проект того, как сделать рубль конвертируемым, посулив за первое место аж 25 тысяч долларов.

Трудно отрицать, что уже предпринятые шаги сыграли некоторую роль в оздоровлении финансовой ситуации, но их непоследовательность и половинчатость более чем очевидны. Если мы действительно стремимся к конвертируемости рубля и хотим войти в мировое хозяйство на достойных великой державы условиях, необходима крупная финансовая реформа.

На первом месте в ней, видимо, должна стоять глубокая реформа цен. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, сошлюсь на оценку мирового авторитета в области экономики В. Леонтьева: «Из-за произвольно установленных в настоящее время цен даже самый опытный директор принимает неправильные решения, неверные с точки зрения всей экономики. В свободном рыночном хозяйстве система цен, напротив, колеблется в зависимости от решений менеджеров, которые принимают их, исходя из соображений получения прибыли. Экономика при этом представляет собой как бы гигантский компьютер, который решает задачу, сравнивая одно за другим большое число ценовых уравнений».

Параллельно могла бы идти денежная реформа, которая была бы реальным шагом к конвертируемости рубля. Всерьез обсуждаются два основных пути: введение «параллельной валюты», которая, будучи обеспеченной товарами, вытеснит собой нынешние рубли, и укрепление существующей денежной единицы путем изъятия лишних денег из обращения и девальвации рубля, то есть снижение его покупательной способности до реально существующего уровня.

Идея «параллельной валюты» на состоявшейся недавно Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам радикальной экономической реформы, где собрались светила нашей экономической мысли, поддержки не нашла. Аргумент: «параллельная валюта» означала бы скрытую денежную реформу и окончательно дестабилизировала бы обычный рубль, хотя целью является, наоборот, его стабилизация.

С моей точки зрения, «скрытая» денежная реформа ничуть не хуже, чем «явная», лишь бы она дала желаемый результат. Обсуждался и такой вариант. Провести прежде всего обмен денег по номиналу: дать за рубль — рубль, за десятку — десятку, за сотню — сотню. Только десятка, которая была красной, пусть будет, например, синей. Такая операция, кстати, проводилась в некоторых странах и дала неплохие результаты. Если дать на обмен короткий срок, то подпольные миллионеры и дельцы теневой экономики просто не успеют раздать десятки тысяч по друзьям и знакомым, чтобы те обменяли их один к одному. А придешь в банк с миллионом, сразу возникнет вопрос: откуда взял? Покажи декларацию о доходах.

«Неужели дельцы теневой экономики настолько глупы, чтобы хранить деньги в наличных? — недоумевает иной читатель.— Они давно вложили их в золото, драгоценности и т. д.».

Конечно, всех воровских денег на простом обмене рублей не возьмешь. Но уверен, что при нынешнем бегстве от денег, когда в очередь в ювелирные магазины записываются с ночи, чтобы купить все равно что, лишь бы потяжелее и подороже, быстро спустить миллионы практически невозможно. По различным оценкам, на операции простого обмена денег государство может изъять из оборота несколько десятков миллиардов нечестно нажитых средств. Разумеется, техника такого обмена должна быть тщательно продумана, грамотно и конспиративно спланирована. В этом случае невозможность вложить деньги в товар может, как это ни парадоксально, сыграть положительную роль.

На следующем этапе необходим еще один обмен денег, но уже не по номиналу, а в определенной пропорции. Скажем, подсчитать реальный потолок сбережений, которые могут иметь отдельные категории трудящихся. Не думаю, что у кого-то он может оказаться больше чем 25 тысяч, ну максимум 30 тысяч рублей на человека. Деньги до этого предела поменять один к одному, а все, что выше, — один к десяти. Если писатель, академик или Хазанов заработал 100 тысяч, пусть представит декларацию о доходах, и ему поменяют все один к одному.

Другой путь — девальвация существующего рубля. Опыт девальвации своей денежной единицы у нас есть. Я имею в виду денежную реформу 1961 года. Тогда народ попросту обманули, сведя дело к повышению золотого содержания рубля — с 0,222168 грамма до 0,987412 грамма, то есть в 4,4 раза. Но одновременно десять «старых» рублей были приравнены к одному «новому», что означало повышение масштаба цен не в 4,4, а в 10 раз. Нетрудно подсчитать, что фактически рубль был девальвирован примерно в 2,3 раза, а с ним и наша зарплата.

В соответствии с постановлением Совета Министров от 2 декабря 1988 года с 1 января 1990 года вводится 100-процентная надбавка к официальному курсу рубля к конвертируемым валютам в расчетах по внешнеэкономическим операциям. Западные обозреватели немедленно оценили этот шаг как фактическую девальвацию рубля на 50 процентов. Поскольку иным представителям советских внешнеэкономических ведомств девальвация кажется малопрестижным шагом, они поспешили объявить, что вводимая надбавка-де не девальвация, поскольку она не затрагивает официального курса рубля и, по существу, лишь заменяет действующую систему дифференцированных валютных коэффициентов.

Если двукратная девальвация рубля по торговым операциям пройдет довольно незаметно, поскольку не затрагивает никого лично, то десятикратная его девальвация по неторговым операциям грянула как гром среди ясного октябрьского неба. Я находился в тот момент за границей и воочию видел, как совработники, имеющие валюту, схватились за кошельки и начали лихорадочно подсчитывать свои капиталы, исходя из нового соотношения.

Введение специального пониженного курса рубля в секторе неторговых операций (обмен денег при личных поездках, командировках, загрантуризме) не окажет сколько-нибудь существенного воздействия на покупательную способность рубля в целом — уж очень незначительную часть занимают неторговые операции в валютном обороте страны. Из 27 миллиардов рублей валютных операций неторговые составили в прошлом году всего около 100 миллионов рублей — доли процента.

Предпринятые меры, несмотря на их нескоординированность между собой, должны были стать важным шагом на пути установления реальной покупательной способности рубля и, самое главное,— его реального курса по отношению к другим валютам. Такой курс, в свою очередь, является необходимым условием введения конвертируемости.

Продолжающий действовать официальный курс 1 доллар = 60—65 копеек, установленный в начале 60-х годов, является директивой: он ничего не регулирует и ничего не отражает. Более того, подсчитывается он по современной методологии в недрах Госбанка, которая, если судить по данным, проникающим в печать, не выдерживает никакой критики. Курс советского рубля по отношению к зарубежным валютам определяется на базе «корзины» валют, в которую входят американский доллар, западногерманская марка, японская йена, английский фунт стерлингов, французский и швейцарский франки. Причем доля доллара в этой «корзине» непомерно высока, в результате чего получается, что курс нашего рубля реально определяется в далеком Вашингтоне.

Произведенная девальвация не выправила да и не могла выправить курса рубля. Может быть, поэтому пока лишь декларируется переход к новому валютному курсу только с 1991 года, да и то непонятно, как он будет подсчитываться. Говорят о введении рыночного валютного курса, реального курса и т. д.

Образец того, как мы считаем «реальный» валютный курс, дал на брифинге в пресс-центре МИДа председатель Правления Госбанка СССР В. А. Пекшев. На вопрос о том, откуда, собственно, взялось новое соотношение по неторговым операциям «1 долл. = 6 руб. 26 коп.», он ответил: «Для того, чтобы прийти к нему, надо было найти методологию расчета. В основе ее лежало сопоставление стоимости услуг всех неторговых операций у нас и в странах, которые имеют свободно конвертируемую валюту. Кроме того, была учтена эффективность импортных потребительских товаров, поступающих за свободно конвертируемую валюту из-за границы. Сложение этих двух факторов, их взвешивание и дало этот базовый курс с известным округлением».

Мудрено не заметить, что новый курс рубля попросту в 10 раз ниже официального, но будем считать, что это удивительное совпадение, и обратимся к изложенным аргументам. Из них следует, что новый курс рассчитан на базе соотношения цен на услуги у нас в стране и за рубежом с учетом разницы цен (эффективности) на импортные товары внутри страны и за границей.

Конечно, не вина Госбанка, что в стране нет валютного рынка. Но его руководителю не грех было бы оговориться, что реальный валютный курс, который можно вычислить по паритетам покупательной способности валют с учетом действующих цен, практически никогда не соответствует фактическому валютному курсу. Он определяется не только и не столько соотношением цен на товары и услуги в отдельных странах, хотя и зависит от них, сколько такими фундаментальными экономическими факторами, как состояние платежных балансов, уровень процентной ставки, масштабы движения капитала и т. д.

Никакие, даже самые смекалистые функционеры Госбанка, располагающие даже наисовременнейшими компьютерами, не смогут рассчитать фактического валютного курса. Это в состоянии сделать только рынок. Валютные курсы регулируются рынком, существующим во взаимоотношениях с главными торговыми партнерами страны, и регулируются индивидуально или коллективно с помощью экономических рычагов, с тем чтобы выдерживать конкуренцию, балансировать расчеты и тем самым поддерживать конвертируемость валюты.

То, что новый валютный курс по неторговым операциям, хоть и «реальный» по причине «научной обоснованности», но не соответствует фактическому, немедленно показал «черный» валютный рынок, где хоть и в ублюдочном виде, но все же действуют правила свободной купли-продажи.

Характерно в этой связи признание некоего профессионального фарцовщика, которого взяли на «работе» 1 ноября, то есть в первый день введения специального курса рубля. Узнав о понижении курса за месяц до официального сообщения, он сразу же счел эту акцию, мягко говоря, непродуманной.

«Как можно было надеяться, что полумера даст серьезные результаты? Если уж они действительно хотят победить «черный» рынок или хотя бы сбить цены, надо было доводить курс доллара до его реальной стоимости. Неужели можно думать, что иностранец, один раз продавший мне доллар за 12 рублей (ничем, кстати, не рискуя), потом пойдет в банк продавать его за шесть?»

Эту исходную слабость нового курса рубля моментально подметили американские экономисты. Газета «Нью-Йорк таймс» буквально на следующий день после сообщения Госбанка опубликовала диаграмму из трех столбцов: первый — высотой 0,63 см (официальный курс рубля), второй — 6,26 см (специальный курс) и третий — 15 см (курс «черного» рынка). Из нее сразу же становится ясно, что специальный курс рубля болтается где-то посередине между официальным курсом и курсом «черного» рынка, толком ничего не меняя.

Но если новый курс рубля не оказал почти что никакого влияния на официальный курс, то «черный» рынок немедленно отреагировал повышением цен на дефицит валюты, который еще только мог возникнуть из-за того, что некоторые не очень опытные иностранцы, привлеченные новым курсом, пойдут менять валюту в банк. Уже 1 ноября доллар стоил там на 2—3 рубля дороже, чем неделю назад: 14—15 — для иностранцев, 17—18 — для скупщиков и 19—20 — для советских граждан, отъезжающих за рубеж.

Если уж и понижать курс рубля к доллару, то надо было сразу же доводить его до фактического уровня «черного» рынка, сделав, с одной стороны, невозможным дальнейшее повышение цен на валюту для фарцовщиков, поскольку ее просто никто не купит, а с другой — ненужным для иностранцев искать фирменных парней в подворотнях, если они могут провести законный обмен валюты на тех же условиях. То есть просто сделать «черный» рынок официальным.

Вследствие половинчатости принятых мер хорошее в принципе дело в большой степени дезавуировалось. Экономический смысл специального курса рубля свелся к банальному пополнению государственного бюджета за счет средств граждан, отъезжающих за рубеж. Ведь за 200 рублей теперь можно получить лишь 30 долларов, и даже при увеличении квоты обмениваемой валюты перспективы окупить поездку за счет купленного за рубежом видео или компьютера оказываются не столь радужными, как прежде. Хотя, заметим, при курсе 20 и более рублей за доллар при операциях с электроникой и видеотехникой и 60 рублей за доллар при перепродаже жемчуга поездки для валютных спекулянтов все же имеют смысл.

Под видом введения спецкурса рубля государство отнимает хозрасчетные средства предприятий, которые для того, чтобы послать своего специалиста за рубеж за собственные валютные средства, теперь должны отдавать государству так называемое рублевое покрытие этих средств, разумеется, по новому курсу. Возникла парадоксальная ситуация: предприятие, чтобы взять свою валюту в банке, должно ему же заплатить рублями один к шести.

С точки зрения нынешней финансовой ситуации такое «алаверды», безусловно, имеет смысл, но к экономике это никакого отношения не имеет.

Как видно, достижение конвертируемости рубля не на шутку осложняется нереальностями существующего валютного курса и трудностями его определения. Уж слишком экзотична наша страна с точки зрения набора имеющихся на прилавках товаров и особенно их цен, чтобы это можно было сделать в одночасье. Ведь для того, чтобы рассчитать хотя бы реальный валютный курс по стоимости «корзины» однотипных товаров, надо эти товары как минимум

иметь. На Западе, где действуют космополиты — транснациональные корпорации, многие потребительские товары просто повторяются от страны к стране.

У нас ситуация иная. Не надо говорить, что советские потребительские товары не соответствуют западным по качеству. Многих у нас просто нет. Я имею в виду не только компьютеры, но и огромное количество продовольственных товаров, увидя которые на прилавке не сразу поймешь, что это такое и как это едят. Более того, в условиях ажиотажности потребительского спроса совершенно неясно, из каких, собственно, товаров составлять эти «корзины»! Если взять корзину, где будут видео, стерео, компьютеры, косметика, жемчуг, то курс рубля к доллару может оказаться 1:20, а то и выше. Если же взять корзину, где будут хлеб, молоко, мясо, квартплата, билеты на транспорт, то курс окажется 1:0,4, а то и ниже.

Вывод один: нужен валютный рынок, который один в состоянии точно показать, сколько же долларов или центов стоит рубль. Причем не замкнутый рынок, а связанный с мировой финансовой системой. И если все предшествующие мероприятия могли быть осуществлены без значительных изменений в хозяйственном механизме, то введение валютного рынка требует коренной ломки сложившихся структур.

Рынок в широком смысле — это место встречи покупателя и продавца, в данном случае валюты. Встречи свободной, но регулируемой государством экономическими методами через валютный курс, процентную ставку, валютный режим и т. д. Первый шаг к рынку — отмена государственной валютной монополии. Если монополия государства на внешнеэкономические операции, которая долго понималась как монополия Минвнешторга, рухнула с разрешением всем предприятиям непосредственно выходить на внешний рынок, то валютная монополия, однозначно понимаемая до сих пор как монополия Внешэкономбанка, продолжает свирепствовать.

Предоставление предприятиям в 1988 году альтернативной возможности хранения валютных средств на текущем счете во Внешэкономбанке либо сохранения права на использование иностранной валюты с внебалансового валютного счета, сопровождаемое одновременным перечислением эквивалента в соврублях, по существу, положения не изменило. Вся заработанная валюта по-прежнему в обязательном порядке сдается банку, и, чтобы воспользоваться своей валютой, ее надо выкупить за рублевый эквивалент.

Если мы действительно стремимся к конвертируемости рубля, то надо сделать так, чтобы реальным собственником валюты был тот, кто ее зарабатывает. Государство при этом получало бы ее часть, но в виде фиксированного валютного налога.

Владея реально валютными средствами, предприятия могли бы обмениваться ими по согласованному курсу. Открытие полноценных валютных счетов и для физических лиц позволило бы направить в регулируемое русло валюту, находящуюся на руках у населения. И, самое главное, валютный рынок позволил бы определить фактический курс рубля по отношению к свободно конвертируемым валютам, что стало бы главной предпосылкой введения его обратимости.

В этом направлении уже сделан очень существенный шаг: 3 ноября 1989 года в Москве состоялся первый в СССР валютный аукцион по продаже и покупке средств в свободно конвертируемой валюте на советские рубли. На участие в аукционе было зарегистрировано 210 заявок организаций на покупку и 31 заявка на продажу валютных средств. Характерно, что устроители аукциона допустили к участию в нем только небюджетные государственные предприятия, объединения и организации производственного характера.

Что показал аукцион? Главное — средний аукционный курс рубля к иностранной валюте (к рублевому эквиваленту иностранной валюты, исчисленному по официальному курсу Госбанка СССР). Оказалось, что средняя цена продажи составила 15,2 советского рубля за рубль иностранной валюты.

Не это ли реальный курс советского рубля?

Ни в коей мере. Аукцион — не рынок. Рынок предполагает существование большого количества продавцов, вступающих в сделки с покупателями именно на договорных, а не на аукционных началах. Цена валюты на аукционе зависит от множества факторов, которые нивелируются рынком. Это и размеры продаж валюты. В этот раз они составили 8,4 миллиона рублей, а если бы продавалось, скажем, 100 миллионов рублей в валюте, то курс наверняка был бы иной. Если бы участников аукциона было больше и к валютному пирогу допустили производственные кооперативы, то это тоже повлияло бы на курс. Наконец, если бы минимальная сумма продажи и покупки на аукционе была бы установлена не на уровне 50 тысяч и 10 тысяч инвалютных рублей соответственно, а больше или меньше, то это тоже повлияло бы на курс. Так что валютный аукцион — это далеко не валютный рынок, который предусматривает возможность продажи и покупки всей валюты, за исключением той, которую государство тратит в соответствии со своими приоритетами.

Поэтому валютный аукцион, позволяющий хотя бы по аукционному курсу обменивать рубли на валюту, вряд ли сам по себе сможет привести к валютному рынку. Нужны более широкие гарантии стабильности рубля и его курсового соотношения к западным валютам. В условиях неспособности стабилизировать рубль путем насыщения потребительского рынка товарами некоторые предлагают положить на кон последний козырь — золото.

Идея введения так называемого «золотого стандарта», то есть гарантированного обмена бумажных денег на золото, активно муссируется многими зарубежными и советскими экономистами. Аргументация сводится к тому, что для стабилизации рубля необходим механизм сдерживания денежной массы. Для этого надо придать рублю фиксированное содержание золота и обеспечить его обмен по этому содержанию на золото вначале для советских граждан, а позже и для всего остального мира. Введение обратимости рубля в золото сделает советские деньги конвертируемыми во все западные валюты по курсу, который представляет собой стоимость золота, заключенного в одном рубле по текущей цене мирового рынка. Член правления Федеральной резервной системы, являющейся центральным банком США, У. Эйнджелл даже подсчитал, что близкая к оптимальной цена может составить 45—47 рублей за грамм, или порядка 1450 рублей за унцию золота. Это, в свою очередь, значит, что реальный курс рубля к доллару будет где-то 1:4.

Контраргумент, что с введением обратимости рубля в золото начнется массовое бегство от обесценивающихся бумажек, подпольные миллионеры быстро опустошат государственные золотые запасы, отбивается тем, что золото в данном случае не дренажная система, отсасывающая лишние рубли, а механизм регулирования денежной массы центральным банком. Если население покупает больше золота, чем продает государству, значит, необходимо срочно принять меры, стимулирующие денежные сбережения: повысить процентную ставку по вкладам, предложить населению для покупки дома, квартиры, ценные бумаги и т. д. Ведь все-таки многие предпочтут ездить на «Волге», чем любоваться на золотой блеск слитков в коммуналке. Так что при грамотном государственном регулировании обмена рублей на золото распродажа национальных золотых богатств нам не грозит.

Другой контраргумент заключается в том, что единственным гарантом стабильности рубля может стать наполненный товарный рынок, и никакое золото тут не поможет. Сторонники золотого стандарта парируют его ссылкой на опыт многих западных стран, где в действительности заваленный товарами рынок далеко не всегда в состоянии гарантировать устойчивость валюты. Есть множество не очень богатых стран, в том числе испытывающих проблемы наполнения товарного рынка, но имеющих конвертируемую валюту, служащую им мощным рычагом развития.

Аргументы, конечно, веские. Но все же вводить золотой стандарт, по моему мнению, было бы не только не разумно, но и политически опасно. И даже не потому, что от гарантированного государством обмена денег на золото все страны отказались еще в 30-е годы и возвращаться к не оправдавшему себя опыту вряд ли разумно. И не только потому, что золотой стандарт на самом деле плохо связан с введением конвертируемости, поскольку предполагает простое привлечение дополнительной иностранной валюты. Но приманкой служат не рубли, а золото, на которое их можно обменять.

Главное, с моей точки зрения, в том, что золото имеет очень неустойчивую цену на мировом рынке, емкость которого весьма ограничена. Осенью, например, когда на рынки выходят ювелирные фирмы, скупая металл для рождественских подарков, золото дорожает. Поскольку золото является биржевым товаром, продается и покупается на биржах в Цюрихе, Лондоне, Гонконге, Нью-Йорке, то прогнозировать его цену чрезвычайно трудно. В прошлом году, например, Тайвань под покровом строжайшей секретности неожиданно для всех купил 300 тонн золота для государственных резервов, столько же несколько лет назад купила Япония для монетной программы.

Когда на рынок выходит столь крупный покупатель, цена стремительно падает. Буквально в конце ноября цена золота по непонятным еще причинам стремительно пошла вверх. «Все это напоминает золотую лихорадку,— сказал один из аналитиков.— Люди начинают думать, что стоимость золота может достигнуть головокружительных высот. Мудро поступает тот, кто не даст застать себя врасплох, когда этому настанет конец».

Могу себе представить, как толпы наших соотечественников, бросив работу, мужа, жену, любимую собачку, будут дежурить у дверей банка, ловя любые конъюнктурные изменения в цене золота, чтобы продать или купить его с выгодой для себя. А для государства это означает передачу регулирования своей финансовой системы в руки стихийных сил с очень ограниченной возможностью влияния на их поведение.

Золото должно выполнять функцию частичного, но не полного обеспечения государственной денежной единицы, каковой вроде бы оно сегодня и является. Достаньте десятку из кошелька, у кого она там есть, и вы увидите надпись: «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами государственного банка». Но в какой пропорции? Вот в чем вопрос. Так же, как и нэповский червонец?

Это народу неизвестно. Поэтому реальные возможности обеспечения нашего рубля золотом просчитать тоже невозможно. До середины 30-х годов данные о добыче и продажах золота у нас публиковались — причем весьма подробно — вплоть до добычи на отдельных рудниках. Потом, как и многие другие экономические данные, эта информация была засекречена и остается таковой по сей день.

Исследователям приходится пользоваться западными оценками, в соответствии с которыми золотые запасы СССР оцениваются в 1,4—2 тысячи тонн, что значительно меньше, чем у США (8,5 тыс. тонн), ФРГ (3,7 тыс. тонн), Франции (3,2 тыс. тонн). Правда, в отличие от многих западноевропейских стран, где нет золотых месторождений, мы добываем 250—300 тонн ежегодно, находясь по этому показателю на втором месте в мире после ЮАР, и примерно столько же продаем за рубеж, на чем получаем 2,5—3,5 миллиарда долларов. Правда, последняя цифра значительно колеблется в зависимости от конъюнктуры. Можно ли в таких условиях говорить о «золотом стандарте»?!

Вряд ли имеет смысл рассчитывать

Рисунок Сергея ПОЯРКОВА, Киев

на чудо, которое может сотворить с нашим дряхлым рублем даже такое надежное покрытие, как золото. В финансовой системе чудес не бывает. Очевидно, что курс рубля нужно привязывать все-таки не к цене золота, а в соответствии с мировым опытом к «корзине» валют основных торговых партнеров СССР.

Таковыми в капиталистическом мире являются, как известно, страны Западной Европы, на которые приходится около 2/3 нашего внешнеэкономического оборота с западными странами. И поэтому не к доллару нужно привязывать наш рубль: экономические отношения с США, несмотря на все политические декларации, по сей день смехотворно малы, чтобы их учитывать в качестве сколько-нибудь серьезного курсообразующего фактора. Хотя, разумеется, полностью игнорировать доллар, в котором осуществляется основная часть мировых расчетов, было бы нецелесообразным.

Неплохой базой для расчета реального курса рубля, по моему мнению, могла бы стать и «европейская валютная единица» (т. н. ЭКЮ), коллективная валюта стран Европейских сообществ. Она сама основывается на «корзине» валют, в которую входит и доллар, но все же выгодно отличается от него большей стабильностью и известным иммунитетом к конъюнктурным действиям американского руководства.

Как видно, путь к конвертируемости рубля тернист. Конвертируемость — понятие политэкономическое. Осуществление даже смелых шагов в области реформы цен или девальвации рубля не в состоянии само по себе привести к конвертируемости валюты. На определенном этапе предпринимаемые шаги столкнутся с неразвитостью рыночного механизма, отсутствием валютного рынка, многочисленными валютными ограничениями, которые окажутся для нее непреодолимой преградой. На этом этапе любые скоропалительные решения по форсированному введению конвертируемости могут только окончательно дезорганизовать внутренние финансы и полностью подорвать международное финансовое положение страны.

Поэтому переход к конвертируемости должен пройти в две фазы. На первой, которая уже фактически началась, необходимо, не дожидаясь коренного перелома в производстве и окончания хозяйственной реформы, провести глубокую реформу в финансовой системе: модифицировать цены, девальвировать рубль, обменять деньги и провести другие мероприятия, включаемые обычно в понятие денежной реформы. Может быть, на этой фазе удастся обеспечить ограниченную конвертируемость рубля, хотя бы по отдельным операциям.

На этой же фазе необходимо, преодолев политические барьеры, присоединиться к МВФ, Мировому банку, Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) и максимально использовать накопленный в их рамках опыт для построения научно обоснованной программы перехода к конвертируемости.

На второй фазе, имея уже реформированную финансовую систему и с учетом достигнутого к тому времени прогресса в реформе хозяйственного механизма, можно было бы перейти к созданию валютного рынка, устранению государственной валютной монополии, установлению на этой основе действующего курса рубля по отношению к западным валютам, что в своей совокупности создало бы условия для введения конвертируемости рубля в максимально полном масштабе.

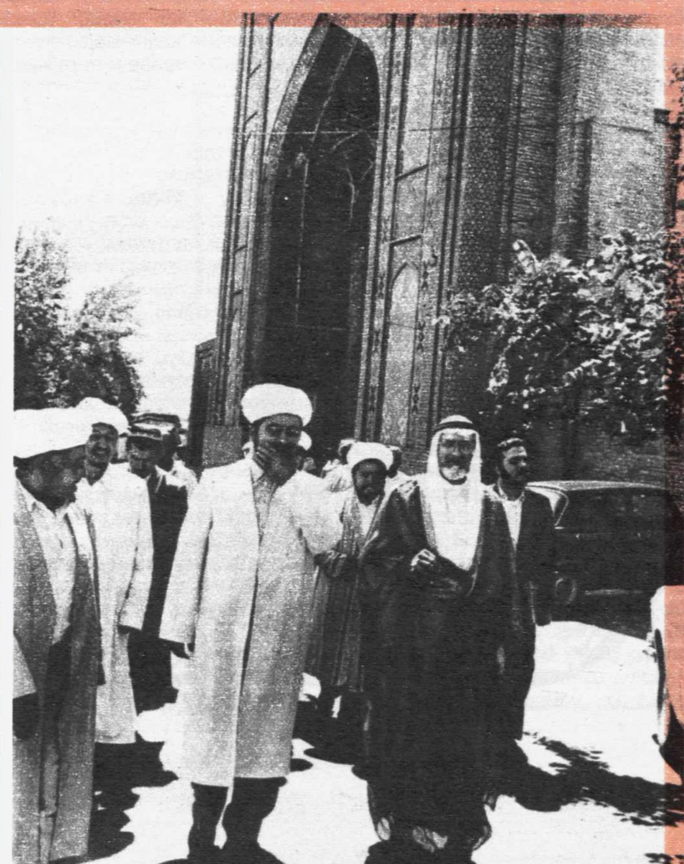
Вопрос о конвертируемости рубля перезрел. И очень хочется верить, что при взвешенной и грамотной политике в этой области недалек тот день, когда можно будет, придя в книжный магазин «Черное море», что на Брайтон Бич в Нью-Йорке, положить на прилавок хрустящий советский рубль и сказать: «Последний номер «Огонька», плиз...»

Наш собственный корреспондент Алим Мирзаев беседует с муфтием Мухаммадом-Содиком Мухаммадом-Юсуфом, председателем Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, народным депутатом СССР

УСЛЫШИМ ЛИ ДРУГ ДРУГА...

Ему 37 лет, родом из Андижана, отец — имам в мечети Булагбаши, где родился Мухаммад-Содик. Закончил медресе Мир-Араб в Бухаре, Ташкентский исламский институт имени Имама Бухары и Ливийский исламский университет, работал в Духовном управлении, был проректором, ректором Исламского института в Ташкенте. В марте 1989 года на съезде мусульман Средней Азии и Казахстана был избран председателем Духовного управления. Народ избрал его своим депутатом.

— Уважаемый муфтий, расскажите, пожалуйста, хотя бы вкратце, о деятельности Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана.

— Духовное управление мусульман было организовано 45 лет назад. На него возложена задача — руководить религиозной работой мусульман, проживающих в Средней Азии и Казахстане. Прежде всего Духовное управление старается удовлетворять духовные потребности мусульман, способствовать совершенствованию их личности. Наш долг — всесторонне помогать людям нашей веры, объединить их в борьбе за равенство, справедливость, милосердие и честность.

Мы установили дружеские связи с более чем 80 зарубежными религиозными организациями. Цель — укрепление дружбы между народами, мира во всем мире.

На современном этапе перестройки и гласности Духовное управление принимает активное участие в общественной жизни. Вносим вклад в борьбу за мир, за улучшение межнациональных отношений, экологической обстановки, искоренение пьянства и алкоголизма, оздоровление всех сфер нашей жизни.

— Как относится ислам к национальным проблемам, укладам, к другим религиям?

— В исламе нет того националистического духа, который порой приписывают ему при сложившихся межнациональных отношениях. Ислам воздает людям по их благочестию и добрым делам. Аллах в Коране сказал: «О люди! Мы создали вас мужчинами и женщинами. И сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас перед Аллахом — самый благочестивый. Поистине Аллах — знающий, сведущий!» Да, это так. Люди принадлежат к разным нациям и народностям, большим и малым племенам. И они должны знакомиться, сотрудничать друг с другом, помогать, взаимно перенимать хорошее, доброе. А не убивать и мучить друг друга. Да и какой был бы интерес, если бы все принадлежали только к одной какой-то нации. Ведь всемогущий Аллах небеспричинно создал разные народы и племена. Ислам призывает к доброжелательности, взаимопониманию между народами, уважает традиции всякого народа, если они гуманны и направлены на благо человека. Исламские ученые даже считают традиции и обычаи одним из источников шариата. Когда речь заходит о народах из «Ахли китаб», подразумеваются народы, владеющие священными книгами,— евреи и христиане. К ним в исламе особое отношение. В Коране очень уважительно говорится о пророках Мусе и Исе, о посланных им Торе и Евангелии. Упоминается также и мать Мария. Мусульманин, отрицающий хотя бы одного из них, уже не мусульманин. Пища этих народов не запретна для мусульман. Мусульманам разрешается брать в жены их женщин. Как вы сами понимаете, трудно коротко и подробно осветить все эти аспекты. Но я хочу привести в качестве примера такой айат: «И ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: «Мы христиане!»

— Что вы думаете о перестройке на нынешнем этапе в контексте последних событий, происходящих в нашем обществе?

— Безусловно, перестройка и гласность вступили ныне в важную и сложную фазу. В большинстве своем народ, думаю, понимает необходимость перестройки и гласности для будущего, хотя некоторые аппаратчики все еще с сожалением вспоминают о безвозвратно ушедших временах. Понятно, что для перестройки старого здания прежде всего требуется заменить пришедшие в негодность детали. Советские люди с энтузиазмом участвуют в разрушении отживших, прогнивших насквозь элементов нашего общества. Теперь же, когда настало время строить, реконструировать, возникли затруднения. Мы, думается, оказались не вполне готовы к созиданию. Можно и предложение внести, и совет дать, но вот объединить усилия, направить все начинания в единое русло пока не удается. Многие, настаивая на своих правах, нередко забывают о гражданском долге, что препятствует и без того трудно идущему процессу перестройки. Хотелось бы верить, что явление это временное, все станет на свои места.

Съезды народных депутатов, работа Верховного Совета, демократические начинания стали отрадными явлениями в жизни общества, в том числе и для сторонников разных религий. Откровенно говоря, до настоящего времени верующие были у нас как бы

«гражданами второго сорта». Сейчас они обретают утраченные права, активно участвуют в жизни общества. Впервые представители верующих стали народными депутатами СССР. Можно сказать, верующие получили от перестройки больше, чем другие слои населения. Верующие от всей души желают принести пользу нашему обществу. Но возможности их ограничены. Спросите, почему? Да потому, что существующее законодательство было разработано в годы, когда преследования за религиозные убеждения приняли особенно жестокие, уродливые формы. Законы эти откровенно попирали права верующих. Религиозным организациям, к примеру, до сих пор формально запрещено заниматься благотворительностью: волей-неволей приходится нарушать этот явно устаревший закон. Подобного рода «нарушения» можно наблюдать и во многих других ситуациях. Исправить эти нелепости может только новый Закон о свободе совести.

— Мы знаем печальную статистику того, какой колоссальный материальный и моральный урон наносят нашему обществу воровство, хищения, проституция, алкоголизм, наркомания. Какими методами, на ваш взгляд, следует бороться с этими негативными явлениями?

— Корни этих социальных недугов, думаем, в недостатке воспитания в целом, и особенно духовно-нравственного. С точки зрения ислама, человек состоит из духа и плоти. Требуется внимание воспитанию человеческой плоти, но такое же и во много крат большее внимание следует уделять воспитанию духа. Иначе итог может быть плачевным.

Особенно важна в этом плане роль семьи. К сожалению, многим родителям самим недостает воспитания. Необходимо поднять на должный уровень нравственное воспитание в учреждениях системы народного образования. С большой ответственностью должны отнестись к своим обязанностям средства массовой информации, художественная литература, кино, театр, все те, кто призван влиять на умы и сердца людей. Пока это им не совсем удается, а средства массовой информации слишком заняты погоней за громкими сенсациями. Телевидение изо дня в день демонстрирует фильмы, в которых изобилуют непристойные сцены, картины воровства, насилия. Арсенал видеофильмов и того хуже. В репертуаре кинотеатров, видеотек всюду преобладают фильмы, откровенно или завуалированно пропагандирующие свободу нравов, цинизм, жестокость, власть силы. Непонятно, кто их закупает, переводит, кто планирует прокат. Между тем были случаи, когда преследовали лиц, выбравших для показа фильмы религиозного направления. Пока мы все не займемся сообща и вплотную проблемой воспитания, положение будет усугубляться.

Уделяя большое внимание воспитанию, ислам предусматривает строгие меры наказания к тем, кто уклоняется от воспитания, не считается с обществом.

Ребенок — одно из величайших благ, данных нам всевышним Аллахом. Святой долг родителей вырастить своего ребенка здоровым, высоконравственным, воспитанным. Ислам наставляет заниматься воспитанием ребенка с самого младенческого возраста. Обязывает родителей воспитывать детей полезными обществу. Согласно исламскому вероучению, именно родители ответственны за воспитание в детях чувства уважения к старшим, любви к ближнему, сострадания к страждущему, чувства чести, достоинства, других человеческих качеств, за формирование в них тяги к наукам, к овладению знаниями. Они должны оберегать их от неправедного пути.

Как члену Республиканской чрезвычайной комиссии по борьбе с преступностью, мне пришлось детально ознакомиться со многими аспектами, касающимися данного вопроса, и я лишний раз убедился в верности своих выводов. Служители культа могли бы внести достойную лепту в борьбу с упомянутыми социальными болезнями, но возможности их ограничены. Я получаю много писем из мест заключения. Несмотря на вмешательство некоторых лиц, мы побывали в зонах, встречались и беседовали с отбывающими срок. Многие из них каются в содеянном, искренне желают начать жизнь заново и просят религиозную литературу. Однако как мы можем им помочь, если сами нуждаемся в религиозной литературе? Еще они просят, чтобы мы чаще выступали в средствах массовой информации, но мы таких возможностей не имеем, а если имеем, то небольшие.

— В связи с выдвижением кандидатов в народные депутаты что думаете вы о предвыборной борьбе, развернувшейся в стране? Может ли мусульманский мир в СССР оказать эффективное влияние на демократичное формирование местных Советов, Верховного Совета Узбекистана?

— Борьба за депутатский мандат в Узбекистане, конечно, будет нелегка.

Что касается участия в выборах мусульман, то мы всегда за справедливость во всем, не только в предвыборной борьбе. В некоторых районах верующие выдвигают мусульманских священнослужителей кандидатами в народные депутаты, и это закономерно. Наше Духовное управление особых указаний по выборам никому не давало. Пусть каждый решит по-своему.

— Какова ваша личная позиция по отношению к проблемам, которые решались на втором Съезде народных депутатов? Как вы относитесь к упрекам в адрес депутатов среднеазиатских республик, которых в числе других в прессе называли «молчаливым большинством»? Верно ли, что ваш высокий авторитет в Средней Азии и Казахстане оказывает решающее влияние при голосовании?

— Главным вопросом Съезда стал вопрос о мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы. Но почему-то иным до сих пор кажется, что все проблемы решают Съезд, депутаты, Верховный Совет. На самом же деле мы принимаем решения, постановления, которые должны претворяться в жизнь. Я думаю, пора бы осознать, что возле трибуны Дворца съездов и залов заседаний палат нет никакого волшебного сундука. Любое решение и постановление нуждается в исполнении, а для этого надо работать на местах.

Важны, конечно, вопросы о регламенте Съезда, о статусе народного депутата. Мы на себе испытывали на первом Съезде, какие сложности вызывает отсутствие четкого регламента и как трудно народному депутату выполнять свою миссию.

Среднеазиатские депутаты считают, что они не могли плодотворно работать на первом Съезде. Есть много на то причин, но самая главная, по-моему,— неподготовленность. У нас не было ни депутатского клуба, ни какой-нибудь группы; никто из нас не думал, что Съезд будет таким беспорядочным, а место на трибуне будет занимать тот, кто громче кричит. Плюс языковой барьер. В Узбекистане наших депутатов тоже потом обвиняли в пассивности, но я думаю, что время покажет, насколько правильны эти обвинения. Все-таки о деяниях лучше судить по итогам.

Я не стремлюсь использовать свой авторитет для принуждения. Пусть каждый совершает тот или иной поступок по убеждению. Но когда речь идет о неразумных поступках, надо принимать меры всем обществом.

— О Нагорном Карабахе... Пока нет политического решения, не будем касаться спора, на чьей стороне правда — на стороне армян или на стороне азербайджанцев. Но в Нагорном Карабахе льется кровь, в чем повинны обе стороны. Как вы относитесь к ситуации, когда политические разногласия пытаются решить при помощи террора? Могут ли в данном случае мусульманские деятели повлиять на мирное урегулирование проблемы, выступить с миротворческой миссией?

— Проблема Нагорного Карабаха — уникальная, труднейшая проблема. Она имеет свои глубокие корни. У каждой из сторон есть, по их мнению, доказательства принадлежности этой территории к Армении или Азербайджану: исторические, археологические и прочие.

Уникальность проблемы еще в том, что все слои населения — от простых рабочих до первых секретарей ЦК республик — едины в своих претензиях друг к другу, в том числе верующие и священнослужители. Это, конечно, усложняет дело. Что касается решения политических разногласий путем террора, то я категорически против этого. Насилие не может привести к согласию ни в какой ситуации. Я думаю, чтобы глубоко понять суть конфликта в Нагорном Карабахе, надо тщательно изучить обстоятельства этого противостояния и дать справедливую политическую оценку событиям.

Мусульманские деятели могут и должны повлиять на мирное урегулирование проблемы, выступить с миротворческой миссией. Так мы поступали, например, в Средней Азии, в частности, во время ферганских событий. Хотелось, чтобы священнослужители Закавказья тоже проявили активность. А для этого нужна добрая воля как со стороны мусульман, так и со стороны верующих христиан.

— Опыт стран Восточной Европы показал, что можно строить социализм без постулата «о руководящей роли партии». Верите ли вы, что с кризисом в СССР могли бы справиться «Советы без коммунистов», если КПСС потерпит на выборах поражение? Или все же вы склонны полагать, что правящая партия сумеет вывести страну из столь тяжелого положения?

— Очень сложный вопрос. Как религиозный деятель, я бы мог на него не отвечать. Но, как гражданин своей Родины, скажу, что сейчас не самое удобное время обсуждать такие вопросы. Уж сколько мы спорили между собой, и нет никакой пользы. Тем временем день за днем ухудшается экономическое положение, благосостояние народа, новые проблемы наслаиваются одна на другую. Мы, верующие, имеем свой опыт взаимоотношений с аппаратом, но кто даст гарантию, что «Советы без коммунистов» справятся со всеми трудностями? Наш Союз уникален по своему составу и требует особого подхода. Самое главное — мы пока не сумели создать правовое государство. В нынешнем положении всякое может случиться, и не дай Бог, если сбудется мечта «старой гвардии» о возврате к прежним временам! Разные регионы страны подходят к проблемам по-разному, часто эгоистически, уровень понимания вопросов различный.

— В качестве главы мусульман Средней Азии и Казахстана могли бы вы помочь возвращению на Родину солдат, попавших в плен в Афганистане?

— Советские военнопленные в Афганистане — это наша боль. Из-за чьей-то ошибки страдают люди, страдают их близкие, страдает народ. Во имя матерей, проливающих слезы, страдающих в разлуке, я готов взяться за это благое дело. Я передал список военнопленных главе Всемирной исламской лиги, расположенной в Саудовской Аравии, Абдулло Умару Насефу Заздану. Готовность оказать помощь в этой гуманной акции выразил и Генеральный секретарь Ливийской исламской организации господин Мухаммад Ахмад Шариф. К нему присоединился и видный афганский политик Абдулхаким Табиби.

Думается, что совместными усилиями мы сможем договориться с афганскими моджахеддинами.

— Видимо, здесь уместно обратиться к вопросу о том, в какой мере перестройка способствовала развитию международных связей мусульман СССР с представителями этой религии в других странах мира.

— В соответствии с нашими обрядами мусульмане должны иногда совершать паломничество, например, в Мекку... Но ведь это обычный выезд за границу, и мы вынуждены обращаться в официальные инстанции. Так вот, там придумывают различные мотивировки отказа, столь наивные, словно имеют дело с малыми детьми. Поначалу говорили, что у нас не установлены дипломатические отношения с Саудовской Аравией. Между тем самолеты КНР, не имеющей дипломатических отношений с Саудовской Аравией, доставляют тысячи мусульман в аэропорты Джидды. И не только в дни религиозных праздников. Бытует мнение, что выезжать в страны, с которыми не поддерживаются дипломатические отношения, нельзя. Но ведь 14 человек побывали в Саудовской Аравии, многие ездят в Израиль. В нынешнем году, когда я был в Иордании, лично участвовал во встречах и проводах отправляющихся на хадж паломников с оккупированных арабских территорий. Можете представить, на хадж отправлялись одновременно несколько тысяч человек.

Прежде можно было сослаться на застой, на недостаток демократии. Чем же объяснить эти запреты теперь, в период перестройки и гласности? СССР подписал все международные документы по правам человека, в том числе и Венские соглашения. Паломничество по своим святым местам смогли совершить даже 90 человек из недавно зарегистрированной общины кришнаитов. Я обратился к ответственным должностным лицам в надежде получить наконец разрешение и нам. Но мне в ответ был предъявлен новый аргумент: дефицит валюты. Я был вынужден сказать, что нам нужна не валюта, а разрешение на совершение хаджа. Вообще решение этого вопроса попало в замкнутый круг. И, видимо, без вмешательства М. С. Горбачева вопрос не будет решен.

В сущности, вопрос этот вам следовало бы задать компетентным государственным органам и должностным лицам. Мы и сами не можем понять, в чем причина. Как известно, хадж — одна из пяти основ ислама. И обязателен для каждого мусульманина, имеющего к тому возможность и средства. Хадж, как ежегодный съезд, встреча мусульман, является своеобразным мерилом отношения к мусульманам в каждой стране, свободы и благосостояния положения мусульман. Поэтому существует что-то вроде конкуренции в том, из какой страны прибудет больше паломников. Есть государства, у которых на хадж отправляются до 150—160 тысяч и более паломников. Ежегодно выпускается специальный перечень — список, в котором мы всегда занимаем самую последнюю строку — 14 человек. В этом году его совершили 31 человек. Из Средней Азии и Казахстана, где миллионы последователей ислама, из края сотен великих ученых — 3—4 человека. А из Узбекистана нынче ездили всего два человека.

Безусловно, положительные перемены в религиозной жизни радуют нас. Хотя, как видите, недоработок и недоразумений тоже еще достаточно. Как правило, в центре все обстоит неплохо, но по мере удаления от центра картина ухудшается. Поверите ли, есть и такие люди, которые считают: какие бы законы ни издавались, в моем уезде законодатель я сам. Что до меня, то я не разделяю крайние пессимистические настроения. Все сказанное ранее лишний раз доказывает, что требуется быстрее принять Закон о свободе совести. Твердо убежден, что перестройка преодолеет и эти препятствия на своем пути.

Трудно найти в нашей стране человека, который не знал бы, кто такой Корней Иванович Чуковский.

Пожалуй, не меньше, чем сказки и детские стихи, прославили Чуковского воспоминания о выдающихся деятелях нашей культуры, литературоведческие и языковедческие труды.

Менее известен Чуковский-критик. А ведь он был не только самым популярным, но и самым блистательным литературным критиком предреволюционной России.

Это поразительное многообразие жанров, в которых проявился писательский талант Корнея Чуковского, казалось бы, неопровержимо свидетельствует о счастливой его способности в полной мере реализовать свой дар,— все, что было дано ему от природы. Такая удача выпадает далеко не каждому даже очень большому таланту. Тем более в наш век, не слишком благоприятствовавший духовной самореализации художника.

Автор самой основательной (может быть, даже единственной) монографии о Корнее Чуковском — М. Петровский, размышляя на эту тему, приходит к выводу, что Чуковский обращался от одного литературного жанра к другому, потому что это ему диктовали суровые обстоятельства. Когда обстоятельства оказывались неблагоприятными для честного, искреннего самовыражения в том жанре, в котором Чуковский в то время успешно работал, он менял жанр. «Творчество Чуковского,— делает вывод автор монографии,— являет пример протеистической перемены жанров, а не хамелеонской перемены взглядов». Чуковский «изменялся, чтобы оставаться самим собой». Творчество Чуковского, таким образом, является, по мысли исследователя, примером необычайной живучести таланта.

Все это верно.

Чуковский действительно являет собой редчайший в наш век пример писателя, которому удалось реализовать себя под тем чудовищным чугунным прессом, под которым одни его собратья по перу трагически погибли,

другие замолчали, третьи пытались приспособиться к обстоятельствам не по-протеевски, а именно по-хамелеонски, и тем самым растлили, убили, уничтожили свой талант, и лишь немногие, подобно пушкинскому Пимену, писали, как мы теперь говорим, «в стол», и вот только теперь их творения доходят наконец до читателя.

Но оказывается, что и Чуковский, этот «счастливчик», обласканный и увенчанный под конец жизни высшей литературной наградой, тоже писал «в стол». Всю жизнь он писал Книгу — единственную из написанных им книг, остающуюся пока не опубликованной.

Эта книга — дневник, который К. И. Чуковский вел почти семьдесят лет: с 1901 по 1969 год. В полном своем объеме он насчитывает свыше двух с половиной тысяч машинописных страниц. Один только указатель упомянутых в нем имен занял бы страниц триста.

Первая часть «Дневника» (1901 — 1929) выйдет в этом году в издательстве «Советский писатель». (Фрагменты из нее собираются печатать журналы «Новый мир» и «Звезда».) Со временем, надо полагать, явится на свет и вторая.

Вениамин Каверин, написавший предисловие к готовящемуся изданию, говорит, что в этой книге он столкнулся совсем не с тем Чуковским, которого знал на протяжении полувека:

«Передо мной возникла личность бесконечно более сложная. Переломанная юность. Поразительная воля. Беспримерное стремление к заранее намеченной цели. Искусство жить в сложнейших обстоятельствах, в удушающей общественной атмосфере... И любая из этих черт обладала удивительной способностью превращения, маскировки, умения меняться, оставаясь самой собой».

В известных своих книгах Чуковский раскрылся перед нами как на редкость жизнелюбивый талант, словно бы самой природой созданный для того, чтобы выплеснуть в мир воплощенную в слове счастливую полноту и радость бытия. Здесь, в «Дневнике», перед вами предстанет писатель совсем иного склада. Зоркий, меткий, беспощадный глаз. Обостренная чуткость к мрачным, теневым, трагическим сторонам действительности. Коротко говоря, вы увидите, что, так счастливо раскрывшийся в своих опубликованных и любимых читателем книгах, Чуковский реализовал в них далеко не всю свою художественную потенцию.

Небольшие выдержки из «Дневника» (о Блоке, о Горьком, о Маяковском, об Ахматовой, о Зощенко, о Пастернаке) уже появлялись на страницах наших журналов. Предлагаемая публикация отличается от всех предыдущих тем, что в ней отобраны записи, рисующие не литературные, а преимущественно жизненные впечатления автора. Там Чуковский представал в хорошо известном читателю качестве мемуариста. Здесь он явится перед вами в ином качестве — том, в каком обычно является каждый истинный художник: в качестве человека, жадно наблюдающего жизнь и стремящегося правдиво и честно запечатлеть ее в слове.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Из дневника (1926—1934)

1926

24 января. ...пошел в суд на дело Батурлова (Карточная Госмо[но]полия). Дело самое обыкновенное: компания современной молодежи встала во главе Карточной фабрики. Все это бывшие военные, лже-коммунисты, люди, очень хорошо наученные тому, что все дело в соблюдении форм, в вывеске, фасаде — за которым можно скрыть что угодно. Чаще всего за фасадом комфраз скрывается «обогащайтесь». Они и обогащались — обкрадывали казну, как умели. Они были в этом деле талантливее, чем другие, только и всего. Не чувствуется никакой разницы между их психологией и психологией всех окружающих. Страна, где все еще верят бумажкам, а не людям, где под прикрытием высоких лозунгов нередко таится весьма невысокая, «мелкобуржуазная» практика,— вся полна такими, как они. Они только слегка перехватили через край. Но они плоть от плоти нашего быта. Поэтому во всем зале между ними и публикой самая интимная связь. «Мы сами такие». Ту же связь ощутил, к сожалению, и я. И мне стало их очень жалко. Это — лишнее чувство, ужасно мешающее, так развинтило мои нервы, что я, придя домой, не мог и думать о сне.

Батурлов — отдаленно похож на Блока. Те же волосы, тот же рост, та же постройка лица. Это пошлый и неудавшийся Блок. В нем тоже есть музыка,— или, вернее, была. Теперь после всех допросов, очных ставок, тюремных мытарств — музыка немного заглохла и проявляется только в растерянной, милой, немного сумасшедшей улыбке, которая так часто блуждает у него на лице. **Этот человек под угрозой расстрела.** Как будто уже и теперь перед ним нет-нет да и появится дуло винтовки. Лицо у него серое, нежные руки дрожат.

Рядом с ним Ив.— Человек как из камня. Тоже — под дулом винтовки... Его реплики классически точны, обдуманны, изобилуют цифрами, датами — и порою кажется, что не судья допрашивает его, а он — судью. Боюсь, что судья не простит ему **этой** вины.

Третий подсудимый — Степанов. Это скучная и беспросветная гадина. Туп, самодоволен и бездарен...

Другое дело Колосков... называет сам свои преступления — преступлениями и по душевному складу стоит выше своего прокурора — курчавого молодого человека, который заменяет язвительность грубостью.

Во всем этом деле меня поразило одно. Оказывается, люди так страшно любят вино, женщин и вообще развлечения, что вот из-за этого скучного вздора идут на самые жестокие судебные пытки. Ничего другого, кроме женщин, вина, ресторанов и прочей тоски, эти бедные растратчики не добыли. Но ведь женщин можно достать и бесплатно,— особенно таким молодым и смазливым,— а вино? — да неужели пойти в Эрмитаж это не бо́льшее счастье? Неужели никто им ни разу не сказал, что, напр., чита́ть Фета — это слаще всякого вина? Недавно у меня был Добычин, и я стал читать Фета одно стихотворение за другим и все не мог остановиться, выбирал свои любимые и испытывал такое блаженство, что, казалось, сердце не выдержит,— и не мог представить себе, что есть где-то люди, для которых это мертво и ненужно. Оказывается, мы только в юбилейных статьях говорим, что поэзия Фета — это «одно из высших достижений русской лирики», а что эта лирика есть счастье, которое может доверху наполнить всего человека, этого почти никто не знает: не знал и Батурлов, не знал и Ив. Не знают также ни Энтин, ни судья, ни прокурор. Русский растратчик знает, что чуть у него казенные деньги, значит, нужно сию же минуту мчаться в поганый кабак, наливаться до рвоты вином, целовать накрашенных полуграмотных дур,— и, насладившись таким убогим и бездарным «счастьем», попадаться в лапы скучнейших следователей, судей, прокуроров. О, какая скука, какая безвыходность! И всего замечательнее, что все не-растратчики, сидящие на скамьях для публики, тоже мечтают именно о таком «счастье». Каждому здешнему гражданину мерещится — как предел наслаждения — Эмма, коньяк, бессонная ночь в кабаке. Иных наслаждений он и представить себе не может. Дай ему деньги, он сейчас же побежал бы за этими благами.

Все это разволновало меня.

4 февраля, четверг. Вчера у Надеждина на Моховой... Оттуда в суд. Там — страшно. Батурлов бледен, прокурор третьего дня потребовал для него расстрела. И странно: он знал, что прокурор будет требовать для него этой кары, но покуда слово не было произнесено, крепился,— улыбался, переглядывался с публикой, кокетничал. Теперь это не человек, а какая-то кучка золы. Пустые глаза, ничего не видящие, и движущиеся губы...

Прокурор Крук очень талантлив.

Говорил свою речь с аппетитом, как хороший пловец в бассейне, весело носился по этим грязным волнам. Крови требовал с большим удовольствием.

17 февраля 1926, среда. До сих пор дела мои были так плохи, что я не хотел заносить их в дневник. Это значило бы растравлять раны и сызнова переживать то, о чем хочешь забыть. Пять литературных работ было у меня на руках — и каждую постигла катастрофа... Я, чтобы забыться, перевел вместе с Колей пьесу «Апостолы» и отдал ее в Большой Драмтеатр, а также принялся писать статью в **защиту** детской сказки. Но, походив в Педагогический институт, поговорив с Лилиной, почитав литературу по этому предмету, я увидел, что неудача ждет меня и здесь, ибо казенные умишки, по команде РАППА, считают нужным думать, что сказка вредна.

Это был пятый удар обухом, полученный мною, деклассированным интеллигентом, от ненуждающего[ся] во мне нового строя, находящего[ся] в стадии первоначальной формации. Самое ужасное то, что все эти пять неудач неокончательные, что каждая окрашена какой-то надеждой и что, вследствие этого, я обречен, как каторжный,

каждый день ходить из «Кубуча» в Госиздат (по поводу «Крокодила»), из Госиздата в «Красную Газету», из «Красной Газеты» в Главпросвет (по поводу пьесы), и снова в «Кубуч», и снова в Госиздат.

От этих беспросветных хождений тупеешь, мельчаешь, жизнь проходит мимо тебя,— и мне вчуже себя жалко: вот писатель, который вообразил, что в России действительно можно писать и печататься. За это он должен ходить с утра до ночи по учреждениям, истечь кровью, лечь на мостовую, умереть. Дело сложилось так, что для того, чтобы вышла моя книжка о Некрасове, я должен **каждый день** ходить в «Кубуч», подстерегать бумагу, не получена ли, не отдадут ли ее в другое место и т.д. Из-за пьесы нужно **каждый день** ходить к Авлову, в реперткоми т. д. Потому-то и не пишу дневника, что эти путешествия (в страну канцелярий) тяжелее всех путешествий Шэкльтона, Стэнли, Магеллана. Впрочем, и в этой Канцелярландии есть свои приключения...

Я начинаю понимать людей, которые пьют горькую. Но все же продолжаю бороться — за право производить такие или иные культурные ценности. Теперь дело сложилось так, что всякое творчество отнимает у каждого 1/10 энергии, а 9/10 энергии уходит на защиту своих творческих прав. Был я на днях у Ю. И. Фаусек. Она мне рассказывала, что ее система Монтессори снова подвергается гонениям. Не дают денег на содержание детдома. Ей пришлось продать пианино, чтобы заплатить своим служащим. Только так и возможно работать: остальное — халтура, проституция духа, смерть. Борьба все же дает результаты...

Видя, что о детской сказке мне теперь не написать, я взялся писать о Репине и для этого посетил Бродского Исака Израилевича. Хотел получить от него его воспоминания. Ах, как пышно он живет — и как нудно! Уже в прихожей висят у него портреты и портретики Ленина, сфабрикованные им по разным ценам, а в столовой — которая и служит ему мастерской — некуда деваться от «расстрела к[оммуни]стов в Баку». Расстрел заключается в том, что очень некрасивые мужчины стреляют в очень красивых мужчин, которые стоят, озаренные солнцем, в театральных героических позах. И самое ужасное то, что таких картин у него несколько дюжин. Тут же на мольбертах холсты, и какие-то мазилки быстро и ловко делают копии с этой картины, а Бродский чуть-чуть поправляет эти копии и ставит на них свою фамилию. Ему заказано шестьдесят одинаковых «расстрелов» в клубы, сельсоветы и т.д., и он пишет эти картины чужими руками, ставит на них свое имя и живет припеваючи. Все «расстрелы» в черных рамах. При мне один из копировальщиков получил у него двадцать червонцев за пять «расстрелов». Просил двадцать пять червонцев...

Примирило меня с ним то, что у него так много репинских реликвий. Бюсты Репина, портреты Репина и проч. И я вспомнил того стройного, изящного молодого художника, у которого тоже когда-то была своя неподражаемая музыка — в портретах, в декоративных панно. Его талант ушел от него вместе с тонкой талией, бледным цветом лица (и проч.).

26 февраля. ...я позвонил в «Кубуч», и оттуда мне сказали такое, что у меня помутилось в глазах:

— Вашего «Некрасова» решено не издавать...

Я побежал в «Кубуч». Пешком, денег было в обрез. В «Кубуче» никого не застал. В страшном смятении поехал я в Русский музей к Нерадовскому — и тут только понял, какое огромное влияние имеет на человека искусство. С Нерадовским мы прошли по залам, где Врубель, Серов, Нестеров, и вдруг Нерадовский отодвинул какую-то стену, и мы вошли в дивную комнату, увешанную старыми портретами,— и у длинного стола — кресла красоты фантастической, какого стиля не знаю, но пропорция частей, гармония, стройность и строгость — все это сразу успокоило меня. Мне даже стало стыдно за мою возбужденность и растрепанность. К тому же Нерадовский сам так спокоен, работящ, серьезен и так связан со всеми этими картинами и бронзами, что на душе у меня сразу стало ясно... Договорились мы с Нерадовским, что я буду читать мою лекцию 17-го, и, успокоенный, я пошел в «Кубуч». Спокойствие мое дошло до того, что, войдя в комнату к тов. Кузнецову, ответственному секретарю «Кубуча», от которого зависела судьба моего «Некрасова», я, вместо того чтобы махать руками и кричать, сел у его стола и, покуда он разговаривал с другими посетителями, вынул из портфеля завтрак и начал его медленно есть. Первое впечатление от всей этой комнаты — впечатление участка. Накурено, казенно, неуютно — особенно после дворца.

19 апреля. ...У меня есть более серьезные печали. «Союз Просвещения» внезапно выкинул всех писателей за борт,— и я оказался вне закона. Чтобы быть полноправным гражданином, я должен поступить куда-нибудь на службу. Единственная мне доступная служба — сотрудничество в «Кр[асной] Газ[ете]». Служба ненавистная, п.ч. меня тянет писать о детях. Но ничего не поделаешь, и вот уже две недели я обиваю пороги этой гнусной «Вечорки»: «примите меня на службу на самое ничтожное жалование». Кугель и рад бы, но теперь в «Вечорке» началась полоса «экономии». Хотя «Вечорка» за этот год дала чистой прибыли девяносто тысяч рублей — решено навести экономию, сократив гонорары сотрудникам и уничтожив институт **штатных** писак.

1927

23 мая. ...Все мое расположение к Войтоловскому проходит. Он назначен цензором моих примечаний к «Некрасову» — дело происходит так. Я отправляюсь к нему с утра на улицу Красных Зорь и читаю подряд все мои «примечания». Он сидит на диване и слушает. Доходим до «Дешевой покупки». «Тронутый несчастьем молодой женщины, принужденной продавать свое приданое»...— Позвольте, так нельзя! Приданое — буржуазный предрассудок.— Не была ли она из рабочей семьи? — Нет.— Ну, выбросим то, что он был тронут.— Не могу... Спорим полчаса, оставляем, причем выясняется, что самое это стихотворение ему неизвестно. Читаю ему о том, что во время Севастопольской кампании Некрасов тянулся на войну.— Выбросим! Империалистическая война не могла тянуть Некрасова. Уступаю. Самое поразительное во всем этом — невежество этого рапповского историка русской литературы. Он никогда не слыхал имени Я. П. Буткова, он никогда не читал лучших стихотворений Некрасова, и для него только тогда загорается литературное произведение, если в нем упомянуто слово **рабочий** или если путем самых идиотских натяжек можно привязать его так или иначе к рабочему, причем рабочий для него субстанция вполне метафизическая, так как он никогда его не видал, дела с ним никакого не имеет, любит его по указке свыше, кланяется ему как богу, во имя тех будущих благ, которых такие же Войтоловские лет пятьдесят назад ожидали от столь же мистического «народа». Но вера в спасительную силу «народа» — тоже идолопоклонная — была благороднее: она не давала материальных благ верующему, а здесь Войтоловские веруют по приказу начальства и получают за свою веру весьма солидную мзду. Тогда люди **шли** «в народ» — в кишащие тараканами избы, а теперь они благополучно **сидят** по шикарным квартирам и стукаются лбами пред умо[неп]остигаемым и трансце[де]нтальным «рабочим» — ни в какие рабочие не идя. И, конечно, пройдет десять лет, народится какой-нб. новый «учитель», который докажет, что не рабочему надо поклоняться, а вот кому — и станут поклоняться другому. Ведь вдруг оказалось, что община — миф, что социалистичность крестьянина — миф, и тогда все Войтоловские, лже-марксисты, квази-социал-демократы сразу запели иные акафисты.

26 сентября. ...Видел жену Гумилева с девочкой Леночкой. Гумилева одета бедно, бледна... Встретились мы в ограде Спасо-Преображ. церкви — той самой, перед которой, помню, Гумилев так крестился, когда шел читать первый доклад о «пуэзии» в помещении театра Комедии при Тенишевском училище. Вообще я часто вспоминаю мелочи о Гумилеве — в связи с зданиями: на углу Спасской и Надеждинской он впервые прочитал мне «Память». У Царскосельского вокзала, когда мы шли с ним от Оцупа, он впервые прочитал мне про Одоевцеву, женщину с рыжими волосами: «это было, это было в той стране».

Он совсем особенно крестился перед церквами. Во время самого любопытного разговора вдруг прерывал себя на полуслове, крестился и, закончив это дело, продолжал прерванную фразу.

7/IX. ...Познакомился вчера с инженером.

...То, что рассказывает мой спутник о нашем строительстве, не смешно, а страшно. Он сейчас из Днепростроя. Оказывается, что америк. компания, кажется, Клярка, предложила построить всю эту штуку за столько-то миллионов. Наши отвергли: «Сами построим», а американцев **пригласили** к себе в качестве **консультантов**. Консультация обходится будто бы в сотни тысяч рублей, но к американцам из гордости инженеры не ходят советоваться, и те играют в теннис, развлекаются — а постройка обошлась уже вдвое против той цифры, за которую брались исполнить ее американцы. Рабочие работают кое-как, хорошие равняются по плохим, уволить плохих нельзя, этого не позволит местком, канцелярская волокита ужасная и проч., и проч. и проч. Я слушал, но не очень-то **верил ему**, потому что, как талантливый человек, он чересчур впечатлителен.

5 ноября, Кисловодск. ...За это время я познакомился с десятками инженеров. Все в один голос: невозможно работать на совесть, а можно только служить и прислуживаться... Здесь инженеры Жданов, Круг, Куцкий, Пиолунковский — знаменитые спецы, отнюдь не враги сов. власти — так и сыплют страшными анекдотами о бюрократизации всего нашего строительства, спутывающей нас по рукам и ногам.

1929

10/X. Четыре дня я болен гриппом. Носила мне еду Соня Короленко. Очень неэффектная, не показная у нее доброта. Она не выказывала мне никакого сочувствия. Приносила еду и сейчас же уходила, а потом заходила за грязными тарелками. Однажды только я разговорился с ней, и она мне сказала о Льве Толстом столько проникновенного, что я слушал, очарованный ею. Толстой, по ее словам, ч[елове]к очень добрый (это ложь, что он злой), обожал природу и так **хотел правды**, что, если в письме писал: «я был очень рад получить Ваше письмо», то при вторичном чтении зачеркивал **очень**, п. ч. не хотел лгать даже в формулах вежливости.

Ночь на 12-ое октября. Не сплю. Очень взволновал меня нынешний вечер — «Вечер Сергея Городецкого». Ведь я знаком с **этим человеком** 22 года, и мне было больно видеть его банкротство. Он сегодня читал свою книжку «Грань» — и каждое стихотворение пронзало меня жалостью к нему. Встречаются отличные куски — но все в общем бессильно, бесстильно и, главное, убого. Чем больше он присягает новому строю, тем дальше он от него, тем чужее ему. Он нигде, неприкаянный. Стихи не зажигают. Они — хламны, не построены, приблизительны. Иногда моветонны, как стих. «Достоевский», где Ф. М. Достоевскому противопоставляется пятилетка. Но т. к. Городецкий мой сверстник, так как в его стихах говорилось о Блоке, о Гумилеве, о Некрасове, о Пушкине, я разволновался и вот не могу заснуть...

1930

19 ноября. ...Шкловский — в нем что-то есть тяжеловесное, словно весь он налит чугуном, и походка у него монумента — показывает свои книги, лежащие в преувеличенном порядке в чемоданной комнатке, с которой он сросся... Звонок. Илья Груздев. Хотя Груздеву лет — тридцать два, но он уже грузен и, как сорокавосьмилетний, любит говорить о политике. Будет ли война? Правый уклон, левый уклон, кто победит и т. д.

Шкл[овский]: Я в случае войны увезу семью в дешевый город, где еще нет никаких следов пятилетки.

Город стоит две тысячи, а бомба восемь тысяч. не станут тратить таких денег на такую дешевку.

Потом стали говорить, сколько панических слухов теперь ходит в обывательской среде. Мне на днях сказали, что расстрелян NN. Прихожу в Дом Герцена, а он там сидит и чай пьет.

— «Тише, он еще не знает!» — сказал я.

1931

24 ноября. Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую, жирную жизнь. В Проезде Худ. Театра против здания этого театра выстроили особняк писателей. Я вчера был там у Сейфуллиной. У нее приятно то, что нет этого сытого, хамского стиля. В двух тесных комнатах хламно: кровать, простой стол и еще кровать. В двух комнатах ютятся она, ее сестра и Правдухин.

27/XI. Вчера за мной заехал к Кольцову Пильняк — в черном берете — любезный, быстрый, уверенный, — у него Форд, очень причудливой формы,— правит он им гениально, с оттенками...

По дороге: «С писателями я почти не встречаюсь. Стервецы. Литературная газета — не газета. Авербах не писатель». Опять ловко, быстро и уверенно в гастрономич. магазин. Выбежал с бутылкой. В доме у него два писателя, Платонов и его друг, про которых он говорит, что они лучшие писатели в СССР, «очень достойные люди», друг — коммунист («вы таких коммунистов никогда не видали»), и действительно тот сейчас же заявил, что «ну его к черту, машины и колхозы (!), важен человек (?)» — сейчас же сели обедать, Ольга Сергеевна, американская дама с мужем, только что к нему приехавшая, Ева Пильняк и мы, трое гостей. Гусь с яблоками. Все мы трое — писатели, ущемленные эпохой. В утешение нам Пильняк рассказал легенду: какой-то город обложили контрибуцией. Горожане запротестовали, пришли, рыдая, к своему притеснителю. Он сказал: «Взять вдвое!» Они в ужасе ушли домой и решили на коленях молить о пощаде. Вернулись к нему. А он: «Взять вдвое!» Они совсем обнищали, а он: «Взять вдвое!»

Тогда все рассмеялись. И он спросил: «Что, они смеются? Ну, значит, взять уже нечего».

Но, очевидно, с нас еще есть что взять, потому что мы не очень-то смеялись. Платонов рассказал, что у него есть роман «Чевенгур» — о том, как образовалась где-то коммуна из четырнадцати подлинных коммунистов, кото-

рые всех не коммунистов, не революционеров изгнали из города — и как эта коммуна процветала — и хотя он писал этот роман с большим пиететом к революции, роман этот (в двадцать пять листов) запрещен. Его даже набрали в изд-ве «Молодая Гвардия» — и вот он лежит без движения. Двадцать пять печатных листов!

В утешение нам П[ильняк] повторил, что мы живем в атмосфере теней, что Ф[едера]ция пролетарских писателей, на кой черт она, только и держится закрытым распределителем, а таких писателей, как Фадеев и Авербах, нету: таких газет, как «Лит. Газета», нету. Чиновники, которые правят л[итерату]рой, хотят, чтобы все было мирно-гладко, поменьше неприятностей, и Канатчиков выразил идеал всех этих администраторов — Вы бы не писали, а мы бы редактировали. Но писатели пишут, только не печатают: вот у Платонова роман лежит, у Всеволода Иванова тоже (под названием «Кремль» — не о московском)...

Разворачивая американскую пачку папирос (завернутую в плотную прозрачную бумагу), Платонов сказал: «Эх, эту бумагу в деревню в окошки, мужикам!»

5/XII. День солнечный, морозный, с серебряными дымами, с голубизною неба. Трамвай № 10 повез меня не на Каменный мост, а на Замоскворецкий, так как поблизости взрывают Храм Христа Спасителя. Выпалила пушка — три раза — и через пять минут не раньше взлетел сизый — прекрасный на солнце дым. Красноносые (от холода) мальчишки сидят на заборах и на кучах земли, запорошенных снегом...

И новый взрыв — и дым — и средняя башня становится совсем кургузой.

Баба глядит и плачет. Я подошел по другому берегу Москва-реки — и когда подошел почти к самому Каменному мосту — нельзя, патруль: — Куда? Не видишь, церковь ломают! Я обратно. Через сквозной дом к Кольцову.— Кольцов приветлив, словоохотлив, рассказывал о своем детстве: у него отец был заготовщик обуви — запах кожи — он в Белостоке — лекции — Сатириконцы приезжали, Григорий Петров...

Во время разговора взрывы в Храме Христа Спасителя продолжались.

1932

4 марта. ...Вчера ездил в «Лит. Газ.» за деньгами на трамвае А. И смотрел из окна на Москву. И на протяжении всех тех километров, к-рые сделал трамвай, я видел одно: девяносто пять проц[ентов] всех проходящих женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелей ее груз. Только молодые попадаются порою с пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая «хозяйка» превратилась в верблюдицу. В трамваях эти мешки и кульки — истинное народное бедствие. Мне всю спину моего пальто измазали вонючею рыбою, а вчера я видел, как в трамвае у женщины из размокшей бумаги посыпались на пол соленые огурцы и когда она стала спасать их, из другого кулька вылетели струею бисквиты, тотчас же затоптанные ногами остервенелых пассажиров. Это явление обычное, т. к. оберточная бумага слабей паутины.

19/III. Безграмотный, сумасшедший, нравственно грязный инженер Авдеев — предложил начальству эффектный план: провести в Москву от Сызрани — Волгу и таким обр[азом] «по-большевицки изменить лицо земли». Коммунистам это понравилось, и они создали строительство «Москанал»... Нужна ли нам Волга в Москве? Скептики говорят: не очень. Во-первых, потому, что до Нижнего — Волга не Волга, а мелочь, во-вторых, потому, что водного транспорта у нас почти еще не существует. Правда, не хватает воды для питья и вообще для нужд московского населения, но ее можно получить при помощи небольшого канала вчетверо дешевле и скорее.

26/III. ...А мусорная куча на месте Храма Хр[иста] Спасителя все еще не разобрана. Копошатся на ней людишки, вывозят ее по частям, но она за весь этот месяц не уменьшилась. Ее окружает забор, в щелки которого жадно глядят прохожие. На заборе несколько вывесок: «берегись трамвая», «Цехкомитет I участка», «Строительство Дворца Советов при Президиуме Цика СССР. Контора I участка». Некоторые вывески: серебряные буквы на черном стекле. В Москве теперь такая мода: стеклянные вывески с академически-простым шрифтом. Вся Москва увешана ими.

Кисловодск, 29/V. Вчера познакомился с известным ленинградским педагогом Сыркиной, автором многих научных статей, которые в последнее время подлежали самой строгой проработке. С ней недавно случилось большое несчастье. Когда возвращалась домой, у нее на парадном ходу на нее напал какой-то громила и проломил ей ломом голову. Она пришла в себя только на третий день и первым делом воскликнула:

— Ну вот и хорошо. Не будет проработки!

Нынешний человек предпочитает, чтоб ему раскроили череп, лишь бы не подвергали его труд издевательству.

17/VI. ...Мне говорил сейчас один профессор химии (из Эривани): «У меня двести студентов, и нет ни одного самостоятельно мыслящего». Здесь на меня напал один б[ывший] рапповец, литературовед, прочитавший мою статью о коммуне Слепцова: почему вы не сказали, что Ч[ернышев]ский б[ыл] **утопический социалист?** Почему вы не сказали, что коммуна Сл[епцо]ва была немыслима при капитализме? т. е. он хочет, чтобы я говорил **всем известные догматы** и непременно высказал бы их в **той форме,** в какой принято высказывать их,— и не заметил в моих статьях ничего остального... Здесь собралось много такой молодежи, и она мне очень симпатична, потому что искренне горяча и деятельна, но вся она **сплошная,** один как другой, и если этот молодой человек согласился [со] мною, что нельзя же судить на основании догматов, заранее построенных концепций, что нужно раньше изучить материал,— то лишь потому, что Стецкий печатал об этом в «Правде». Ему дан приказ думать так-то и так, и он думает, а не было бы этого декрета — он руководствовался бы предыдущим декретом и бил бы меня по зубам. И может быть это к лучшему, т. к. **ни до чего хорошего мы, «одиночки», «самобытники», не додумались...**

1/VII. Завтра уезжаю. Тоска.

Здоровья не поправил. Время провел праздно. Отбился от работы. Потерял последние остатки самоуважения и воли. Мне пятьдесят лет, а мысли мои мелки и ничтожны. Горе не возвысило меня, а еще сильнее измельчило. Я неудачник, банкрот. После 30 лет каторжной литер. работы — я без гроша денег, без имени, «начинающий автор». Не сплю от тоски. Вчера был на детской площадке — единственный радостный момент моей кисло[во]дской жизни. Ребята радушны, доверчивы, обнимали меня, тормошили, представляли мне шарады, дарили мне цветы, провожали меня, и мне все казалось, что они принимают меня за кого-то другого. Бьет шесть часов утра...

14/X. ...Вчера парикмахер, брея меня, рассказал, что он бежал из Украины, оставил там дочь и жену. И вдруг истерично: «У нас там истребление человечества! Истреб-ле-ние чело-вечества. Я знаю, я думаю, что вы служите в ГПУ(!), но мне это все равно: там идет истреб-ле-ние человечества! Ничего, и здесь то же самое будет. И я буду рад, так вам и надо!» и проч.

21/XI. ...Во время моей болезни был у меня милый Хармс. Ему удалось опять угнездиться в Питере. До сих пор он был выслан в Курск и долго сидел в ДПЗ. О ДПЗ он отзывается с удовольствием; говорит: «прелестная жизнь». А о Курске с омерзением: «невообразимо пошло и подло живут люди в Курске». А в ДПЗ был один человек — так он каждое утро супом намазывался, для здоровья. Оставит себе супу со вчера и намажется... А другой говорил по всякому поводу «ясно-понятно». А третий был лектор и читал лекции о луне так: «Луна это есть лунная поверхность, вся усеянная **катерами»** и т. д.

В Курске Хармс ничего не писал, там сильно он хворал. «Чем же вы хворали?» — «Лихорадкой. Ночью, когда, бывало, ни суну себе градусник, у меня все 37,3. Я весь пóтом обливаюсь, не сплю. Потом оказалось, что градусник у меня испорченный, а здоровье было в порядке. Но оказалось это через месяц, а за то время я весь истомился».

Таков стиль всех рассказов Хармса.

22/XII. Ездил за это время в Москву с Ильиным и Маршаком на пленум ВЛКСМ. В Кремле. Нет перчаток, рваное пальто, разные калоши, унижение и боль. Бессонница. Моя дикая речь в защиту сказки. Старость моя и обида.

1933

28/I. Троцкисты для меня были всегда ненавистны не как политические деятели, а раньше всего как **характеры.** Я ненавижу их фразерство, их позерство, их жестикуляцию, их патетику. Самый их вождь был для меня всегда эстетически невыносим: шевелюра, узкая бородка, дешевый провинциальный демонизм. Смесь мефистофеля и помощника присяжного поверенного. Что-то есть в нем от Керенского. У меня к нему отвращение физиологическое. Замечательно, что и у него ко мне — то же самое: в своих статейках «Революция и Литература» он ругает меня с тем же самым презрением, какое я испытываю к нему.

1934

19/II. Вот и Багрицкий умер. Я и не думал, посетив его 24/I, что вижу его первый и последний раз. Я все еще в Кремлевской. Мне позволено гулять на крыше — куда я и поднимаюсь с трудом, в шубе и казенных валенках. Оттуда открывается вид на площадку тридцать второй шахты метро — прямо против больницы, на задах строящейся библиотеки им. Ленина. Года через три то, что я вижу сейчас, будет казаться древностью. А сейчас я вижу вот такое. На площадке стоит двухэтажный дом, построенный лет сорок назад. На этом доме образовались трещины — оттого что под ним слишком близко проходит туннель метро. Поэтому бородатые скифы с топорами тут же на площадке тешут бревнышки и делают подпорки для дома.

18/VI. Вечером доклад Сольца о чистке партии в Оргкомитете Писателей. Сольц — обаятельный, умный, седой, позирующий либерализмом. Возле него Мариэтта — **буквально у самого уха** — как Мария у ног Христа. Сейфуллина визави, застывшая, неподвижная. Фадеев председатель. Кирпотин, Архангельский, Шабад, Лядова, Гайдар и много безличностей. Речь его была не слишком блестяща, покуда он говорил один, но когда его стали расспрашивать о чистке — т. е. о практике этого дела, он так и сыпал бисером, и все собравшиеся гоготали. Гоготали наивно, п. ч. основная масса состояла из очень простодушных людей, вроде тех, что прежде заполняли галерку. Дремучие глаза, мясистые деревенские щеки. «Интеллигентных» лиц почти нет. Ни за что не скажешь, что писатели. Сольц говорил о том, как при чистке он главным образом восстает против **скучных** людей. Есть у нас такие: боролся за революцию, жертвовал собою, обо всем, что было у нас до 1917 года, может очень интересно говорить, а с 1917 года говорит скучно. Это дурной признак. Таких ну что вычищать? Нет, не вычищать таких нужно, а дать им пенсию. Больше чем на пенсию они никуда не годятся.

— Как вы чистите молодежь? — спросила Лядова.

— К молодежи я особенно требователен. Но как судья я никогда не приговариваю молодежь к высшей мере наказания... Я вообще не люблю стариков. Терпеть не могу больных. Если мы будем покровительствовать слабым, убогим,— кто же будет строить?.. Происхождение человека не интересует меня. Прежде чванились графством, теперь происхождением от слесаря. Иной думает, что с него довольно того подвига, что он — родился у слесаря. С этим мы должны бороться... Я городовых всех восстанавливаю (в комиссии по чистке). Ведь и полицейский — это тот же милиционер, он происходит из беднейших крестьян... Когда бы у него была земля, он не пошел бы на службу в полицию... Я чищу чистильщиков. Я чищу партийную знать.— Потом замолол о половой жизни. «Половая жизнь носит характер общественный: кто смотрит на нее, как на естественное отправление организма, тот себя в этой области принижает, и не только в этой области... Ничего хорошего нет, что человек ставит себя на уровень животного».

Его спросили о том, как он относится к современной советской л[итерату]ре. «Память у меня стала плохая. Что ни прочту, забываю. Вот Шолохова прочитал «Поднятую целину» — и сейчас же забыл».

Сейфуллина: «Ну я рада, что вы все забываете. Значит, вы и меня забыли и забыли, что вы меня выругали».

Были бутерброды с икрой и семгой, чай и конфеты. Мы пошли с Сейфуллиной. Она по дороге брюзжала: «Надоели либеральные сановники. Вот он сейчас говорит, что сын городового для него не одиозен, а когда я на Кузнецкстрое написала в анкете, что я происхожу из духовенства, ко мне прибежала заведующая и просила изъять из анкеты это место. Почему же он говорит, что преследует только тех, кто скроет свое происхождение? Напротив, требуют, чтобы скрывали».

Вообще С[ейфуллина] будировала и сделалась, по терминологии Сольца, скучной.

1 декабря. Писал «Искусство перевода». Очень горячо писал... вдруг звонок по телеф[ону] — из «Правды» Лифшиц:

— Убили Кирова!!!

Я пошел утром в 8 часов — бродил по Питеру. У здания бездна автомобилей, окна озарены, на трамваях траурные флаги — и только. Газет не было (газеты вышли только в 3 часа дня)... Кирова жалеют все, говорят о нем нежно. Я не спал снова — и, не находя себе места, уехал в Москву.

5/XII. ...Мы пошли по Арбату к гробу Кирова. Я стоял слева у ног и отлично видел лицо Кирова. Оно не изменилось, но было ужасающе зелено. Как будто его покрасили в зеленую краску. И т. к. оно не изменилось, было оно еще страшнее... А толпы шли без конца, без краю: по лестнице, мучительно раскорячившись, ковылял сухоногий на двух костылях, вот женщина с забинтованной головой, будто вырвалась из больницы, вот слепой, которого ведет под руку старуха и плачет. Еле мы протискались против течения вниз. В артистической мы видели Рыклина, Б. П. Кристи и др. Домой я вернулся в половине третьего ночи.

Публикация Е. Ц. ЧУКОВСКОЙ

Собрание Бриллиантовой комнаты было тщательно изучено комиссией под председательством академика А. Е. Ферсмана.

СОКРОВИЩА ДЕРЖАВЫ

Татьяна ЗДОРИК

...Вначале было слово. Словом был указ Петра I № 11, § 20, от 1719 г. «Государству принадлежащие вещи, а именно государственное яблоко, корона, скипетр, ключ и меч имеют в царской рентерии (казне) в большом сундуке за тремя замками в сохранении быть...»

В 1737 году после пожара Зимнего дворца бриллианты из царской короны помещаются в Бриллиантовую комнату, специальную кладовую бриллиантовых вещей. Для их охраны поставлены часовые гвардейских полков. С 1884 года драгоценности короны считаются собственностью государства. В 1914 году, после начала первой мировой войны, они спешно увозятся из северной столицы, слишком близкой от государственных границ, в старую Москву, в Оружейную палату, в восьми непритязательных с виду сундуках. В числе сокровищ, упакованных в ящики и сундуки и присланных из Петрограда, уцелели и восемь сундуков с сокровищами короны. «Все цело. Смирнов»,— сообщала телеграмма, посланная со станции Клин академиком Я. И. Смирновым. С невероятными трудностями в ноябре 1917 года удалось главному хранителю Эрмитажа приехать в Москву (вспомним, что билеты не продавались вовсе, а переполненные поезда брались с боем), чтобы выяснить судьбу бесценного груза.

Бурные события революционных дней не раз подвергали опасностям государственные ценности. Так, например, частям полковника Рябцева удалось 29 октября проникнуть в Кремль и засесть за его стенами. Для захвата Кремля рабочие Смольного выслали отряды красногвардейцев и балтийских матросов. В эти дни «Известия Московского Военно-революционного комитета» печатали: «Любители старины очень боялись за Кремль, который пришлось подвергнуть форменной бомбардировке из орудий всякого калибра. Можем их успокоить: Кремль, в целом, как исторический памятник, сохранился. Ни одно здание, имеющее историческое значение, не разрушено».

Зимой 1917-го Кремль был, пожалуй, самым населенным местом Москвы. В маленьких домиках, тянувшихся от Ивана Великого до Спасских ворот, исстари проживал чиновный и служилый люд. В кельях Чудова и Вознесенского монастырей обитала монашеская братия.

Пришлые люди — бывшие солдаты, молодчики подозрительного вида в поддевках — сновали между брошенных пушек, снарядных ящиков и битого кирпича. Случалось, комендант Москвы Ян Берзин срочно задерживал уже у ворот неведомо по чьему приказу нагруженный обоз с мебелью и другим добром. Для борьбы со случаями мародерства

«Деньги не щепки, счетом крепки» — гласит русская пословица. Россыпь серебряных рублей советского чекана в день инвентаризации в ГОХРАНе.

Россия — одна из немногих стран мира, исстари владеющая крупными запасами уникального благородного металла — платины. С 1828 по 1845 год в Петербурге чеканилась платиновая монета. В наши дни из этого металла изготовляют лишь юбилейные памятные монеты и медали, ордена.

Приемка и хранение слитков уникальной платины.

Приемка слитков золота в ГОХРАНе. ГОХРАН, продолживший 3 февраля 1920 года петровские начинания, и по сей день осуществляет не только приемку и хранение драгоценных металлов, но и пробирный анализ ювелирных изделий, церковной утвари, а также вновь найденных самородков.

создана была тогда же, в ноябре, специальная комиссия для охраны художественных ценностей Кремля. Главными «стражами кремлевских сокровищ» стали в эти дни председатель новой комиссии — московский архитектор Павел Петрович Малиновский и художник-импрессионист Евгений Владимирович Орановский.

В 1920 году для надежного хранения государственных ценностей по декрету В. И. Ленина был создан ГОХРАН. В 1922 году основан Алмазный фонд РСФСР, с 1924 года — Алмазный фонд СССР. Для научного описания его коллекций создается комиссия под председательством академика А. Е. Ферсмана. Коллектив фонда провел в 1925 г. в Колонном зале выставку наиболее ценных экспонатов, в том числе династических регалий.

В небольшой брошюре — «Алмазный фонд СССР», написанной в 1925 году и ставшей сегодня документом истории, провозглашается: «Теперь, фактически перейдя во владения народа, эти сказочные вещи, по отношению к которым не всегда знаешь, что драгоценнее — самый материал или созданный из него творчеством мастера предмет, зажили новой жизнью и так или иначе примут участие в общей созидательной работе... многие из них сыграют и более важную роль, превратясь в столь настоятельно необходимые для рабоче-крестьянского государства предметы, как машины и т. п., и на смену яркому, но безмолвному, мерцанию драгоценных камней придет менее яркое, но более живое мерцание стальных частей машин, поющих песню о мощи народа, строящего новую жизнь».

Мерцание каких именно сокровищ Алмазного фонда за годы индустриализации сменилось «живым мерцанием стальных частей», предстоит изучать историкам сегодня. Однако все наиболее ценные, с исторической и эстетической точки зрения, вещи уцелели. Успех блистательной выставки 1967 года, подготовленной к 50-летнему юбилею Октября, превзошел все предполагаемые ожидания и вызвал необходимость постоянной экспозиции, существующей вот уже более 20 лет. Естественно, каждый музей — айсберг, публика видит лишь верхушку. Лишь небольшую часть сокровищ Алмазного фонда высветила на этих страницах камера фотографа-художника Н. Н. Рахманова.

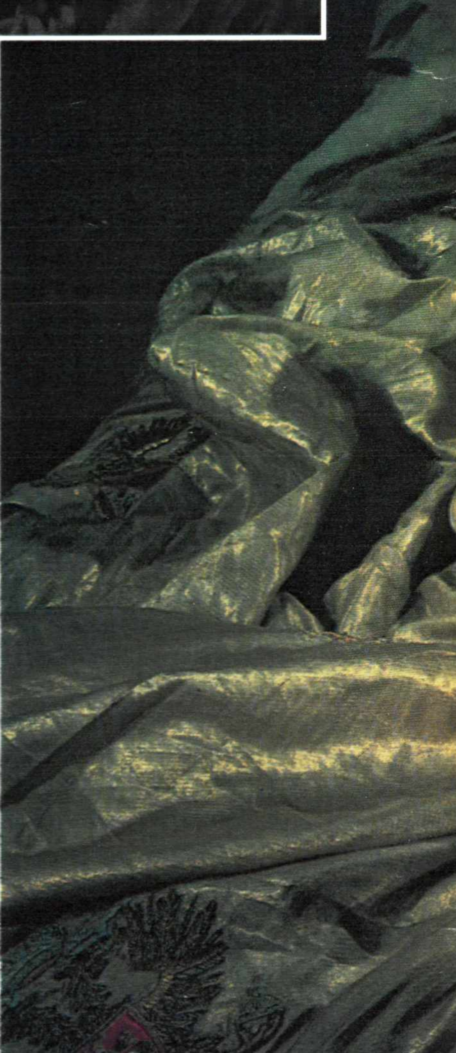
Редакция журнала выражает благодарность за консультации работникам ГОХРАНа и Алмазного фонда Галине Николаевне Абрамовой и Евгению Германовичу Габанюку.

Овальная камея на крупном изумруде. Портрет Екатерины II работы профессора Академии художеств Егера (XVIII век). В конце XIX — начале XX века изумрудную камею заключают в массивную с восемью фестонами золотую раму: к густо-зеленому камню прилегает бриллиантовая лента — символ минувшего «алмазного» века.

Изваяние, созданное природой,— золотой бюст духа зла, Мефистофеля. Найден на одном из приисков Колымы в 1944 году.

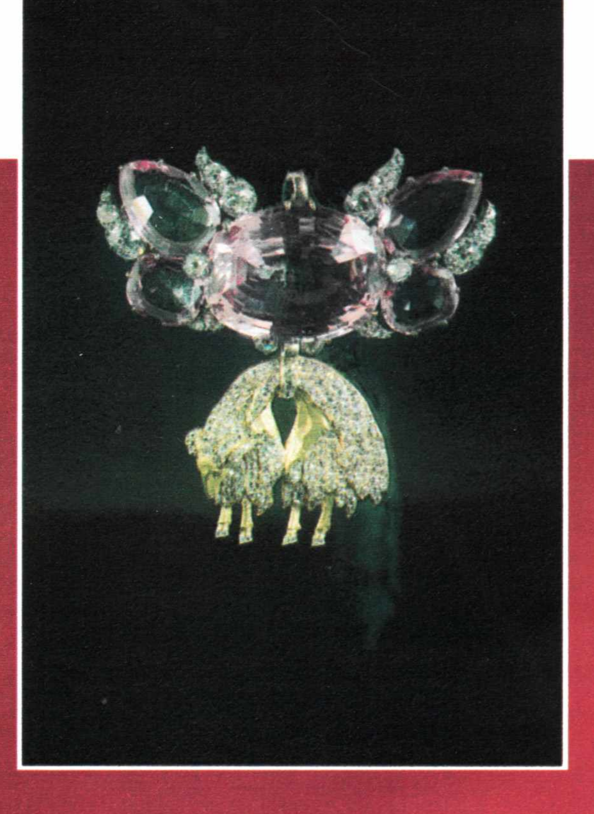

Бриллианты Российской короны. Большую императорскую корону, созданную выдающимся мастером Иеремией Позье в 1762 году для коронации Екатерины II, называют гимном бриллианту: 4836 отборных индийских камней соединены в ней в алмазное кружево. Вслед за Екатериной II Большой короной венчали на царство всех российских монархов.

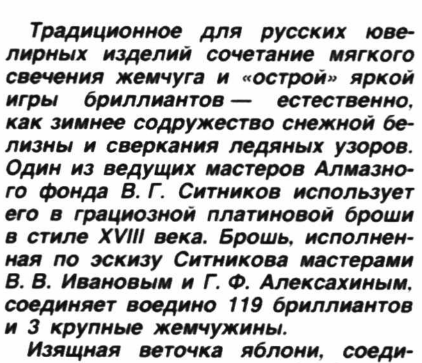

Скипетр и держава — символы государственной власти.

Для коронации Екатерины II державу пришлось изготовить сызнова. После недолгого царствования Елизаветы драгоценные камни с державы были сняты, а золото «пущено в дело». Полированный золотой шар окружностью 48 см вновь созданного «царского яблока» опоясывает бриллиантовая лента. Сходная по рисунку полудужка в верхней части державы завершалась прежде лишь бриллиантовым крестом. Между крестом и сферой Павел I помещает двухсоткаратовый цейлонский сапфир — символ мудрости и созерцания, почитавшийся римлянами, как камень Зевса. Впечатление торжественности и великолепия усиливает крупный каплевидный индийский алмаз, также добавленный к державе при Павле I.

Знак ордена Св. Александра Невского. Работа второй половины XVIII века. Орден Александра Невского — единственная из дореволюционных воинских наград, возрожденных в годы Отечественной войны в Советской Армии.

Традиционное для русских ювелирных изделий сочетание мягкого свечения жемчуга и «острой» яркой игры бриллиантов — естественно, как зимнее содружество снежной белизны и сверкания ледяных узоров. Один из ведущих мастеров Алмазного фонда В. Г. Ситников использует его в грациозной платиновой броши в стиле XVIII века. Брошь, исполненная по эскизу Ситникова мастерами В. В. Ивановым и Г. Ф. Алексахиным, соединяет воедино 119 бриллиантов и 3 крупные жемчужины.

Изящная веточка яблони, соединяющая в едином узоре 64 бриллианта, выполнена по эскизу Н. В. Ростовцевой.

Агнец, объятый пламенем веры,— жертва, принесенная на алтарь отечества; такова, видимо, символика одного из старейших орденов Европы — ордена «Золотого Руна», учрежденного герцогом бургундским Филиппом Добрым в 1429 году. Награждались им лишь особы королевской крови. «Пламя» могли символизировать различные камни. В Пражском экземпляре это густоалые гранаты, в Дрезденском — золотистые топазы, в экземпляре Алмазного фонда — бразильские топазы нежного сиренево-розового тона. Работа середины XIX века.

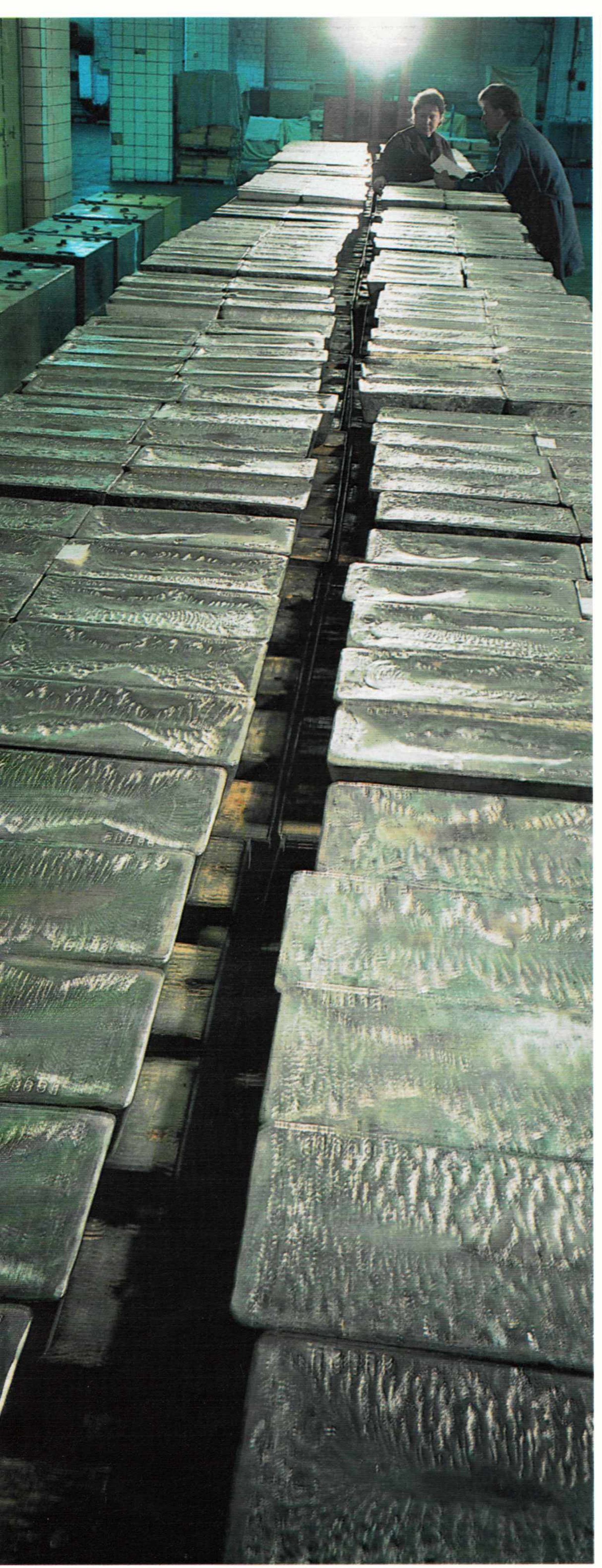
Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 году, учреждается «Маршальская звезда». Знак отличия Маршалов Советского Союза выполнен из высокопробного золота и украшен 21 бриллиантом.

Массивный золотой скипетр (59,5 см), скромно украшенный ко дню коронации лишь восемью тонкими бриллиантовыми поясками, Екатерина усовершенствовала сама: в день ее именин Григорий Орлов преподнес императрице уникальный по красоте и величине алмаз, ограненный высокой розой. Камень получил имя «Орлов» и был водружен в навершии императорского скипетра. По легенде, этот алмаз, один из крупнейших и прекраснейших в мире, был некогда глазом Будды на острове Серинган близ полуострова Индостан. Похищенный оттуда, он сиял в знаменитом «Павлиньем» троне Надир-шаха. В 1747 году был вновь украден и появился спустя некоторое время в Амстердаме, где и приобретен за 400 тысяч Григорием Орловым.

Орден Св. Андрея Первозванного был учрежден Петром I в честь легендарного святого покровителя Руси. Орденская звезда, как и знак Ордена, для каждого вновь награжденного делалась особо и, сохраняя общность символики, не повторялась в деталях.

День приемки. Двухпудовые слитки серебра (точнее масса каждого от 28 до 33 кг) сливаются в единую серебряную реку. Как и серебряную свинку Фаберже, эти «чушки» тоже никто не видит. Алмазный фонд страдает острой нехваткой помещения.

Продукция фирмы Фаберже. По существу, изделия создавались для массового потребителя: портсигары, шкатулки, флаконы, пасхальные яйца, мелкая пластика. Любовное отношение к материалу, безупречное владение приемами ремесла превращают их подчас в произведения истинного искусства, раскрывая неожиданную теплоту камня, выявляя созвучия и контрасты камня и металла. Особенной любовью и по сей день пользуются фигурки животных из цветного камня, такие, к примеру, как эта задумчивая кошка из нефрита с бриллиантовыми глазками и золотыми коготками.

Миниатюрный портрет Петра в горностаевой мантии поверх воинских лат (работа мастера Г. Мусикийского) в пышной золотой раме, украшенной бриллиантами и эмалью, принадлежал к числу личных пожалований государя и давался за особо важные заслуги. Экземпляр, хранящийся в Алмазном фонде, создан около 1840 года в царствование Николая I.

Бесконечно разнообразны по замыслу, виртуозны по исполнению уникальные произведения лучших из современных мастеров Алмазного фонда. В центре композиции выделяется изяществом колье «Весеннее» — бриллиантовая веточка с тремя крупными уральскими изумрудами и голубыми капельками цейлонских сапфиров (автор В. В. Николаев, исполнители В. В. Николаев и Г. Ф. Алексахин). Рядом колье в совсем иной манере — строгий и торжественный «воротничок». Автор и этой работы — В. В. Николаев, исполнивший ее вместе с закрепщиком бриллиантов Г. Ф. Алексахиным.

Легкие в своей непринужденности букеты цветов выдают женскую руку; автор этих композиций — художник Н. В. Ростовцева. И наконец, яркая праздничная работа В. Г. Ситникова — колье и серьги «Салют».

Я ПОДОЖДУ...

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

С некоторых пор имя солиста ГАБТ СССР Андриса Лиепа у всех на устах: женился на американке, уехал в США. Разговоры усиливались тем, что на сцене Большого Андрис Лиепа появляться перестал. Но вот он опять в Москве. В зале имени Чайковского на творческом вечере Илзе Лиепа Андрис вместе с сестрой станцевали «Видение розы» — балет М. Фокина, когда-то прекрасно возобновленный их отцом — Марисом Лиепа.

Фото Монро БАРШОУ

— Андрис, как складывается ваша работа в Америке? Что она дает вам?

— Очень много. Я с удовольствием отмечаю, что стал гораздо лучше владеть своим телом, узнал новые элементы — те, которых нет в советской хореографии.

За прошлый сезон я выучил пять новых спектаклей. Среди них два — Баланчина: «Балле эмпериаль» на Второй концерт Чайковского и «Концерт для скрипки» на музыку скрипичного концерта Стравинского. Кроме того, произошло одно из самых интересных событий в моей творческой жизни — я станцевал главную партию в балете «Ромео и Джульетта» в постановке Макмиллана. Когда я впервые увидел эту постановку на кассете в исполнении Марго Фонтейн и Рудольфа Нуриева, я был поражен, насколько полно и широко раскрыт в этом балете образ Ромео, постановка буквально захватила меня. Так же было и с «Аполлоном» Баланчина... Вообще работа в «Америкен балле тиетр» интересна и важна тем, что я имею возможность танцевать самый разнообразный репертуар. В труппе Баланчина я бы мог танцевать только его балеты — на это решиться было трудно, здесь же можно танцевать все, и Баланчина в том числе. Это позволяет овладевать самой разной техникой и разными стилями. Сейчас я выучил еще два новых балета, тоже нового для меня хореографа — Тюдора — «Сиреневый сад» и «Листья опадают». А если говорить о количестве... За семь лет в Большом я станцевал «Лебединое» три раза, «Спящую красавицу» — один раз (это был один из удачнейших моих спектаклей, но я не смог его даже повторить) и три раза «Ромео». А в «Америкен балле тиетр» за один прошлый сезон — двадцать пять «Лебединых» и шесть «Ромео», не говоря о других. Цифры, конечно, несоизмеримы.

И еще. Как-то в разговоре с молодым американским танцовщиком я сказал:

как здорово, что для меня, в мои 27 лет, специально ставят спектакли. Он очень удивился — ему 26, и ради него поставлено уже двадцать балетов. Я был убит этим числом. Насколько его творческая биография богаче, чем моя! Возможно, не все эти балеты были высококачественны. Но когда ты с балетмейстером создаешь то, чего еще не было до тебя, и он ставит конкретно на твою индивидуальность, используя твои возможности,— это невероятно важно, жизненно необходимо для актера. В Большом же меня только вводили в те балеты, что были в репертуаре.

— Но, работая в Америке, вы ощущали себя представителем лучшей в мире балетной школы?

— Естественно. Но я также понял, что в Союзе, при уникальной исполнительской школе, поразительная бедность хореографии. В такой огромной стране, как наша, с таким количеством музыкальных театров существуют буквально единицы, которые могут на серьезном уровне соперничать с западными хореографами. Мы практически остановились в своем развитии. Продолжать танцевать спектакли, которые были созданы Мариусом Петипа, ведущими советскими хореографами прошлого, конечно, замечательно, но должно быть и что-то другое. Наше нежелание смотреть вперед просто поражает. Год назад я пытался договориться с руководством балета о переносе в Большой театр спектакля Баланчина «Аполлон». (У нас не принято звать на постановки молодых хореографов, все больше повторяют апробированные спектакли. «Аполлон» из этого ряда не выпадал, этот спектакль известен во всем мире.) Но все мои попытки оказались безрезультатными. В Большом мне объяснили, что деньги нужны невероятные, и вообще Баланчина у нас в стране поставить невозможно. А буквально через три месяца я увидел, как Кировский театр танцует два спектакля Баланчина. Оказывается, это все-таки возможно. И я был очень рад и горд за артистов Кировского, когда после их выступлений в Нью-Йорке услышал лестные отзывы известных критиков. Анна Кисельгоф, например, писала, что Кировский театр танцует Баланчина даже лучше самой труппы Баланчина.

— А какие различия в хореографических школах — нашей и американской?

— Они гораздо больше танцуют современной хореографии, их тело намного больше развито пластически. О техническом же уровне могу сказать, что они нас догоняют, причем довольно успешно. Всем, чем славились советские артисты, американцы овладели, и делают это иногда даже с бо́льшим блеском. С другой стороны, немногие наши танцоры могут похвастаться тем, что умеют американцы в современной хореографии. Короче, они знают о советской балетной школе почти все, а мы не знаем об американской почти ничего.

Сейчас, по прошествии года, я имею возможность танцевать в лучших труппах мира. В ближайшее время я исполню несколько спектаклей в Кировском, куда меня пригласил Олег Виноградов, главный балетмейстер этого театра, затем еду в «Ла Скала» на две «Жизели», а потом возвращаюсь в Нью-Йорк — там предстоит много работы и большое турне по Америке. Досадно только, что не удается танцевать в своем театре, где я вырос.

Я думаю, что Большой должен гордиться своими танцовщиками, которые могут вливаться в другой коллектив, исполнять сложнейшие спектакли в другой труппе. Я, повторяю, многому научился и, конечно, хотел бы это показать московскому зрителю. Но — не зовут. Правда, был разговор о контракте. Но тот, что был мне предложен администрацией, совсем не давал гарантии, что я буду обеспечен работой и что в очередной раз мне не скажут, что «нет возможности». И, кроме всего прочего, я воспринял этот контракт как желание избавиться от меня...

— Андрис, в Большом театре вам предлагают по 64 рубля за спектакль. А сколько вы получаете в «Америкен балле тиетр»?

— Больше. Настолько, что даже неудобно сказать. Например, я могу летать из Нью-Йорка в Москву за свои собственные деньги, когда хочу, и ни от кого не зависеть. Словом, сегодня я могу осилить денежно то, что мне интересно творчески. Я сказал в Большом, что в моих предложениях нет никакой корысти.

— С практической точки зрения вас сложно понять. Вы так стремитесь в театр, где и платят меньше и репертуар гораздо беднее. Зачем?

— Потому что я скучаю по театру. И еще хочу доказать, что творческую свободу можно получить, не только работая на Западе, что путь окончательного отъезда — не единственный для этого.

— Насколько стало ясно из всех последних публикаций о Большом театре, решает там все один человек — Юрий Николаевич Григорович. Вы пробовали разговаривать с ним?

— Не раз. Я пытался встретиться с ним и в Москве, и в Нью-Йорке, просил принять меня в любое удобное для него время, но он мне отказал. Потом я написал ему письмо о том, что мечтаю продолжать работать в Большом, но ответа не получил. Все мне говорят, что Григорович на меня очень обижен, а возможности узнать причины у него лично я, к сожалению, не имею.

— Не зря говорят, что Юрия Николаевича обижать опасно — видите, и ваша история это подтверждает.

— Да. Но я, к счастью, смог из неприятной ситуации извлечь пользу. И за прошлый год творчески обогатился намного больше, чем если бы провел сезон здесь. Новых спектаклей в Большом не было и в этом году опять не предвидится.

— Я знаю, что вы не единственный артист Большого театра, начавший строить свою судьбу вне его стен,— еще десять человек тоже заключили контракты за рубежом.

— Боюсь, что в Большом через годполтора исполнителей не останется. Проблемы, возникшие внутри театра, его репертуарная политика не способствуют творчеству. Ребята чувствуют свою ненужность, многие подходят ко мне и спрашивают, как начать этот путь — устроиться поработать в другой труппе. И я их прекрасно понимаю, знаю, что хотят они не легкого заработка. Им хорошо известно, что там за плохие танцы денег не платят. Только в нашей труппе можно работать плохо и при этом получать деньги и ездить в загранпоездки. Что же касается Большого театра, то противоречия здесь сейчас настолько велики, что какое-то решение должно быть принято. Если оно будет в пользу искусства, то, надеюсь, мне в Большом место найдется. Пока же я могу подождать — я надеюсь, что мне не придется ждать вечно.

СОЗДАН ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»

20—21 января в Московском Дворце молодежи состоялась учредительная конференция блока кандидатов в народные депутаты Российской Федерации «Демократическая Россия». В конференции приняли участие кандидаты в депутаты из Москвы, Ленинграда, Чечено-Ингушской и Якутской АССР, шестнадцати областей РСФСР, Красноярского и Приморского краев.

Конференция была представлена крупнейшими демократическими движениями — Межрегиональной ассоциацией демократических организаций (МАДО), Московским и Межрегиональным объединением избирателей (МОИ), Московским народным фронтом и Народным фронтом РСФСР, учрежденным осенью прошлого года в г. Ярославле, Социал-демократической ассоциацией, Клубом избирателей при АН СССР, в который входят сотрудники более чем 200 академических институтов Российской Федерации, «Мемориалом», «Московской трибуной», объединением «Апрель» (писатели — за перестройку), армейской организацией «Щит» (Союз социальной защиты военнослужащих и членов их семей) и другими.

Конференция приняла декларацию, платформу блока, обращение к избирателям и ряд резолюций.

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Вновь, как и год назад, наша страна стоит перед выборами. Положение, однако, с тех пор во многом изменилось к худшему. Истоки кризиса не в том, что разрушаются старые порядки, а в том, что они ликвидируются медленно и с оглядкой, в том, что они своевременно не замещаются новой властью, новой экономикой, новыми ценностями.

Остановить сползание в пропасть, дать второе дыхание курсу, начатому в 1985 г.,— нет у нас более важной и срочной задачи. Наше завтра в огромной степени зависит от того, каким будет высший орган государственной власти в России, какими будут местные Советы. Чтобы в новые Советы пришли новые люди — смелые и независимые, компетентные и ответственные, нужны четкие политические ориентиры, необходима общая платформа демократических сил.

МЫ ПРИЗЫВАЕМ ВСЕХ КАНДИДАТОВ, РАЗДЕЛЯЮЩИХ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭТОЙ ПРОГРАММЫ, СПЛОТИТЬСЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ БЛОК «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ»

Общую политическую ориентацию этого широкого объединения будут определять программные документы Межрегиональной депутатской группы, гуманистические идеи нашего великого современника АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА САХАРОВА, предложенные им Декрет о власти и проект новой Советской Конституции.

Мы — убежденные сторонники гражданского мира, а не гражданской войны, к которой сознательно и бессознательно подталкивают те, кто занят поисками врагов в нашем обществе, кто взвинчивает истерию ненависти. Мы отдаем должное инициаторам перестройки и хотели бы видеть в них союзников, а не противников.

Однако положение быстро меняется. Консервативные элементы аппарата, поборники равенства в нищете, люди, разжигающие зоологический шовинизм, быстро организуются и выступают теперь единым фронтом. Реформаторы из партийно-государственного руководства, к сожалению, не всегда остаются тверды по отношению к их нажиму.

В то же время в политику втягиваются массы людей, начало формироваться независимое рабочее движение, страну потрясли шахтерские забастовки, во время которых были выдвинуты демократические политические требования. Перемены, начатые сверху и блокируемые влиятельными силами, в том числе в высших эшелонах власти, подталкиваются теперь снизу.

В этих условиях демократы не могут быть лишь эшелоном поддержки реформ, проводимых руководством страны. Они могут и должны стать самостоятельной политической силой. В одних случаях обеспечивать поддержку реформаторам, в других — выступать с критикой их непоследовательности, политических ошибок и экономических просчетов, в третьих — предлагать собственную альтернативу.

Основополагающие принципы ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ: государство для народа, а не народ для государства, приоритет интересов личности перед интересами государства.

Первый Съезд народных депутатов РСФСР должен сделать то, чего пока не удалось достичь на общесоюзном уровне,— взять на себя ВСЮ ПОЛНОТУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РСФСР. Блок «Демократическая Россия» сделает все, чтобы Съезд осуществил следующие первоочередные политические преобразования:

— Безотлагательно утвердить основные принципы новой демократической Конституции РСФСР. Она должна строго соответствовать Декларации прав человека ООН и другим международным соглашениям по правам, а законы республики — гарантировать осуществление этих прав.

— Необходимо положить конец монополии одной партии на власть, отменив статью 6 Конституции РСФСР. Следствием этого должны стать лишение непосредственной власти партийных комитетов всех уровней, ликвидация всех форм контроля партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, прекращение их деятельности в армии, правоохранительных органах и дипломатической службе.

— Гарантировать гражданам России безусловное право объединяться в партии, организации, союзы; установить для общественных организаций заявительный, а не разрешительный порядок регистрации. Преследованию в судебном порядке, вплоть до запрещения, подлежат лишь те из них, которые призывают или потворствуют насилию, проповедуют идеи расовой, национальной, религиозной, социальной исключительности и вражды.

— Отказаться от двухступенчатой структуры: Съезд — Верховный Совет, разрывающей прямую связь постоянно работающего высшего органа власти с избирателями.

— Совершить переход от разрешенной гласности к действительной свободе слова и печати. Немедленно ввести в силу в России последовательно демократический Закон о печати, предусматривающий предоставление права бесцензурной издательской деятельности общественным организациям и частным лицам. Центральная газета РСФСР и канал телевидения России должны стать органами Съезда народных депутатов.

— Провозгласить реальную, а не на словах свободу совести: распространить на религиозные общины права общественных организаций; вернуть храмы верующим.

— Съезд должен ограничить функции КГБ задачами защиты государства от внешней опасности и террористической деятельности, поставить КГБ, МО, МВД под эффективный контроль выборных органов власти.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

имеют решающее значение. Без них не будет ни материального достатка, ни уважения к человеческому достоинству людей, ни культурного возрождения России. С другой стороны, все достижения перестройки нельзя считать необратимыми, пока не заработает ЗДОРОВАЯ ЭКОНОМИКА, пока широкие массы народа не почувствуют реального улучшения в повседневной жизни.

Разгорающийся ныне спор об экономической политике — это спор между теми,

кто озабочен в первую очередь распределением и перераспределением имеющегося национального дохода, и теми, кто добивается создания экономического механизма, способного его наращивать количественно и улучшать качественно. Этот спор нередко приобретает идеологическую окраску: социализм или капитализм. Перевод разговора в эту плоскость вовсе не дает ответа на вопрос: какая экономика нам нужна?

Пора сделать практические выводы из того, что доказано всем мировым опытом. Современная высокоразвитая экономика, работающая на потребителя, а не на показатели плана, в любом ее варианте включает:

— рынок как основной регулятор хозяйства;

— систему государственных рычагов экономического регулирования, находящуюся под демократическим контролем;

— экономическую самостоятельность предприятий;

— эффективную антимонополистическую политику;

— многообразие и юридическое равенство разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, коллективной, частной и т. д.;

— мощные механизмы экологической безопасности и социальной защиты.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА правительства, декларируя движение к рыночной системе и предусматривая некоторые разумные меры, не обеспечивает все же неотложного становления новых хозяйственных структур, а хозяйственная практика дискредитирует экономическую реформу в глазах народа. Чтобы осуществить трудный переход, надо разработать и провести в жизнь две взаимосвязанные, но разные программы:

— основную, предусматривающую безотлагательное создание эффективного рыночного сектора — локомотива развития и преобразования экономики,— в первую очередь путем преобразования значительной части государственной собственности в иные формы;

— вспомогательную, включающую комплекс мер, смягчающих издержки перехода и противодействующих снижению жизненного уровня населения, и прежде всего малообеспеченных слоев.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА должна, в частности, предусматривать:

— законодательное закрепление права граждан на гарантированный минимум дохода, учитывающий изменение индекса цен;

— замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен;

— привязку всех пенсий к динамике заработной платы и индекса цен;

— установление гласного контроля над общественными фондами потребления и распределением государственного жилого фонда;

— реализацию программы трудоустройства, переобучения и компенсации трудящимся, задетым глубокой структурной перестройкой экономики и сокращением аппарата управления и армии.

Нужные для этого средства могут быть получены за счет резкого сокращения непроизводительных расходов, в особенности военных, и привлечения внешних ресурсов в разумных пределах, а не работой печатного станка. Необходимо также немедленно ликвидировать все привилегии номенклатурных работников — не столько как средство решения наших экономических проблем, сколько как элементарное нравственное требование к руководителям государства, десятки миллионов граждан которого живут за чертой бедности.

Болевая точка нашей экономики — продовольственная проблема. Нельзя дальше откладывать решение ВОПРОСА О ЗЕМЛЕ. Мы предлагаем:

— тот, кто может и хочет работать на земле, должен получить безусловную свободу выбора формы ведения хозяйства, равно как и гарантии, что никогда более не повторится трагедия «раскулачивания»;

— надо узаконить передачу земли в бессрочное владение или частную собственность тем, кто занят или желает заняться сельскохозяйственным трудом;

— поток государственных капиталовложений и кредитов, бесплодно растачаемых и пожираемых органами управления на селе, должен быть переадресован в руки тех, кто станет хозяином земли, а не поденщиком.

Один из самых сложных вопросов в нашей стране — НАЦИОНАЛЬНЫЙ. Все народы СССР в равной мере оказались жертвами системы тотального разрушения личности, природы и культуры. Русский народ, создавший великую культуру мирового значения, ущемлен наравне с другими народами Российской Федерации в своих национальных чувствах. Его оскорбляет отождествление с тоталитарным режимом. Растворенность российских общественно-политических структур в общесоюзных лишает народы Российской Федерации собственной государственности и осложняет их отношения с народами других республик.

Мы обеспокоены тем, что определенные силы, не встречая серьезного сопротивления, разжигают национальную вражду и подозрительность. Предъявление счетов одними народами другим может привести лишь к трагическим последствиям. Отношения между народами должны опираться на приоритет общечеловеческих ценностей над национальными.

Исходя из этого, перед Съездом народных депутатов РСФСР будут стоять следующие задачи:

— Необходимо провозгласить и законодательно определить суверенитет Российской Федерации. По новому Союзному договору, который должен быть разработан и заключен в кратчайшие сроки, в ведении Союза могут находиться лишь те права, которые добровольно переданы ему республиками. Законы Союза должны вступать в действие лишь после их ратификации высшими органами государственной власти республик. Надо создать завершенную систему органов государственной власти и управления в России.

— Демократическое решение национальных проблем, возникающих в самой Российской Федерации,— в настойчивом поиске вариантов, исключающих всякое национальное ущемление и не задевающих ничьи национальные интересы, в гибком сочетании суверенитета, территориальной и национально-культурной автономии народов России, разработке юридического механизма и форм реализации права наций на самоопределение.

На исходе двадцатого века только переход от тоталитаризма к демократии откроет путь к возрождению всех народов России.

Наша страна не только перед выборами, которые решат многое. Она перед выбором: пойдем ли мы вслед за большинством европейских стран по трудному, но мирному, демократическому, парламентскому пути преобразований, которые в конечном счете дадут хлеб и свободу всем, или нас ждут кровавые потрясения.

Чтобы отвести опасности неконтролируемого развития событий и восстановления диктатуры в любом идеологическом оформлении, мы призываем кандидатов в депутаты и избирателей поддержать платформу ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКА «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ».

НЕТ — НАСИЛИЮ И ДИКТАТУРЕ! СВОБОДА — ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ! ПЕРЕХОД К ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ НЕОСУЩЕСТВИМ БЕЗ СИЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЛЯ ВСЕХ! В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАНЕ — НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ И УВАЖЕНИЕ КО ВСЕМ НАРОДАМ!

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРОТИВ РАСИЗМА

В прошлом номере мы рассказали о том, как «дети Шарикова» попытались в ЦДЛ сорвать заседание движения «Апрель». Однако собрание писателей состоялось.

Напоминаем, «Апрель» создан около года назад, насчитывает более шестисот членов. Среди них такие известные писатели, как А. Приставкин, Ю. Черниченко, М. Шатров, Вад. Соколов (сопредседатели движения), Б. Окуджава, В. Дудинцев, Р. Рождественский, А. Злобин, Т. Толстая, А. Стреляный, Л. Жуховицкий, и другие. В конце собрания один из сопредседателей «Апреля», Е. Евтушенко, зачитал текст «Декларации против расизма».

Это слово «расизм», к которому нам прививали отвращение с детства, мы всегда воспринимали, как нечто далекое от нас, зарубежное, капиталистическое... Старшие из нас помнят негритенка из фильма «Цирк», спасаемого от американского расиста и бережно передаваемого советскими людьми из рук в руки...

В нашей Конституции законодательно осуждается разжигание ненависти между народами. Одно из звериных лиц расизма мы увидели во время второй мировой войны, в которой расизм победили все народы нашей страны. Но затем мы увидели другое лицо расизма — уже нашего, отечественного. Государственный геноцид по отношению к целым народам — к калмыкам, чеченцам, ингушам, крымским татарам... Убийство великого еврейского актера Михоэлса, разгром так называемых космополитов в 1949 году, дело «врачей-отравителей» в 1953 году, чудовищные антисемитские фельетоны в газетах... После смерти Сталина сначала казалось, что все это никогда не повторится. Мы искренне возмущались американским ку-клукс-кланом, варфоломеевскими ночами в Ирландии, бесконечными кровопролитиями на Ближнем Востоке.

Однако расизм, как СПИД, не знает границ. Микробы расизма прекрасно развивались в питательной среде застоя — в кадровой политике, где пятый пункт в анкете приобрел такое трагическое значение. В последнее время, содрогаясь от негодования и стыда, мы видим вспышки разгулявшейся эпидемии расизма то на собственной улице, то в ближайшем городе, то в далекой республике.

Такова была попытка 18 января сорвать собрание «Апреля» в ЦДЛ, когда погромщики устроили антиперестроечный шовинистский шабаш, оскорбляя писателей, и среди них народных депутатов СССР, черносотенными выкриками и физическими противоправными действиями, размахивая антисемитскими лозунгами. Сыпались угрозы о готовящемся еврейском погроме. Эти новоявленные отечественные нацисты выкрикивали «Жиды пархатые!», «Убирайтесь в ваш Израиль!» всем присутствовавшим. Патологическая расистская ненависть привела их к тому, что им любой неантисемит уже кажется евреем.

Ясно одно — это был не стихийно возникший скандал, а подготовленная акция. Создается впечатление, что экстремисты из общества «Память» и примыкающие к ним организации делают ставку на беспорядки, надеясь, что они приведут к имперской милитаризованной диктатуре. Погромщики, самозванно выступающие от имени русского народа,— вот кто на самом деле русофобы, это они оскорбляют гуманистические традиции России, ее культуру.

Сегодня одной из самых опаснейших форм организованной преступности является расизм. Расизм — это спекулятивная подделка под борьбу за народные интересы. На самом деле расизм — это инструмент для манипулирования народом в карьеристских целях узкой реакционной группы.

Шабаш в нашем писательском доме мы закономерно связываем с антисемитским настроем последнего пленума СП РСФСР, который, в свою очередь, был синхронизирован со сборищем такого же сорта, организованным «Памятью» на Красной площади. Эта и другие взаимосвязанные акции в Москве и Ленинграде подкрепляются постоянной идеологической артподготовкой в ряде статей с явным расистским привкусом, публикуемых в «Молодой гвардии», «Нашем современнике», «Лит. России», «Ленинградской правде», «Московском литераторе» и других изданиях. Нас горестно поражает позиция некоторых известных писателей, состоящих членами редколлегий этих изданий. Порой они не только пассивно позволяют использовать свои имена, но и открыто поддерживают расистские тенденции. Переход на реакционные позиции обычно кончается творческим бесплодием: присоединение к расизму не породило еще ни одного великого писателя, а вот дискредитировало — многих.

Мы с гневом и презрением осуждаем все силы национализма и шовинизма, включая антисемитизм. В предыдущем заявлении «Апреля» по национальному вопросу уже было сказано: «Единого фронта русского шовинизма не будет». Сейчас в этой накалившейся обстановке мы говорим так: «Есть и будет единый неколебимый фронт против шовинизма, против любого насилия, каким бы национальным флагом оно ни прикрывалось». Мы призываем сомкнуться в этом едином фронте всех граждан нашей страны, рабочий класс, не утративший чувства пролетарской солидарности, интеллигенцию, не забывшую свое гуманистическое предназначение.

К нашей совести взывают жертвы резни в Баку, Сумгаите, Фергане, азербайджанские беженцы из Армении и армянские беженцы из Азербайджана, жители Нагорного Карабаха, где днем и ночью гремят выстрелы, мирные немцы Поволжья, неизвестно почему расплачивающиеся за преступления фашизма, крымские татары, возвращающиеся на землю предков, где по-воровски поджигают их палаточные городки. Нестерпимо больно видеть бездомность турок-месхетинцев, трагические конфликты в Тбилиси, Южной Осетии, Абхазии, приведшие к невосполнимым человеческим потерям.

Имперское мышление нам должно быть чуждо, ибо закон истории однозначен: все империи в конце концов разваливаются. Но мы не за развал межнациональных и человеческих взаимоотношений, а за свободный союз свободных суверенных народов. Мы должны защитить и право прибалтийских народов на суверенный путь развития, и право русских людей и людей любой другой национальности, живущих в Прибалтике, не терять уверенности в завтрашнем дне. Мы против насильно захватываемого права считать только одну точку зрения истиной в последней инстанции, ибо это своего рода идеологический расизм. Мы против того, чтобы только одна религия считала себя представительницей Бога и призывала к войне против других религий и верующих, ибо это — религиозный расизм. Хватит огня и крови! Хватит недоверия, взаимных претензий, упреков, доходящих до тупикового взаимоозлобления.

Хватит национального эгоизма, хватит любой национальной «местечковости»!

Давайте взглянем в глаза друг другу. Разве у нас не общие беды? Разве ум и совесть определяются только анализом крови?

Мы с горечью и болью видим вокруг себя расизм — не импортированный, а самодельный, «самостроковый», отечественный.

Неужели мы дойдем до нового гигантского самогеноцида — до гражданской войны? Ведь, может быть, никто больше нас не знает, что гражданская война — это прежде всего братоубийство.

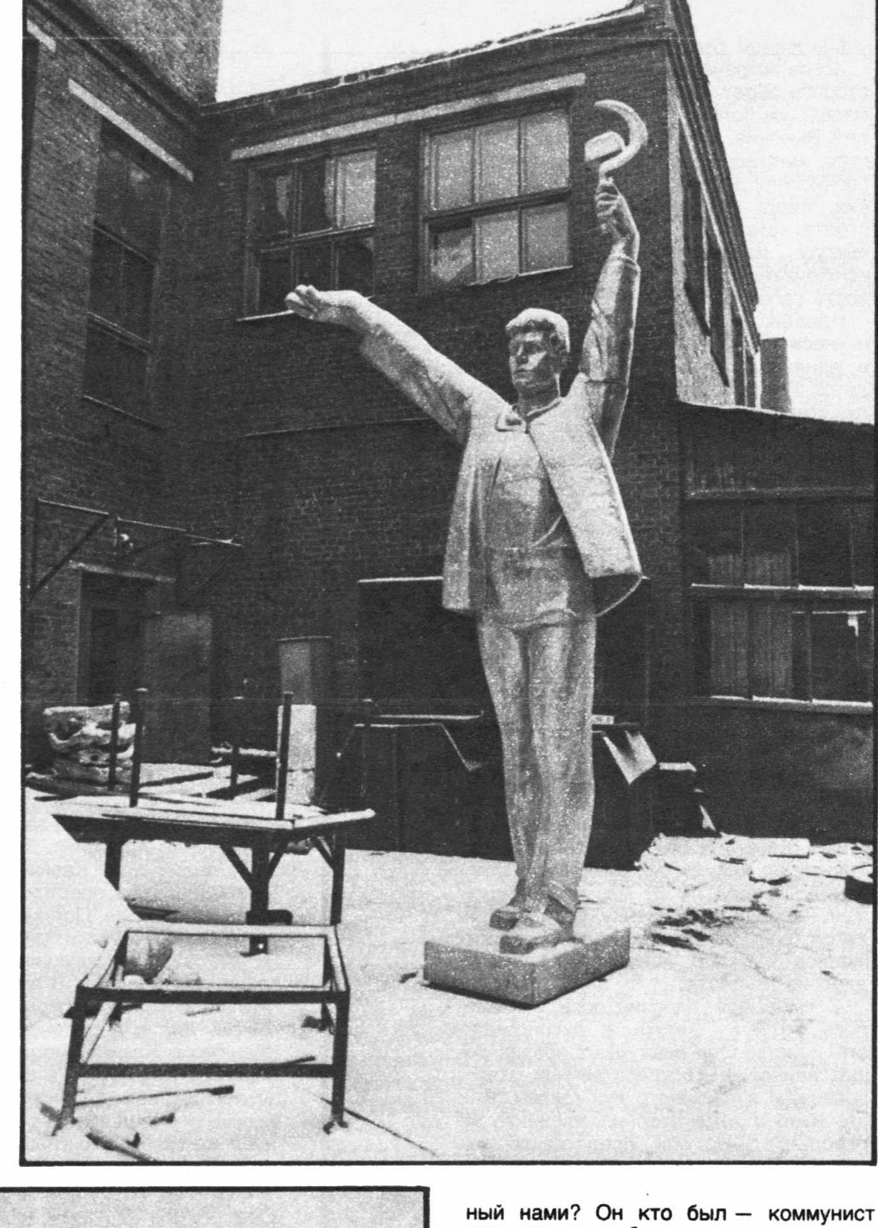
Мы верим в духовный потенциал каждого в отдельности народа нашей страны и всех ее народов вместе. Мы — за демократический плюрализм, но не за потворство фашизму. Иного имени нет для пропаганды ненависти к другим народам. Мы требуем, чтобы наше правительство наконец-то начало применять всю силу закона против погромщиков, пытающихся использовать демократию только для того, чтобы ее задушить.

Движение писателей
в поддержку перестройки «Апрель»

Принято на общем собрании 18 января.

ВИРУС ПЕРЕСТРОЙКИ

ПРОШУ СЛОВА!

Политическая иммунная система братских стран испытывает дефицит такой степени, что спастись от заражения можно, лишь натянув на каждого гражданина и гражданку непроницаемый колпак. Сделать это, однако, не удастся. У нас и на мелкие изделия мощностей не хватает.

Как ни теоретизируй, но и социалистический и капиталистический мир движется к одной и той же цели, в сторону оптимальной организации. Уж на что жестоким и беспощадным проявил себя промышленный капитал на заре своего развития, все греб под себя, а ведь его усмирили и во многих странах направили в разумное, человечное русло. Мы пытались достичь идеалов социальной справедливости своим радикальным путем, другие народы поступили иначе, и нельзя сказать, что они сильно прогадали.

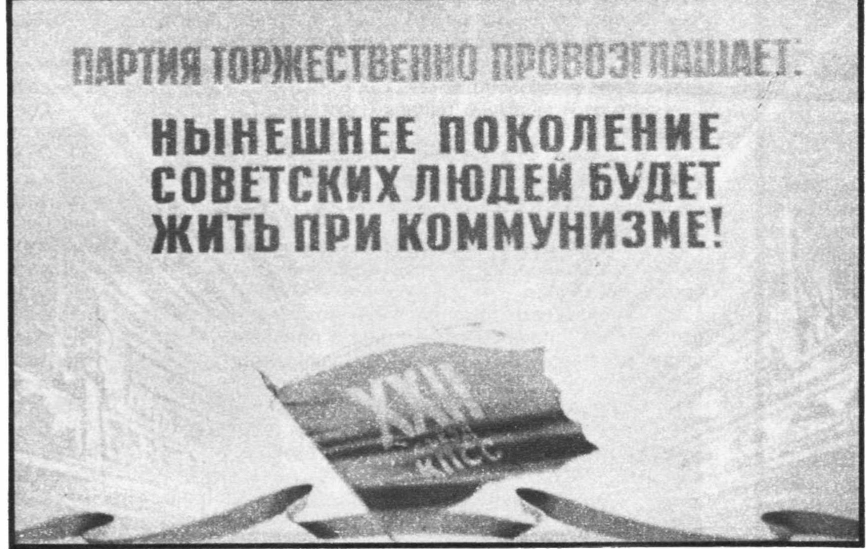
Мы нищие, а они богатые, и они нас боятся.

А как не бояться, если мы сами себя боимся. На наших глазах разрастается взаимная ненависть в братской семье народов. Из текста Гимна следует: свободные советские республики сплотила навеки великая Русь. То есть можно выйти из состава Союза («свободные»), но нельзя («сплотила навеки»).

Советский человек — человек без собственности, человек, которому государство ежемесячно выдает пособие. Может дать, а может не дать. Других средств к существованию у него нет, и самое обидное для него узнать, что кому-то досталось больше. Именно здесь можно отыскать истоки межнациональных конфликтов: сказывается наше общее неблагополучие, неустроенность, необеспеченность. Одни думают, что все захапали евреи, другие — турки-месхетинцы, третьи — армяне. Думают так и о русских.

Мы коллективисты: один как все, а всем до лампочки. Не соотносим, не сравниваем. Мы говорим «Ленин», подразумеваем «Партия», мы говорим «Партия», подразумеваем «Государство», мы говорим «Государство», подразумеваем все, что нами командует, запрещает, назначает, сажает, постановляет и чему мы готовы безоговорочно подчиняться.

Ругаем административно-командную систему и не замечаем, о ком идет речь. Ни у кого не повернется язык сказать, что каждый коммунист бюрократ, но кто возразит, что почти каждый бюрократ — коммунист. Конечно, не все, кто в партии,— начальники, но они тот резерв, из которого набираются начальники.

Противопоставляют социализм и капитализм. Говорят радикалам-демократам: «Вы нас призываете к капитализму, господа!» Но «социализмом» и «капитализмом» сейчас мало что объяснишь.

Ныне противостоят друг другу догма и здравый смысл, демагогия и реальность, алчная жажда власти и бескорыстная жажда справедливости. Мы все ненавидим строй, который ненавидели и Маркс, и Ленин. Мы все ненавидим эксплуататоров и не хотим быть эксплуатируемыми. И поляки ненавидят, и венгры, и болгары, и румыны. И как ни называй общество, хоть социалистическим, хоть капиталистическим, там, где нет справедливости, справедливым строй без конца прикидываться не может.

О каком коммунизме может идти речь, если именно нацеленность на коммунизм и остервенелое движение к нему привело к «русскому чуду», не объяснимому ни войной, ни саранчой, ни засухой, а исключительно бездарностью и упрямством руководства — сама богатая природой и пространством страна на наших глазах становится самой не приспособленной к жизни и человека, и зверя. Родину загубим, зато принципами не поступимся?

С какой убийственной закономерностью, не допускающей исключений, обнаружилось, что во главе недавно павших режимов в Восточной Европе стояли отъявленные казнокрады. И чем более несгибаемым в защите идеологических догматов заявлял о себе лидер, тем безобразнее были его деяния. Что с того, что Чаушеску назывался коммунистом и носил орден Ленина, врученный нами? Он кто был — коммунист или капиталист?..

Сталинизм — это безудержное упрощенчество. Мы жили в мире простейших и, по существу, бандитских установлений:

Богатые и бедные — поделить поровну!

Крестьяне не желают продавать городу хлеб — отнять!

Инакомыслие — запретить!

Оппозиция — уничтожить!

Низкая производительность — работать сверхурочно!

За границей живут лучше — нечего ездить за границу!

Унылая бездарность беззакония. На улице и в очередях иногда слышишь: «Надо расстрелять, чтоб другим неповадно было!» И не потому говорят, что жестоки сердцем, хотя и такое есть, а потому, что нам и представить невозможно, что имеются иные способы исправить жизнь, воздействовать на людей. В право не верим, в закон не верим, в суд не верим, да и не знаем толком, что это такое.

Мы поражаемся нескончаемой улыбчивости американцев и прочих из «вражеского лагеря». Стоит заговорить с ними, с «врагами», встретиться взглядом, и сразу, как вспышка — улыбка! Смотрят и улыбаются, говорят и улыбаются, будто они ужасно рады тебя видеть. Аж зло берет!

Они живут по правилам, которые для себя установили и которых придерживаются. Вот американец приходит в магазин. Он знает, что все будет по правилам. Встретят с улыбкой, пожелают доброго здоровья, поинтересуются, чего он хочет, принесут то самое и еще чего-нибудь на выбор, упакуют, если надо, доставят на дом и поблагодарят за покупку. У них так принято.

И вот я прихожу в московский магазин. Какие правила, какие улыбки, если очередь от угла, а у прилавка «штурм Зимнего»?

Мы живем без правил.

Когда встречаешь честного человека, оторопь берет. Смотришь на него и думаешь: уж больно честный, не аферист ли? Высокие, благородные умы утопистов, мечтавших о всеобщем счастье, расчистили дорогу действиям умов низких, легко приспособляющихся к обстоятельствам и умеющих извлекать выгоду из условий, рассчитанных исключительно на честь и совестливость своих сограждан.

Идеалисты стремятся ввысь. Их туда и уносит. В конце концов они сгорают в манящем пламени несбыточных надежд. А те, что в путь икаров провожали, ставят им повсюду памятники, славят их, поют гимны и в этом громе и блеске потихоньку строят свое зазаборное благополучие. А народу вместо многократно обещанного коммунизма подсовывают нечто коммунальное, незрелое и недоразвитое. И убеждают, что это — оно самое, за что боролись.

Говорят, что сегодня в обществе нет реальной политической силы, кроме партии. Но как может появиться новая сила, если всеподавляющая роль старой силы узаконена в Конституции? Всего несколько лет тому назад носители радикальных демократических идей были изгоями, оригиналами. Мы им сочувствовали, но, по правде говоря, тоже считали сумасшедшими, и то, что некоторые из них попадали в психушки, казалось не то чтобы справедливым, но как бы не лишенным основания. Потому что не мог же нормальный человек в одиночку идти против такой громады, как наше самое вооруженное и самое однопартийное государство на свете.

А ныне все опрокинулось, поменялось местами. Теперь в диссидентах сталинисты. Они выступают против общественной и государственной точки зрения, и я снимаю о них фильм. Как это ново и замечательно, их никто не преследует! Но они, представьте, нисколько не удивлены. Подумаешь, их и при Сталине никто не преследовал. Они и тогда вовсю превозносили Сталина, никто не запрещал!

Это особая порода людей, выведенная путем долгой селекции. Они не могут жить вне силового, остронаправленного идеологического поля: они дрожат, дергаются, словно стрелка компаса, пока к нему не поднесут магнит. Им нужны Хозяин, Единая Воля, Всепроникающая Власть. Перестройка для них — страшный сон, а демократия, подобно СПИДу, смертельна...

Скоро у нас воцарится свобода, и право голоса получат не только сторонники, но и противники гласности и демократии. А иначе какая же это свобода? Пусть убеждают, но не принуждают. Меньшевики-сталинисты, конечно же, немедленно захотят строить коммунизм, и в нашей демократической стране никто не станет им мешать. Пусть строят. В отдельно взятом городе или в отдельно взятой области. Пусть приглашают туда всех желающих. Будут у них свои парткомы, райкомы, стахановцы, партийное кино и партийная литература, инструкторы по сельскому хозяйству; пайки, низкая зарплата и высокие обязательства, продовольственная программа, пятилетки в четыре года, лозунги и портреты, Доска почета... Но, повторяю, только для добровольцев! Есть же люди, кому это нравится. Там они смогут запретить чуждый иностранный плюрализм. Объявят дружбу народов обязательной к исполнению. Накажут депутатам, чтобы те не нарушали исторической традиции и голосовали единогласно. Всю власть передадут Советам, а Советы — кому следует. Перекроют границы и запишут в Конституции, что граждане должны считать себя довольными и счастливыми, что это их священная патриотическая обязанность наряду с воинской.

Я туда жить не поеду.

Тофик ШАХВЕРДИЕВ,
кинорежиссер

Шила угомонилась и сидела молча, выставив локоть в открытое окно. Впервые за долгие месяцы она очутилась в машине, в которой ничего не дребезжало и чувствовалась скрытая сила.

— Почему ты не поменяешь тачку? Неужели тебе не могут выдать что-нибудь получше нашей гнилой рухляди?

— Придержи язык за зубами.— Том протянул руку и включил приемник. Только бы не слышать ее.

«...ограбление Казино вчера ночью. Четверо из разыскиваемых преступников погибли, однако пятый пока на свободе. Полиции крайне необходимо допросить Сержа Мейски, он же Франклин Людович. Его приметы... По имеющимся данным, ездит на двухдверном «бьюике». В его распоряжении может находиться большая картонная коробка с надписью Ай-би-эм. Два с половиной миллиона долларов, похищенные в Казино, могут оказаться в этой коробке. Просьба ко всем, кто знает местонахождение этого человека, немедленно сообщить в полицию...»

«Бьюик» вильнул, и водитель, который в это время шел на обгон, засигналил и обругал Тома.

— Ты что делаешь? — возмутилась Шила.— Чуть не врезались.

— Закройся! — процедил Том, стараясь взять себя в руки. Ему вспомнилась большая коробка в багажнике. Перед глазами встала надпись «Ай-би-эм»! Два с половиной миллиона!

— Что это ты, точно лягушку проглотил? — спросила Шила.

— Я думаю, эта машина принадлежит тем, кто ограбил Казино,— сдавленно проговорил Том.— Деньги в багажнике!

— Ты спятил?

— В багажнике лежит коробка, и на ней написано «Ай-би-эм»! Наверное, поэтому машину и спрятали,— продолжал Том.

Шилу охватило лихорадочное возбуждение. Ей вспомнились слова диктора: «Два с половиной миллиона долларов, похищенные в Казино, могут оказаться в этой коробке».

— Едем домой и там посмотрим,— сказала она.

— Лучше поедем в полицию.

— Едем домой! Если деньги в багажнике, за них назначат выкуп...

Том хотел возразить, но Шила высунулась в окно.

— Впереди пост. Въезд свободный. Проверяют выезжающих.

Том глубоко и судорожно вздохнул.

— Надо им сказать.

— Умолкни! Сначала убедимся, что деньги в багажнике.

Том уже приближался к посту. Он увидел постового Фреда О'Тула. Они часто ходили вместе в бар играть на бильярде.

О'Тул улыбнулся Тому, пропуская его вперед.

— Обзавелся новой тачкой, да? Хорошо отдохнули?

Бледный Том натянуто улыбнулся в ответ и кивнул.

— Надо было остановиться и рассказать,— вымолвил он, набирая скорость.

— Неужели ты такая размазня? — разгорячилась Шила.— Ведь наверняка назначат большое вознаграждение.

— Может, там и нет никаких денег,— проговорил Том. Два с половиной миллиона! У него даже во рту пересохло.

Остаток пути они провели в молчании. Они приехали как раз вовремя. Хозяева коттеджей и бунгало уже на работе, а хозяйкам идти за покупками еще рано. Но, остановившись возле дома, Том увидел своего любопытного соседа Гарри Дилана.

— Везет как утопленникам! — буркнул Том.

Шила вылезла из машины, чтобы открыть гараж.

— С приездом, миссис Уайтсайд,— окликнул ее Дилан и перекрыл воду в шланге.— Рад вас видеть. Хорошо отдохнули?

Гарри Дилан был маленького роста, толстенький и лысоватый. Всю жизнь он прослужил в банке и теперь ушел на покой. Ему всегда хотелось подружиться с Уайтсайдами, но те считали его занудой, причем Том подозревал, что Дилан неравнодушен к Шиле.

— Спасибо, мистер Дилан, прекрасно,— ответила Шила и побежала к гаражу.

— Я вижу, у вас новая машина, мистер Уайтсайд. Не то что ваша прежняя. Когда это вы купили?

— Это не наша,— объяснила Шила.— Наша сломалась. Вот и пришлось одолжить, чтобы добраться до дома.

— Сломалась! Плохо дело. Где же вы были?

— Да везде,— затороплилась она, заметив, что Том закрывает гараж.— Извините... нам нужно распаковать багаж.

— До чего мне надоел этот тип! — разозлился Том.

— Ладно, открывай. Давай посмотрим.

Том повернул отмычку в замке и поднял крышку багажника. Шила нагнулась в багажник и ухватилась за коробку.

— Деньги там! Я не могу сдвинуть ее с места!

Тома затрясло:

— Ох, не оберешься неприятностей...

Он взялся с другой стороны, и они вместе выдвинули коробку из глубины багажника. Только она приоткрыла ее, как в гараж постучали.

— Кто там? — спросила Шила, ни жива ни мертва.

Они медленно подошли к воротам, и Том приоткрыл одну створку. Перед ними стоял улыбающийся Дилан.

— Извините за беспокойство, мистер Уайтсайд, но пока вас не было, заходили газовщик и электрик. Я счел своим соседским долгом уплатить по счетам.

Том едва сдержался. Он скорчил подобие улыбки.

— Сперва мы распакуем вещи... большое спасибо. Я зайду, как только все встанет на свои места, не возражаете?

— Милости просим, и жену приводите. Я открою бутылочку виски. Хотите, я помогу носить вещи?

— Спасибо, не нужно. Ну, так через два часа, мистер Дилан,— ответил Том и наглухо затворил вход. Бормоча проклятия, он прислонился к воротам.— Этот старикашка дождется, что я его прибью!

— Том!

Он подошел к ней, когда она открыла коробку. У обоих захватило дух при виде пачек из пятисотдолларовых купюр.

— Ты только погляди!— прошептала Шила.— Господи!

Том дрожащей рукой взял одну из пачек и тут же выронил.

— За это можно получить по двадцать лет! Лучше позвонить в полицию!

Шила схватила ту пачку, что он выронил, и трясущимися пальцами пересчитала деньги.

— Здесь десять тысяч долларов... десять тысяч! — У нее вдруг сделалось каменное лицо, она бросила деньги в коробку и в упор посмотрела на Тома.— Тупица! Черт побери!.. Ты же оставил на машине наш адрес! Тот человек может найти машину и узнает, что деньги у нас! Боже, до чего же ты глуп!

— Мы сдадим деньги в полицию.

— Нет, мы не сдадим деньги в полицию. Если сдать деньги в полицию, то они сами хапнут вознаграждение! Помоги перенести деньги в дом! — тихим и страшным голосом проговорила она.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—5.

Ее ярость напугала Тома. Ворчливый, но покорный, он с трудом выгрузил коробку из машины. Они вместе перетащили ее в гостиную и с облегчением бросили на потертый ковер. Шила подбежала к окну и опустила штору.

— Пошли! Купим насос и поедем назад.

Он поймал ее за руку и с силой рванул к себе.

— Что ты задумала? Что все это значит?

Шила стояла бледная, с лихорадочным блеском в глазах.

— Теперь мой черед командовать! Будешь делать то, что я тебе велю! Два с половиной миллиона! Они в наших руках! Никто про это не знает. Так вот, слушай... мы оставим их себе!

Мейски смотрел, как «бьюик» выезжает из-под навеса, разворачивается и выруливает к проселку. Два с половиной миллиона! Уплыли из рук после всех трудов!

Он собрался с силами и сел. Они, должно быть, приехали на машине... Где же она?

Он раздвинул ветви, которые скрывали вход в пещеру, и стал медленно спускаться.

Наконец Мейски выбрался на поляну. Он огляделся вокруг, потом дошел до проселка. Там, под деревьями, стоял запыленный автомобильчик, а на лобовом стекле под щеткой белел листок бумаги. Он приблизился к машине, взял листок и прочитал записку Тома.

Мейски закрыл глаза и прислонился к машине. Так вот в чем дело. У них случилась поломка, и они одолжили «бьюик», но собираются вернуть его! Коли повезет, они не заглянут в багажник.

Нетвердой рукой он переписал адрес Уайтсайда на обратную сторону старого счета, который завалялся у него в кармане. Потом той же щеткой опять прижал записку Тома к лобовому стеклу.

Теперь оставалось только надеяться. Они не похожи на мошенников. Вернут его машину, починят свою, и поминай как звали... если повезет. Мейски нахмурил брови, его изворотливый ум насторожился. А не удивит ли их, что машина спрятана на поляне? Не донесут ли они о своей находке в полицию? Стараясь двигаться как можно осторожнее, он пошел обратно в пещеру.

Постовой Фред О'Тул посмотрел на часы. Через десять минут его должны были сменить. И то сказать: пора!

Показалась очередная машина, и О'Тул поднял руку.

«Бьюик» остановился, и из окна высунулся Том Уайтсайд. Он был бледен, несмотря на загар, и улыбался через силу.

— Привет, Фред.

— Ах, это ты...— удивился О'Тул.— Ты ведь поехал домой...

— Да... надо вот машину вернуть,— сказал Том.

— Здравствуйте, мистер О'Тул,— весело поздоровалась Шила и одарила его чувственной улыбкой.— Как вам мой загар?

О'Тул всегда считал ее соблазнительной бабенкой.

— У вас очень аппетитный вид, миссис Уайтсайд.

О'Тул оглядел машину. Он помнил, что в розыске двухдверный «бьюик».

— Новенькой обзавелся? — спросил он Тома.

— Нет. Мой рыдван сломался. Пришлось одолжить эту. А почему такая суматоха?

— Суматоха? Ты что, газет не читаешь? Из Казино украли два с половиной миллиона.

— Неужели? — Шила выпятила бюст в направлении О'Тула.— Вот это да! Два с половиной миллиона... ух ты!

О'Тул посмотрел на нее. Повезло Уайтсайду, что и говорить.

— Придется осмотреть машину, Том,— сказал он.

— Валяй.— Том протянул ему ключ.— Сейчас верну эту машину и заберу свою старушку.

О'Тул проверил багажник и вернул ключ Тому.

— А у кого ты ее одолжил?

— Да у одного мужика... нашего клиента,— ответил Том, отирая пот со лба.

О'Тул сунул голову в салон и поглядел на лицензионную карточку. Потом отступил назад и записал в блокнот: Франклин Людович, Мон-Репо, Песчаная аллея, Парадиз-Сити.

— Ладно, поезжай. Я через пять минут сдаю пост. О-хо-хо!

— Еще бы. Увидимся,— махнул ему рукой Том.

— Фу-у! — с облегчением выдохнула Шила.

Том молчал. Он думал про стоящую у них в гостиной коробку, набитую такой кучей денег, какую он и вообразить себе не мог.

Наверняка, подумал он, за них причитается крупное вознаграждение. Казино ведь застраховано. Только надо было сразу пойти в полицию. Как он объяснит задержку? Ему стало не по себе.

— А ведь они могут нас подстеречь,— произнес он.

— Они? Там же только один... ему за шестьдесят, щуплый. Сам же слышал по радио,— презрительно скривилась Шила.

А Тому действительно стало страшно.

— Этот человек... вдруг у него пистолет?

— Ну и что? Ну, пистолет... а у нас два с половиной миллиона! Если ты не можешь с ним сладить, то я сделаю это запросто!

Том покачал головой.

— Какая смелая! Все-таки я считаю, нужно пойти в полицию.

— Господи боже мой! Никакой полиции!

Они подъехали к своей машине. Том вылез из «бьюика».

Записка, которую он оставил, была на прежнем месте. Он выдернул ее из-под щетки и сунул в карман. «Хорошо,— немного успокоился он,— хоть в чем-то повезло».

Вернувшись к «бьюику», он достал новый масляный насос, который захватил по дороге в мастерской «Дженерал моторз», и занялся его установкой. Вскоре, потарахтев и поурчав, машина уехала.

Мейски собрался с силами и спустился к «бьюику». Ему с трудом удалось вставить ключ в замок багажника — так дрожала рука. Он поднял крышку и обмер. В порыве бешенства он плюнул в пустой багажник.

Все-таки они нашли коробку!

Том загнал машину в гараж и заглушил двигатель. Они торопливо прошли через кухню в гостиную. Постояли, глядя на коробку, потом Шила открыла ее.

— Вот не думала, что когда-нибудь в жизни увижу столько денег,— проговорила она сипловатым от волнения голосом.

Том упал в кресло. Его знобило и трясло от страха.

— Их нельзя брать себе. Нужно сообщить в полицию.

— А мы возьмем... все до последнего доллара.— Она подошла к бару, плеснула в два стакана по внушительной порции виски.

Том выпил виски залпом. Спиртное подействовало. Настроение улучшилось, и появилась какая-то бесшабашность.

— Никто не знает, что деньги у нас,— сказала Шила.— Это подарок судьбы. Мы не откажемся от него.

Том почувствовал, как внутри у него разливается тепло.

— Ладно... допустим, у нас хватит глупости взять деньги, да? А тратить-то их нельзя. Ведь каждой собаке в нашем городе известно, что мы вечно сидим без гроша. Ну и как тут быть?

Шила сосредоточенно поглядела на него, отметив про себя, что теперь он на верном пути.

— Ждать. Через несколько месяцев их можно будет без всякого риска вывезти отсюда. Не на век же перекрыли дороги. Когда шумиха уляжется, мы и рванем.

— Ну? А сейчас-то куда эту чертову коробку девать? Здесь, что ли, оставить?

— Нет, мы ее закопаем. Под кухонным окном...

— Ты соображаешь, что можно загреметь на двадцать лет?

— А ты соображаешь, что у нас два с половиной миллиона?

Том знал, что поступает дурно, но даже муки совести не могли перетянуть соблазна прибрать к рукам такое богатство.

— Ладно. Ты сама лезешь в омут. Сейчас что делать с коробкой?

— Давай поставим ее в свободной спальне. И накроем стеганым покрывалом.

— Тебе нельзя будет отлучаться. Это ты понимаешь?

— Сторожить кучу денег — не такой уж каторжный труд.

Он помолчал в нерешительности и сдался.

Они перетащили коробку в спальню и придвинули к стене. Шила сняла с кровати покрывало и набросила на коробку.

— Ступай. Не забудь принести что-нибудь к ужину.

На Тома вдруг нахлынуло страстное желание.

— Если уж мы в этом заодно,— произнес он нетвердым и хрипловатым голосом,— давай будем заодно во всем.

Она угадала в его взгляде отчаянное желание и в который раз убедилась в своей полной власти над ним.

— Ну, ладно... будь по-твоему...

Когда Том ушел, она приняла душ. Потом, голая, вернулась в спальню, откинула с коробки покрывало и, присев на корточки, долго перебирала деньги.

Вот, думала она, где сила... ключ к той двери, за которой таится мир ее мечты. Перво-наперво она купит норковую шубку, после — бриллиантовое колье, а уж там — все, что приглянется. Она вообразила дом о шести спальнях с отдельными ванными комнатами, с просторным холлом, с большим садом и с китайской прислугой. Потом ей представился темно-бордовый автомобиль марки «бентли» и шофер-японец в темно-бордовой форме.

Шила выпрямилась, огладив свое тело длинными пальцами, приподняла груди, вздохнула и начала одеваться.

Настанет день, когда Тому придется указать на дверь. В нем нет размаха... решительности. Она наметила себе темноволосого, рослого, сильного, тако-

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА.

го, чтобы его уважали метрдотели и чтобы знал, как позаботиться о женщине.

Не в силах устоять перед искушением, она вынула из коробки три пятисотенных бумажки, заткнула за чулок. До чего приятно было ощущать кожей такую кругленькую сумму.

Она открыла платяной шкаф и с пренебрежением оглядела его содержимое. Господи! Какая убогая куча тряпья!

Накрасившись и причесавшись, Шила перешла в гостиную. Она посмотрела на свои дешевые ручные часики. Половина двенадцатого. Шила нахмурилась: она вдруг ясно представила, что отныне будет сидеть в четырех стенах. Денег — куры не клюют, а... сколько времени уйдет впустую!

Она проголодалась. Сандвичи ела, вышагивая по гостиной. Ей не сиделось на месте. Она все жалела о вынужденном бездействии, а ведь уже можно было бы швырять тысячи направо и налево.

Только Шила прикончила второй сандвич, как раздался звонок в дверь. Она вздрогнула от неожиданности и замерла, а сердце заколотилось как бешеное. Она пошла к входной двери.

На пороге стоял Гарри Дилан.

— Вы, верно, забыли, что мы условились о встрече,— сказал он и помахал бутылкой «Старых роз».— Жена ушла за покупками. А я думаю, дай загляну.

Шила смерила его взглядом, помялась и решила, что на безрыбье и рак рыба.

— Что ж... заходите.

— Мистер Уайтсайд ушел на службу, да? — Дилан ощупывал ее глазами. Он облизнул губы кончиком языка.

— Да... он на работе.

Она провела его в гостиную.

Шила взглянула на поданные ей счета за газ и электричество и небрежно бросила их на стол.

— Муж заплатит.— Она твердо посмотрела Дилану в глаза.— Он никогда не оставляет мне денег.

— Наверное, все мужья одинаковы,— нервно засмеялся Дилан. Он никак не мог унять свои бесстыжие глаза.— Может, пропустим по глоточку, миссис Уайтсайд?

— Почему бы и нет?

Шила подала стаканы, содовую и лед. Все время, пока ей пришлось ходить взад-вперед, она чувствовала на себе его взгляд.

— Вы слыхали про ограбление Казино? — спросил он, щедро наполняя стаканы.— Шумное дело. Два с половиной миллиона!

— Да, по радио говорили. Что бы вы стали делать с такими деньгами, мистер Дилан?

— Не знаю... право. Я много лет прослужил в банке. И, поверьте, знаю цену деньгам. Так вот что я скажу... это чересчур крупная сумма. Обычный человек растеряется при виде таких денег.

Шила с трудом удержалась от презрительной усмешки.

— Ну, не знаю. Деньги расходятся быстро.

— Только не такая сумма. Тут голова кру́гом пойдет. К тому же там одни пятисотенные купюры. А купюра такого достоинства вызывает подозрение.

— Что же, у людей не бывает по пятьсот долларов одной бумажкой?

— Бывает, конечно, но не у многих. А банки будут теперь настороже.— Они потягивали виски, а Дилан не мог оторвать глаз от ее ног.— Так вы хорошо отдохнули?

Она не слышала его. Она думала... прикидывала, стоит ли верить на слово этому старому дураку. Пожалуй, не стоит.

— Миссис Уайтсайд... вы замечтались,— рассмеялся Дилан.— Летаете где-то далеко... вы хорошо отдохнули? Вам понравилось?

Опять он за свое? Ей вдруг сделалось невыносимо скучно.

— Да... великолепно.— Она допила виски и встала.— Ну... извините, что выгоняю, но мне нужно распаковаться. Вечером Том рассчитается с вами. Спасибо за угощение.

Дилан опомниться не успел, как Шила выставила его за дверь.

Глава 8

В двадцать минут пополуночи Том встал.

— Можно приниматься за дело,— сказал он.— Хватит ждать.

— Лучше выйди и проверь, нет ли где света.

Том открыл заднюю дверь и вышел в сад.

Стояла душная ночь. Том медленно прошел по садовой дорожке до забора, посмотрел по сторонам. Все соседние бунгало были погружены в темноту. Он поспешил к дому, а тем временем навстречу ему вышла Шила.

— Тихо?

— Да... сейчас возьму лопату. Иди к забору и поглядывай.

Выкопать яму оказалось труднее, чем он думал. Клумба пустовала, они не засадили ее, и земля слежалась.

Наконец, он вылез из ямы и оглядел ее сверху. На его взгляд, этой глубины было достаточно.

— Угрохал полтора часа на крошечную ямку! — с упреком бросила она.— Что ж ты за мужик?

— Заглохни! — разозлился Том.— Земля как камень.

Они зашли в спальню, где стояла коробка, уже обернутая полиэтиленовой пленкой, оттащили ее в сад и опустили в яму.

Спустя двадцать минут они вернулись в гостиную. Том налил себе изрядную порцию виски. Он был грязный, потный и взвинченный.

— Это психоз. Нам в жизни не истратить столько денег! Неужели недостаточно вознаграждения?

— Значит, мы психи,— ответила Шила.— Прими душ и ложись.

— А если кто-нибудь откопает коробку, пока мы спим?

— Ты что, хочешь сторожить всю ночь? Так валяй.

Он в изнеможении поглядел на нее.

— Какая-нибудь собака может...

— Да угомонись ты! — Она ушла в спальню.

Том постоял в задумчивости и отправился в душ. Горячая вода немного успокоила его. Зайдя в спальню, он успел заметить, как метнулась украдкой рука Шилы.

— Что у тебя там?

— Ничего.

— Ты брала из коробки деньги?

— Нет!

— Врешь! — Он с силой толкнул ее, и она упала спиной на кровать. Тогда он выдвинул ящик. Однако денег там не оказалось.

— Убедился, дикарь?

Он встал над ней. Тревога заглушила в нем чувственность.

— Я тебе не верю! Ты помешана на деньгах! Если потратишь хоть один из этих банкнотов, нам крышка! Понимаешь? Можешь ты уразуметь это своей тупой от жадности башкой? Нельзя трогать деньги, пока мы не переберемся в другой штат... понимаешь?

Она села, а в правой руке у нее были зажаты три припрятанных пятисотенных бумажки.

— Это я уже слышала. Не глухая. Чего ты так взбеленился? Ничего я не трогала! Ложись спать, устроил тут балаган.

Нарочито виляя бедрами, Шила прошла через всю комнату в ванную. Она хлопнула за собой дверью, постояла, прислушалась и посмотрела на три скомканных бумажки в руке. Чуть было не попалась, мелькнуло у нее. Если бы нашел, наверняка отобрал бы. Она огляделась и торопливо сунула деньги в коробку с гигиеническими салфетками, которыми Том никогда не пользовался. После этого, напевая себе под нос, приняла душ.

Том лежал в постели. Думал про бешеные деньги, зарытые в саду. Про Шилу. Что-то она припрятала. От жадности и глупости ее так и подмывает прямо сейчас кинуться по магазинам.

Шила вошла в спальню и села на кровать со своего края.

Он выключил свет. Они молча лежали в темноте. Том начал представлять, как она выглядит под простыней в своей короткой ночной сорочке. Он беспокойно заворочался.

— Эй, Казанова,— раздался ее голос.— Я узнаю симптомчики. Ты уже получил свой месячный паек. Спать.— Она повернулась к нему спиной и поджала под себя ноги.

Оба почти не спали в ту ночь.

Мейски разбудило солнце, пробившееся сквозь ветви в пещеру. Он почувствовал, что к нему вернулись силы. Недоверчиво замер. Потом медленно сел.

Мейски пожарил и с удовольствием съел яичницу с ветчиной, запив ее некрепким кофе, затем побрился и умылся водой из ведра. Из пещеры надо было уходить. Правда, он сомневался, что те двое сообщат в полицию про «бьюик». Деньги-то они взяли, так что им нет смысла поднимать шум. И все же оставаться здесь было рискованно.

Мейски задумался, куда бы ему отправиться, и вдруг губы его тронула улыбка. Он вынул из бумажника старый счет, на котором записал адрес: Том Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню, Парадиз-Сити. Куда же еще, как не поближе к деньгам?

Долгие годы преступной жизни приучили Мейски быть всегда готовым к любой неожиданности. Еще до ограбления он предугадал, что могут возникнуть обстоятельства, при которых ему понадобится исчезнуть из вида. И он приготовился загодя. Из чемодана были извлечены густой белый парик, черный сюртук, черные брюки, широкополая черная шляпа и пасторский воротничок.

Через десять минут Мейски преобразился. Маленький, щуплый, седой священник, смотревший из карманного зеркальца, не имел ничего общего с Сержем Мейски. Он нацепил очки в роговой оправе, пригладил фальшивые волосы, надел шляпу.

Затем Мейски сложил в чемодан самое необходимое и не спеша спустился по тропе к «бьюику».

— Оставь денег,— напомнила Шила.

— Хоть бы настал день, когда ты напрочь забудешь слово «деньги».— Он дал ей пятерку.— Мы на мели. Не трать попусту.

— Хоть бы настал день, когда мы не будем сидеть без гроша.

— Мне пора. Никуда не уходи. Ужин принесу.

— Не уйду.

После его ухода она снова улеглась в постель, но ей не спалось. Не давали покоя деньги, спрятанные в ванной. Наконец Шила пошла туда и вынула их из коробки с салфетками. Присев на край кровати, Шила внимательно рассмотрела каждый банкнот. На вид в них не было ничего необычного, однако, не удовлетворившись простым осмотром, она прошла в гостиную и отыскала увеличительное стекло, в которое Том иногда разглядывал мелкомасштабные карты. Она включила настольную лампу и еще раз дотошно проверила все три банкнота с помощью лупы. Нет, решила она, их не метили. Тогда почему бы не потратить их?

Шила положила деньги обратно в коробку с салфетками и опять легла в постель. Она знала в центре одно подходящее ночное заведение. Когда Том вернется, она скажет ему, что хочет прогуляться, а сама отправится туда и разменяет деньги.

Часов в одиннадцать, прочитав газету и изнывая от скуки, Шила встала и оделась. Вдруг в дверь позвонили.

Шила пошла к входной двери. При виде Гарри Дилана у нее потемнело в глазах.

— Доброе утро, миссис Уайтсайд,— бодро поздоровался он.— Ну и ну! Какие непоседы! Я вижу, вы вскопали клумбу за домом. Когда же это успели?.. Ночью?

Шила не повела бровью, хотя это стоило ей невероятных усилий. В душе она готова была растерзать нудного старикашку.

— Тома укусила какая-то муха. Силу некуда девать.

— А я-то все думал, когда же вы ее вскопаете. Хорошая клумба... и размер подходящий. У меня есть лишняя коробочка петуний.

— Большое спасибо. Том сам что-то надумал.

— А что он собирается посадить?

— Не знаю, меня это совершенно не волнует,— грубо ответила Шила.— Извините, у меня кастрюля на плите.— И захлопнула дверь.

На часах было только половина двенадцатого. Утро тянулось целую вечность. Она пошла в гостиную, плюхнулась в кресло и зарыдала. Она уже жалела, что согласилась сидеть весь день взаперти. Тому хорошо. Он на людях, ему не скучно. Но уходить нельзя... вдруг кто-нибудь... но кто? Она села прямо, нахмурилась. Деньги зарыты. С какой стати кто-то придет их выкапывать? Ерунда! Еще поразмыслив, она решила прогуляться. Хотя бы сходить в бутербродную и поесть.

Шила прошла в спальню и переобулась. В тот миг, как она доставала из шкафа жакет, раздался звонок в дверь.

«Если это опять Дилан, я его прибью!» — подумала она, гневно прошагала по коридору и распахнула дверь.

На пороге стоял низенький, хлипкий священник. Он держал в руке потрепанный чемодан и смотрел на нее добрыми серыми глазами сквозь очки в роговой оправе.

— Миссис Уайтсайд?

— Да, но я занята,— неприветливо ответила Шила.— Извините, мы не жертвуем на церковь.

— Я пришел по поводу денег. Тех, что вы украли.

Шила почувствовала, как кровь отлила у нее от головы.

Он с язвительной усмешкой следил за выражением ее лица.

— Простите, что огорчил вас.— Он шагнул вперед, оттеснив Шилу в коридор. Потом притворил и запер входную дверь.

Шила взяла себя в руки.

— Убирайтесь вон, или я позову полицию,— сказала она.

— Напрасно. Тогда деньги не достанутся никому из нас. А ведь там хватит и мне, и вам...— Он вошел, поставил чемодан на пол. Затем снял шляпу и направился к креслу, поморщившись при виде переполненных окурками пепельниц, грязных стаканов и пыльной мебели.— Я присяду, не возражаете? Что-то неважно себя чувствую в последнее время... много хлопот.

Она стояла в дверях, смотрела на него и гадала, как ей быть. Должно быть, это пятый грабитель, которого разыскивает полиция, но в таком странном наряде! Священник!

— Нечего рассиживаться,— сказала она, стараясь придать голосу твердость.— Не знаю я ни про какие деньги... все, убирайтесь!

— Пожалуйста, не глупите. Я видел, как вы с мужем взяли мою машину. Деньги лежали в багажнике. Я не виню вас. Что вы с ними сделали?

— Их здесь нет. Я... я не знаю, о чем вы говорите.

Мейски поглядел ей в лицо. Шила беспокойно поежилась.

— Миссис Уайтсайд, сейчас я в роли доброго, безобидного священника.— Он помолчал, потом наклонился вперед, и лицо его в мгновение ока исказилось гримасой бешеной, испепеляющей ярости.— Тебе же будет лучше, если я им и останусь, дрянь вонючая, иначе так тебя проучу, что своих не узнаешь.

Он откинулся на спинку кресла, и лицо его столь же внезапно подобрело и расплылось в улыбке.

— Присядьте, моя милая.

Шила покорно села напротив. Страх парализовал ее.

— Как вас зовут? — ласково спросил он.

— Шила,— нехотя ответила она.

— Красивое имя... Однако мы говорили о деньгах. Где они?

Она вспомнила про комья свежей земли на садовой дорожке. Стоит ему выглянуть в кухонное окно, и он обо всем догадается.

— Мы зарыли их ночью в саду,— процедила она.

— Пожалуй, я поступил бы точно так же.— Он окинул ее взглядом, задержавшись на стройных ногах.— Вы или ваш муж ничего не оставили себе на мелкие расходы?

— Нет.

— Весьма разумно.— Он оглядел гостиную и поморщился.— Поскольку я намерен прожить здесь около месяца, должен просить вас, моя милая, сделать в доме уборку. Я привык к чистоте.

Шила побагровела. Он задел ее больное место, и, позабыв о страхе, она выпалила:

— Вы здесь не останетесь. Я вышвырну вас вон!

Его змеиные глазки тотчас похолодели. Он опустил свою похожую на клешню руку в карман, вынул небольшой пистолетик и навел его на Шилу. Та вжалась в стул.— Тогда, моя милая, придется проучить вас. Этот пистолетик заряжен концентрированной кислотой. Кожа с вашего личика слезет, как с апельсина. Глядите...— Он прицелился ей в ноги и нажал курок.

У ног Шилы возникло белое облачко. Когда оно рассеялось, она с ужасом заметила, что кислота прожгла в ковре дырочку.

— Здорово, правда? Советую впредь содержать дом в чистоте.

Она уставилась на него — беспомощная и взбешенная. «Ладно же, сейчас твоя взяла, но я с тобой посчитаюсь»,— подумала Шила.

— Хорошо,— сказала она вслух.

Мейски сунул пистолет в карман.

— За мной охотится полиция. Ваш дом — самое подходящее убежище. Но у вас есть друзья. Их удивит, что у вас живет священник. Придется найти повод, по которому я оказался здесь. Ваша мать умерла?

— Да.

— Она здесь умерла?

— Нет... в Новом Орлеане.

— Так, а что, если я буду священником, который проводил ее в последний путь? Я приезжаю сюда... вы вспоминаете свою дорогую матушку... любезно предлагаете мне остановиться у вас... я принимаю приглашение. Чего проще?

— Если считаете, что это пройдет...

— Значит, на том и порешим.— Мейски взглянул на часы.— Почти двенадцать. Я голоден. Как у вас с едой?

— Шаром покати.

Он посмотрел на нее, склонив голову чуть набок.

— У меня было предчувствие, что вы так и ответите. Ну, тогда сходите и купите что-нибудь. Добрый кусок вырезки, зеленый салат и картофель «фри» меня вполне устроят.

— Я не умею готовить,— мрачно изрекла Шила.

— И это меня не удивляет, однако я умею готовить. Ступайте и купите продукты.

Шила удалилась в спальню. Постояла, вошла в ванную и заперлась там. Достала из коробки с салфетками три пятисотенных и заткнула их за чулок. Потом спустила воду, отперла дверь, вышла в спальню и надела жакет.

Выйдя из спальни, она увидела в коридоре Мейски.

— Долго не ходите, моя милая. Я голоден.

— Мне нужны деньги. У меня только пять долларов.

Он вытащил из кармана пухлый бумажник и выдал Шиле десятку.

— Добрый кусок вырезки... самый лучший... понятно?

Она прошмыгнула мимо него, вышла из дома и зашагала к калитке.

Перевел с английского А. ЛЕЩИНСКИЙ.

Окончание следует.

Ареал обитания российской Музы в целом совпадает с очертанием государственной границы, но, как известно, простирается много дальше. Это «дальше», к счастью, сейчас представляют на своих страницах все без исключения издания. Никто не хочет выглядеть ретроградом в отношении эмигрантской литературы.

А что же «ближе»? Какие стихи пишутся нынче молодыми, к примеру, на Урале? Осведомлен ли об этом читатель, уже искушенный, уже разбирающийся по крайней мере в общих чертах в исторических и эстетических различиях между московской и ленинградской школами.

В целях такого вот «сближения» с теми, кто «ближе» (а первая попытка уже была предпринята «Огоньком» в № 1 этого года в коллективной подборке поэтов, живущих в провинции,— «Волокна»), мы знакомим нашего читателя с авторами пермского литературно-художественного ежемесячника «Дети Стронция».

Заслуживающая всяческой поддержки инициатива «Детей Стронция» встретила препятствие со стороны строгих «отцов». Может быть, они обиделись на приведенную детьми классификацию — «отцы нации», «отцы соцреализма», «отцы атомной бомбы» и т. д.? Отцы города решили, что дети чересчур увлеклись и что двух выпущенных номеров вполне достаточно. Пора отобрать шумную игрушку. Но, слава Богу, и третий номер, с некоторым опозданием, правда, что называется, «не по вине редакции», но увидел свет.

Лепту в эту победу внес, вероятно, каждый. Но лидирующая роль все же принадлежит Юрию Беликову, чьи стихи должны быть знакомы читательской аудитории (книжка в московском издательстве, многочисленные журнальные публикации), да и в «Детях Стронция» он большой человек — редактор. А у Асланьяна, Перевалова и Демидова, надеемся, все впереди.

Хочется пожелать «Детям Стронция» удачи и мужества на родной земле.

Юрий БЕЛИКОВ

ЗАПАХ ФЛОРЕНЦИИ

Чусовой — это совы на сучьях сосновых
над часовенкой совести в частых засовах —
вот Флоренция, Данте, моя.
Здесь на чьем-то слуху
лишь мои псевдонимы,
те, что местной печатью усердно ценимы,
но писал эту кривду не я.

Ах, Великая Пермь, та хотя бы косится,
озирается в скрытой опаске столица,
неотступно мигает Литва,
только град, во котором я вздумал родиться,
на еловой ноге отставной городишко,
чтобы бровью повесть, черта с два!

Я уже наглотался пылищи российской
и турецкой глотнул, и вдобавок сирийской,
но не горько пылищу глотать,
горше, ежели город, что стал вам родимым,
вашим прахом, доставшимся дальним равнинам,
трубку будет свою набивать.

ЗАПИРАНИЕ ДВЕРЕЙ

Дверь запираю на волосок
женщины, что на рассвете ушла.
Так лишь проверишь в России замок,
ежели в доме тусовка была.

Плюнь на пальцы — и волос льняной,
гребнем изъятый, к дверям прилепи
сладкой, кощунственной, синей слюной —
легкую пломбочку грубой любви.

Ну так спеши же, застенчивый тать,
фотографировать стол и кровать.
И да спасут нас не зренье и слух —
волосы наших возлюбленных шлюх!

В этой стране, где и страсть на миру,
стоит ли щелкать щеколдой тройной?
Черный, каштановый иль золотой —
сколько начешут, на столько запру.

Странный, Россия, ты все-таки сад.
Снизу посмотришь и видишь в тоске,
как перезрелые двери висят,
чуть ли не каждая — на волоске.

* * *

Курит земля березы.
Горько земле моей.
Роща — одни папиросы
с легким дымком ветвей.

И ничего нет проще.
И ничего страшней:
выкурить пачку рощи
за день земле моей.

Тяжко планете. Очень.
В синь из берез дымить.
Делай, земля, что хочешь.
Только оставь покурить.

Юрий АСЛАНЬЯН

ЖЕСТОКИЙ СОЛДАТСКИЙ РОМАНС

Душевный кореш мой, Сан Саныч,
красавчик в хромовых сапожках с каблуками,
ефрейтор с музыкальными руками,
меня, наверно, ты совсем не вспоминаешь.

А кто хрипел, что мы друзья навеки,
когда ноздрями шло сибирское болото,
в котором растянулась наша рота,
преследуя сбежавших с лесосеки?

Где по периметру тянулась проволока,
ты видел то, что я не выстрелил ни разу.
...И мы стояли смирно по приказу
перед портретом генерала Щелокова.

Потом в дисбате мне звучал напев,
что на допросе ты стал слишком тонок...
Ты мне — за день до дембеля,— подонок,
подставил ножку,
даже хром не пожалев.

Алексей ПЕРЕВАЛОВ

* * *

Был сад камней
но камни вскочили как кони
взлетели на синей волне
и понеслись в вышине
был сад коней
но коней хлестали ремнями
чтобы летели скорей
ведь тем кто с ремнями — видней
был сад ремней
и кони стали тенями
упали вниз тяжелея
камнями уснули на дне
был сад камней

Андрей ДЕМИДОВ

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ ЧЕТЫРЕХ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Мы вчетвером стоим у «Гастронома» —
В. В., С. В., Д. Е. да автор этих строк.
Нам весело — весна сегодня.
О женщинах, как водится, беседа,
порой — раблезианская скабрезность
(Ну как без этого, коль молоды поэты.)
Когда-нибудь, лет эдак через сорок,
мы будем умирать поодиночке,
непризнанные, с книжкой в полмизинца,
где никому не нужные стихи.
Но это будет, а пока, в апреле,
надежды наши, как мы сами, юны.
«Старик, ты гений»,— говорим серьезно.
И никому нет даже тридцати.

МУСОРНЫЙ ВЕТЕР

Очерченный обрывистыми осыпями периметр гигантской ямы более всего напоминает собой лунный кратер. Края его почти отвесно убегают вниз, где на глубине нескольких десятков метров лежит огромная котловина. До самого горизонта открывается картина щемящая и безотрадная.

Свалка... Одна из трех безобразных московских помоек, куда впадает, пожалуй, самая большая в стране мусорная река, вытекающая из южных районов столицы. Миллионы тонн спрессованного металла, бумаги, дерева, полиэтилена, пластмасс, нитрокрасок, овощей, фруктов, консервных банок перегорают здесь в зловонный газ, разносимый ветром по окрестностям Ногинского района.

Обитатели расположенной неподалеку деревушки Тимахово давно уже привыкли к тому, что даже не в очень ветреные дни из котловины доносится сложный букет ароматов. О воде и почве окрестностей говорить не приходится — биохимических анализов здесь сроду никто не делал. Но и без этих анализов простому населению деревни и так все ясно: достаточно повести носом, чтобы почувствовать без всяких экспертиз — попахивает!

Но если все «застойные» годы жители и роптали, то в основном это был неорганизованный ропот, который никогда не достигал государственных ушей тех, кому в недалекой столице ведать это надлежало. Потому Москва не очень-то прислушивалась к отдельным проявлениям тимаховского недовольства и много уже лет подряд приучала местное население к виду мусорных куч, день ото дня растущих.

Диалектика тимаховской жизни все годы существования свалки заключалась в том, что, ропща и негодуя на явную экологическую несправедливость; население деревни тем не менее находило в свалке некоторую усладу, справедливо усматривая в гигантской помойке неиссякаемый источник благ. То есть попросту промышляло сталкерством. Но и здесь деревня терпела моральный урон, и не было жителям ее полной материальной сатисфакции, ибо самые сливки с привозимого ежедневно мусорного столичного изобилия доставались не деревенским, а коренным обитателям котловины — лицам без определенного места жительства, а попросту говоря, бомжам. Бомжи с незапамятных времен облюбовали это место, построив вокруг свалки целый «шанхай» утлых хибар, сколоченных из местного хлама, в котором жили все теплое время года, промышляя заготовкой товара народного потребления, отторгнутого сытой столицей. Бороться с бомжами было бессмысленно. Однажды попробовали ликвидировать бомжей как класс, задействовав для борьбы милицию, но в тот же день весь карьер окутался зловонным дымом, подожженный сразу со всех концов. Свалка горела несколько месяцев — дым относило к деревне. Это послужило уроком, и бомжей с тех пор никто не тревожил.

Описанный нами инцидент так бы и канул, наверно, в Лету, если бы не дальнейшие события в жизни свалки, имеющие беспрецедентный общественный резонанс и повлекшие за собой прямую угрозу благополучию многомиллионной столицы Советского Союза... Дело в том, что жители Тимахова совсем не собирались успокаиваться, а, напротив, развили бурную неформальную деятельность, беспрерывно понуждая власти города Ногинска к решительным действиям. Бушевание гражданских чувств вокруг свалки в конце концов вылилось в постановление Ногинского райисполкома о запрещении помойки вместе с проживающими на ней бомжами. На дорогах, ведущих к свалке, встали милицейские патрули. Москва ничего не знала...

В то августовское утро колонна сорокатонных московских мусоровозов, отъехав от столицы почти на 60 километров, внезапно наткнулась на заградотряд, состоящий из ногинской общественности, усиленной сотрудниками милиции и машиной ГАИ. Несмотря на возражения заградотряда, водитель головного мусоровоза, не долго думая, вывалил на дорогу первые сорок тонн мусора. Его примеру последовали остальные мусоровозы. Полторы тысячи тонн дерьма остались лежать на дороге, а колонна самосвалов ушла в сторону столицы, которую только находчивость водителей спасла от экологической катастрофы...

Дело могло принять действительно скверный оборот, и угроза благополучию столицы была вполне реальной. Если бы впрямь в результате акции ногинских властей Москва хотя бы на неделю лишилась одной из трех своих гигантских свалок, городу пришлось бы очень и очень туго. В столичные газеты этот эпизод не попал, и не стоило бы сегодня писать о нем столь подробно, если бы спустя всего неделю, в первых числах сентября, аналогичные события со сходным сценарием не грянули уже на другой московской свалке, расположенной к северу от столицы, неподалеку от поселка Икша. Там тоже был бурный митинг, поддержанный районной властью города Дмитрова. И аргументы выдвигались сходные, с тою лишь разницей, что если тимаховские неформалы выступали против свалки вообще как таковой, то жители Икши были скромнее — они лишь просили наладить на свалке радиологический контроль и гарантировать жителям поселка эпидемиологическую безопасность. Для московских властей слух о захоронении в Икше радиоактивных отходов явился полной неожиданностью. Внезапность его была подобна ружейному выстрелу, и оказалось, что оспорить слух, в сущности, нечем, ибо никто и никогда не производил на свалке замеров радиоактивного фона, как, впрочем, и других, более простых анализов.

Можно было понять жителей Икши. Им ведь никто не только не давал в руки дозиметра, но все годы существования свалки никогда и ничего не объяснял. Вот они и руководствовались своим здравым смыслом, высокоразвитой интуицией и суровым жизненным опытом. Что же, жизнь в поселке и впрямь суровая. Ибо с одной его стороны стоит колония для малолетних преступников, с другой — в нескольких километрах — свалка, уходящая за горизонт. Что туда возят изо дня в день сорокатонные мусоровозы — никому не известно.

Я был в Икше и мог воочию во всем убедиться. Прогуливаясь по свалке, я повстречал путника, бредущего с тяжелой ношей.

— Откуда микросхемы? — поинтересовался я.

— Оттуда, вестимо...— Он махнул рукой в сторону горизонта.

Там, за гниющими редутами еще не утрамбованных бульдозером арбузов и дынь я разглядел раскуроченные обломки каких-то отталкивающего вида электронных устройств, разбитые телевизоры и совершенно целые кинескопы, тускло поблескивавшие под дождем. Признаюсь — я не знаю, что возразить, какие аргументы найти в споре с жителями поселка, если за несколько часов, проведенных на свалке, я сам смог убедиться в том, что найти здесь можно все, чем богат наш город. Шпат красного дерева, рулоны бумаги, обивка автомобильных дверей, оконные рамы, бочки какого-то лака, похороненные среди ржавого и нержавеющего железа. Если все это попало сюда на свалку, а не в магазин, не в пункты вторсырья, то нет, согласитесь, никакой гарантии, что завтра среди всего этого поистине «золотого» мусора не найдется парочка ускорителей на быстрых нейтронах или образцы лунного грунта. Право, обозревая ландшафт этой да и любой другой московской свалки, нет-нет да и почувствуешь себя участником лунной экспедиции. Хотя подует иной раз ветерок, и так сразу запованивает в округе, таким сложным, чисто земным ароматом, что сразу вспоминаешь о том, что люди в поселке отнюдь не астронавты и скафандры им не положены... Так что если сегодня или завтра Икша, Тимахово, Солнечногорск опять взбунтуются, то у столицы не найдется веских аргументов в этом споре, кроме одного — город не может жить без свалки. Поэтому давайте разбираться начистоту.

В НПО Экотехпром — объединении, которому провалившиий дело Моссовет в предвидении скандала поручил в спешном порядке наладить эксплуатацию московских свалок, я разговаривал с разными людьми. Здесь собрались действительно грамотные спе-

циалисты, но и авгиевы конюшни, которые им досталось разгребать в спешном порядке, таковы, что с наскоку тут ничего не решишь.

— Как во всем мире решают проблему мусора? — спросил я у заместителя директора объединения Ю. П. Борисова.

Юрий Петрович очень четко объяснил мне, что во всем мире уборка мусора — дело весьма прибыльное и платят за вывоз мусора и эксплуатацию свалок большие деньги. В Америке, например, за каждую тонну мусора, привозимого на свалку, предприятие, сдающее хлам, платит мусороуборочной фирме сорок долларов. Так что свалки на Западе все на «хозрасчете» и как следствие представляют собой сложные инженерные сооружения, где ничего не выбрасывается на ветер. Даже газ, выделяемый свалкой в процессе распада, отводится к турбинам ГРЭС и идет на отопление помещений и электроснабжение прилегающих к свалке окрестных поселков. Что уж там говорить о радиационном и биохимическом контроле — все эти службы располагают самым современным оборудованием и работают постоянно. Но даже там, на этих стерильных свалках «загнивающего» Запада, общественность ставит вопросы экологии. О нас же просто говорить после этого стыдно. Что мы реально можем сделать сегодня для жителей Икши, если любая свалка в СССР не стоит ни копейки — денег в обустройство помоек у нас отродясь никто не вкладывал — вот и сидим теперь, как говорится, по уши. Единственное, что сделал Экотехпром для Икши безотлагательно — это установил дозиметрический пост у въезда на территорию свалки. Все остальные мероприятия требуют денег, денег и еще раз денег. Мы посчитали — на Икшу нам по минимуму нужно сегодня 11 миллионов рублей. А ведь у нас еще две гигантские котловины: в Тимахове и Солнечногорске...

Как же дальше быть с московскими свалками? Будем говорить прямо: если необходимость требует сегодня наличия таких свалок рядом со столицей, то, несмотря ни на какие «но», государство обязано либо гарантировать безопасность людей, проживающих по соседству, превратив свалки в сложные инженерные сооружения, либо отселить людей из экологически опасной зоны, обеспечив им нормальные условия проживания. И в том, и в другом случае необходимо затратить немалые средства. И до тех пор, пока эти средства не будут вложены, настоящий контроль за экологической ситуацией невозможен. Сегодня через КПП любой московской свалки можно провезти и вывалить в груду мусора все что угодно. И это естественно. Зачем хоронить радиоактивные и прочие вредные отходы на спецполигонах, если можно вывалить грязный, «светящийся», токсичный хлам на любой подмосковной помойке? Нет, я не утверждаю, что это так и делается сегодня, но в принципе ничто не мешает московским предприятиям поступать именно таким образом. Впрочем, есть еще один не менее варварский путь. Зачем ехать с опасным грузом на официальную городскую свалку, если в самой Москве, на территории города сегодня выявлено около сотни самовольно возникших свалок, возле которых никто и никогда не ходил с дозиметром, никто и никогда не делал биохимических анализов почвы, воды и воздуха... Между тем все они расположены по соседству с густонаселенными районами столицы. Так что есть основания у жителей Икши и Тимахова опасаться за свое здоровье и здоровье своих детей. Если уж в самой Москве творится такое, то можно себе представить, ЧТО порой вывозится в мусоровозах за пределы столицы и ЧТО потом хоронится на этих помойках.

Но давайте посмотрим на ситуацию с другого бока. Что значит для Москвы сегодня закрытие любой из этих свалок? Это значит, что ежедневно полторы-две тысячи тонн мусора будут оседать в Москве и пригородах, образуя тот экологический фон, который более всего соответствует термину «катастрофа». За какую-нибудь неделю десятки тысяч тонн разнообразного гниющего мусора останутся невывезенными, осев на задних дворах предприятий, на близких помойках города, по кюветам дорог, на берегах московских речек. Можно, конечно, поискать другой карьер поблизости от столицы. Что ж, поищите, попробуйте — если глянуть на московские пригороды и прилегающее Подмосковье с птичьего полета, вашим глазам откроется довольно грустная панорама.

Все карьеры, овраги, большие и средние котлованы в окрестностях Москвы давно уже заняты под свалки. Еще более варварски, чем Икша и Тимахово, все они эксплуатируются предприятиями и населенными пунктами области. Только официальных помоек вокруг города — более 80. А незарегистрированных мусорных куч — тех без счета.

Между тем экология города сегодня и так висит на волоске. Да, есть, конечно, в Москве три мусоросжигательных завода, которые хоть отчасти могут поглотить и переработать подлежащий сожжению хлам. Но один из этих трех заводов, построенный в микрорайоне Коровино, уже два года как закрыт. Что же случилось? А случилась довольно грустная история. В середине 70-х годов завод закупили за рубежом, построили в рекордные сроки и запустили на всю катушку. Придуман завод был хитро: загружаешь в него аккуратно сортированный мусор, а на выходе получаешь готовый компост — органику для полей. Беда была в том, что советский мусор сроду никто не сортировал. Но наш завод, хоть и со скрипом, начал потихоньку перерабатывать консервные банки, полиэтилен и прочую «органику» в аккуратные брикеты удобрений.

Ясно, что от этих «удобрений» поля Подмосковья быстро стали чахнуть. Но завод еще агонизировал — выдавал на-гора свою чудовищную продукцию. Только в 87-м году завод в Коровине был закрыт. А пока идет раздумье о его дальнейшей эксплуатации, остатки компоста растаскивают по окрестностям микрорайона крысы и мыши — им это «удобрение» как раз навроде пирожного...

Впрочем, и от остальных двух импортных заводов прок невелик. Только 5—6% московского мусора способны они сжечь в своих топках, к трубам которых при закупке за рубежом в свое время почему-то забыли заказать фильтры... Так что левая наша рука очищает город от мусора, а правая — посредством печной трубы изо дня в день загаживает городской воздух! Какое из двух зол предпочтительней, решать не берусь. Знаю только, что жители прилегающих микрорайонов, как нетрудно догадаться, никакого восторга не испытывают от соседства этих заводов.

Напрямую с проблемой загрязнения мусором связано увеличение численности крыс. По данным московской дезстанции на первое сентября 89-го года, вылов крыс в столице в сравнении со вторым кварталом позапрошлого года увеличился в три раза. То есть численность грызунов скачком возросла за какой-нибудь год. И счет выловленных идет не на сотни — на тысячи... К сожалению, единственный по-настоящему эффективный способ борьбы с ними сегодня — это отлов на верши, живоловки, капканы. Потому что к ядам, которые рассыпает в подвалах зданий московская дезстанция, у этих зверей выработался за последние полвека совершенно зверский иммунитет. Да и немудрено — состав ядов за пятьдесят лет практически не менялся, так же как и весьма скромная зарплата дезинсекторов.

Главный врач московской дезстанции Григорий Иванович Астанин выглядел озабоченным.

— Катастрофы пока нет,— сказал он мне,— но повод для беспокойства имеется. Город и вправду замусорен вне всякой меры. Крысам, мышам, тараканам — раздолье...

И заметьте, речь идет не об одних окраинах — под угрозой центр города. Самый большой вылов крыс на сегодня в Бауманском районе столицы. Ненамного лучше ситуация на Кутузовском проспекте — крыс и мышей там в избытке, чего нельзя сказать о крысоловах, которых в этом районе столицы скоро придется заносить в Красную книгу как исчезающий вид — нет среди местного населения желающих идти на эту работу.

Ленинский проспект столицы и стоящая на нем 1-я Градская больница, а также другие старые московские больницы: Морозовская, Боткинская — нет-нет да и внесут свою лепту в крысиный мартиролог Григория Ивановича Астанина. Большая проблема для московской дезстанции — правительственные коммуникации, доступа к которым у городских крысоловов нет и, видимо, не будет. Правда, при КГБ есть своя дезинсекционная станция, но живет она уж очень сепаратно, по своим суровым законам мирного времени. Так что согласовывать с ней мероприятия, хотя бы на том же Кутузовском проспекте,— каждый раз большая проблема. Доходит порой до анекдота — дезинсекторы с Лубянки проведут, скажем, дератизацию подведомственных им зверей в коммуникациях правительственной связи, а крысы — тут как тут — перебежали в подвалы жилых домов, подведомственных городской службе. Отсидела́сь, отпились и опять — шныръ обратно — под крылышко задремавшей госбезопасности. Из-за этого ведомственного раздора борьба с грызунами в городе носит, увы, оборонительный характер. Разные ведомства, как удельные князья перед татарским нашествием, ведут сепаратные переговоры между собой и по очереди вступают в борьбу с хитрым и грозным зверем. Дезстанции КГБ, МПС, МО и Московского метрополитена, как могут, травят грозного хищника. Но крыса, потравленная дезстанцией КГБ, перебегает к военным дезинсекторам и, переждав в подвалах какого-нибудь генштаба, скрывается в шахтах Московского метрополитена...

В общем, кошмар! Хотя и привычный, с тою лишь разницей, что в этом году крысы стали слишком часто попадаться москвичам на глаза. То ли солнечная активность утроилась, то ли реконструкция московского центра зверей беспокоит, но дезинсекторы отмечают: идет бурная миграция крыс и мышей, и в грязной, замусоренной Москве эти звери находят себе все больше мест для постоянной прописки.

А взять, к примеру, тараканов!

Это в сущности своей безобидное животное является для эпидемиологов почти безошибочным индикатором санитарного состояния городских помещений. Если обнаружены тараканы, значит, завтра жди клопов, мышей, крыс и прочую нечисть. Но пока мужественно боролись с отечественными тварями посредством слегка устаревших ядов, из далекой солнечной Кубы в виде безвозмездной братской помощи страдающим от режима дезинсекции вольнолюбивым московским тараканам вместе с цитрусами в город завезли варягов. Верный интернациональному долгу кубинский таракан протянул через океан лапу дружбы советскому, и теперь московская дезстанция воюет уже с тараканьим интерфронтом. Новое чудище отличается от отечественного значительно большей прожорливостью и достигает в холке нескольких сантиметров, обладая к тому же еще и внушительными крыльями. Чего только в Москве не водится!..

Вот и капиталистическая черная крыса, та самая, которой в фильмах ужасов пугают доверчивых кинозрителей, чуть ли не прямо с экрана видео скакнула в социалистическую действительность, объявившись внезапно в городских речных портах.

Ладно. Это все пока что кунсткамера. А вот как быть с клопами? Этих-то гадов в Москве пруд пруди. Даже в «Национале», говорят, водятся — к самому сердцу страны того и гляди присосутся... Да будет вам известно, что с начала этого года к дефициту моющих средств и всех остальных товаров широкого спроса добавится еще и дефицит хлорофоса. Точнее, не дефицит, а полное его отсутствие. Новомосковский химкомбинат и другие ему подобные предприятия отрасли с января прекращают выпуск ядов бытовой химии, содержащих фосфор. Прекращают-то правильно — во всем мире от этой гадости давно уже отказались. Там пользуются новым поколением ядов — перитройдами. Но Минхимпром, принимая решение, как выяснилось, забыл старую мудрую диалектику, которая, между прочим, учит нас, что «меры, сегодня намеченные» назавтра легко и просто превращаются в «ошибки допущенные»... Закрывая сегодня экологически вредные производства в Новомосковске, он не предлагает населению ничего взамен. Так что скоро нечем будет травить насекомых.

От всего этого очень хочется куда-то убежать. На дачу, на тихую подмосковную речку. Есть одна очаровательная речушка на юге столицы. Называется Пахра. Автор статьи в этой речушке не раз купался, а потом узнал, что был не прав. Прежде чем купаться, надо было взять в руки дозиметр. Если б взял, узнал бы много нового, чрезвычайно актуального для современников...

Да, опять виновата свалка. Возле города Подольска, неподалеку от города Щербинка, совсем недавно обнаружено захоронение радиоактивных отходов. Свалкой уже занялись специалисты, но пока они там думают да кумекают, нам, простым читателям, да и писателям тоже, прежде чем купаться в речке, хорошо бы запастись костюмами спецзащиты.

Напоследок у меня осталось несколько традиционных вопросов. Кто виноват? С чего начать? И что делать?

Ответа на первый из них я так и не добился ни в Экотехпроме, ни в Моссовете, ни у главного эпидемиолога столицы. Мои собеседники все как один проявляли государственную мудрость, внезапно давая понять мне, что дела плохи и с виноватого уже не взыщешь. Из всего этого ясно по крайней мере только одно: что город замусорен всерьез и надолго, что нет ни ядов, ни штатов, ни денег. С чего начать? Тут у моих ответственных собеседников были у каждого свои прожекты, которые все, однако, упирались в финансовые затруднения, в которые упирается у нас всегда любой деловой разговор. Что делать? Тут по крайней мере все были солидарны: надо в корне менять государственную экономическую политику в отношении городских свалок и очистки наших городов. Надо прекращать финансовую блокаду помоек, вкладывая в них средства, которые, несомненно, окупятся, как окупаются во всем мире.

Мои собеседники эти вопросы перед начальством ставят. Ставят перед Главным управлением здравоохранения Мосгорисполкома, перед Моссоветом, перед Минхимпромом. Только дело идет туго. Поэтому я тоже ставлю эти вопросы перед теми, кого это касается по долгу службы. А что мне еще остается? Во всяком случае, мне из всех моих хождений по свалкам, подвалам и мусоросжигательным окрестностям столицы ясно стало одно: без комплексной целевой программы по очистке города, принятой сегодня, когда непредсказуемые последствия еще можно предотвратить, а не после радиоактивного дождичка в четверг, без такой чрезвычайной программы и конкретных действий ни за что нельзя поручиться. Потом будем, конечно, рвать рубаху на груди, каяться и оправдываться, но что толку? Москва, как известно, слезам не верит, как, впрочем, и запоздалым покаяниям.

Александр РЫСКИН

Фото
Андрея
ФИЛАТОВА.
(Москва)

Шахвалада
АЙВАЗОВА.
(Тбилиси)

Юрия
ФЕКЛИСТОВА.
(Москва)

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

АКЦИЯ

Во время похорон и после похорон Берия ко мне проявлял большое внимание и уважение, чем я был удивлен. Он не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но начал такие же дружеские отношения устанавливать со мной.

Если, бывало, они соберутся пройтись по Кремлю, то меня тоже приглашали. Одним словом, они начали демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился этому, хотя мое мнение о Берия не изменилось, а, наоборот, еще больше укрепилось.

Тогда была договоренность, что повестку дня заседаний Президиума ЦК мы будем составлять вдвоем — Маленков и Хрущев. Маленков председательствовал бы на заседаниях Президиума, а я, как секретарь, принимал бы участие в составлении повестки дня вместе с Маленковым.

С каждым днем Берия все больше набирал силы и быстро росла его наглость. Все его провокаторское хитроумие было пущено в ход.

Тут произошло первое столкновение всех членов Президиума ЦК с Берия и Маленковым. Тогда уже Президиум изменился. После Пленума он стал состоять из 11 или 13 человек. Мы вернулись к узкому кругу. Бюро, которое было создано Сталиным на Пленуме после XIX съезда партии, мы ликвидировали.

Берия и Маленков внесли предложение отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они зачитали документ, но не дали его нам, хотя у Берия был письменный текст. Он его и зачитал от себя и от Маленкова.

Первым слово взял Молотов. Молотов очень решительно выступил против этого предложения и хорошо аргументировал свои возражения. Я очень радовался, что Молотов выступает так смело и обоснованно. Он говорил, что мы не можем пойти на это, что это сдача позиций, что отказаться от строительства социализма в ГДР — значит дезориентировать партийные силы Германии, не иметь перспективы, что это капитуляция перед американцами.

Я полностью был согласен с Молотовым и сейчас же попросил слова. Я поддержал Молотова. После меня выступил Булганин, который сидел рядом со мной. Потом выступили остальные члены Президиума: Первухин, Сабуров и Каганович, все выступили против предложения Берия — Маленкова по Германской Демократической Республике.

Тогда Берия с Маленковым отозвали этот документ. Мы не голосовали и даже в протокол не занесли результаты обсуждения. Вроде вопроса и не было. Это тоже была уловка. Разошлись после заседания, на душе осталась горечь. Как можно по такому важному вопросу выходить с таким предложением: это действительно капитуляция перед империализмом, это антикоммунистическая позиция. Мы понимали, что Берия использует Маленкова, а Маленков просто как теленок пошел за Берия в этом вопросе.

Кончилось заседание, мы вышли из зала втроем: Маленков, Берия и я.

В тот же день я встретился с Молотовым, и он мне сказал:

— Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаться, не ожидал, потому что видел вас всегда вместе и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берия. Я думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, очень мне понравилась.

Тут же он предложил перейти на «ты».

Я тоже сказал, что очень доволен, что он имеет такую хорошую, правильную точку зрения.

Через некоторое время мне звонит Булганин:

— Тебе еще не звонили?

Я понял без разъяснения:

— Нет, не звонили. Мне и не позвонят.

— А мне уже позвонили.

— Ну,— говорю я,— и что?

— Сказали, чтобы я подумал перед выступлениями на заседаниях, хочу ли я еще занимать пост министра обороны.

Я говорю:

— Кто же тебе звонил?

— Сначала один, а потом позвонил другой,— отвечает Булганин.— Оба звонили.

— Мне не звонили,— говорю,— потому что они знают, что их звонок мне может им хуже навредить.

Со стороны Берия ко мне отношение вроде не изменилось, но я понимал, что это уловка, что это, как другой раз у нас говорили, азиатчина. В этот термин мы вкладывали понятие, когда человек думает одно, а говорит другое. Я понимал, что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мной первым, когда наступит время.

На одном из заседаний Берия вносит такое предложение:

— Так как у многих заключенных и сосланных сейчас кончаются сроки заключения и ссылки и они должны возвращаться на место прежнего своего жительства, я предлагаю принять решение о том, чтобы никто из них не имел права возвращаться без разрешения министра внутренних дел и чтобы они оставались жить в районах, указанных Министерством внутренних дел.

То есть им, Берия.

Я возмутился и выступил против.

Я сказал:

— Я категорически против, это произвол. Произвол уже был допущен. (К этому времени мы уже стали мыслить более критично и более правильно стали оценивать прошлые времена.) Этих людей арестовывала госбезопасность, следствие вела госбезопасность, судила госбезопасность. Тройки, которые были созданы в госбезопасности, творили, что хотели. Ни следователя, ни прокурора, ни суда — ничего не было, а просто тащили людей и убивали. Теперь люди, которые отбыли срок своего наказания по суду этих троек, опять-таки лишаются всего, остаются опять-таки преступниками, им указывает место жительства Министерство внутренних дел. Это недопустимо.

Другие все меня поддержали. Свое предложение Берия опять ловко отозвал. Так как протокол подписывал Маленков, то оно тоже не было запротоколировано.

Это уже был более серьезный сигнал со стороны Берия.

Потом Берия вносит, казалось бы, либеральное предложение: изменить такое-то решение (называет время и номер этого решения), которое предусматривало аресты и осуждение арестованных тройками до 20 лет тюрьмы или ссылки. Он предложил уменьшить срок в два раза — с 20 до 10 лет. Казалось, очень милое предложение, но я правильно понял Берия.

Я сказал:

— Я категорически против этого. Я против этого, потому что вообще надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики. Это же произвол! А вопрос 20 или 10 лет особого значения не имеет, потому что можно раз на 10 лет осудить, а после еще на 10 лет и еще на 10. Это уже было — к нам стали поступать документы, говорящие, что подобные методы практиковались. Поэтому я категорически против.

Тогда Берия опять отозвал свое предложение.

Я уже активно выступил против Берия по двум вопросам. По первому вопросу я активно поддержал выступление Молотова, а по второму все поддержали меня. Таким образом, у меня не было сомнения, что Берия правильно

Продолжение. Начало в № 5.

меня понимает и уже намечает свои меры, потому что он не мог мириться с тем, чтобы кто-то стоял на его пути. Вот такие, собственно, сложились условия.

Как-то мы ходили, гуляли, и Берия начал развивать такую мысль:

— Все мы под богом ходим, как в старое время говорили, мы уже стареем. Все может случиться с каждым из нас, а у нас семьи остаются. Надо подумать о старости и о своих семьях. Поэтому я предложил бы построить персональные дачи, которые должны быть переданы государством в собственность тем, для кого они построены.

Это тоже характерно для Берия. Для меня уже был неудивителен такой некоммунистический ход мышления. Он полностью вязался с образом Берия.

Я был убежден, что все это он делал в провокаторских целях.

Потом он говорит:

— Я предлагаю строить дачи не под Москвой, а в Сухуми. Сухуми... О! Какой это город! (Он начал говорить, какой это чудесный город.) Я предложил бы их в Сухуми строить не на окраине города, зачем за город идти, а освободить в центре большой участок, чтобы сад посадить, персики.

Он начал хвалить, какие там персики растут, какой виноград.

Он развивал дальше свои мысли. У него все было продумано: какой нужен обслуживающий персонал, какой штат. Все ставилось на широкую, барскую ногу.

Он продолжал:

— Проект и строительство будет вести Министерство внутренних дел. В первую голову, я считаю, надо строить для Егора (то есть для Маленкова), потом тебе, Молотову, Ворошилову, а затем и другим.

Я слушаю его, не противоречу.

Только сказал:

— Подумать надо.

Мы с Маленковым и Берия поехали за город на дачу. Сначала мы ехали втроем. Подъехали к повороту с Рублевского шоссе, где мы с Маленковым должны ехать налево, а Берия прямо, и пересели с Маленковым в одну машину.

Я Маленкову говорю:

— Слушай, как ты на это смотришь? Это же чистейшая провокация.

— Ну что ты так к нему относишься?

Я ответил:

— Я его вижу, это провокатор. Он это для провокации хочет сделать. Разве можно так поступать? Давай сейчас ему не противоречить, пусть он этим занимается и думает, что его никто не понимает.

Берия начал развивать эту идею. Он поручил составить проекты. Когда проекты закончили, он пригласил нас, проекты показал и предложил начать строительство. Докладывал по этим вопросам известный строитель. Сейчас этот товарищ работает (выскочила из памяти его фамилия) начальником строительства предприятий атомной энергии. Я его знал еще до войны и по войне. Берия считал его своим близким человеком, он работал у Берия, выполнял то, что Берия говорил.

После этой встречи я Маленкову говорю:

— Слушай, ты пойми, у Берия есть дача. Он говорит, что себе тоже выстроит, но он не будет себе строить. Он тебе построит, и это будет сделано для дискредитации тебя.

— Нет, ну что ты. Он со мной разговаривал.

Во всем этом деле очень существенным было то, что когда Берия предлагал строить собственные дачи, особенно для Маленкова, то он говорил, что надо обязательно построить их в Сухуми. Когда он показывал проект, то он с большим восхищением говорил об этом проекте, а проект был уже конкретный, уже было намечено место, где эта дача будет выстроена в Сухуми. По планировке там предвиделось выселение большого количества людей, я боюсь сейчас сказать, сколько. Министр строительства, который тогда докладывал, говорил, что надо выселить огромное количество людей, что эта стройка — бедствие для людей. Шутка ли сказать: это их собственность, сколько поколений там жило, и вдруг их выселяют.

Берия тогда говорил, что это место выбрано так, чтобы Маленков из своей дачи видел Черное море, мог за Турцией наблюдать.

Он шутил:

— Турция будет видна, очень красиво.

Когда все разошлись, мы опять остались наедине с Маленковым.

Я ему говорю:

— Ты разве не понимаешь сути провокации? Чего хочет Берия? Берия хочет сделать буквально погром, выбросить людей, разломать их очаги и выстроить тебе там дворец какой-то. Все это будет забором обнесено. Ведь будет клокотать негодование в городе. Всех будет интересовать: для кого это строят и для чего это строят? И вот когда все будет закончено, ты приезжаешь, люди видят, что в машине сидишь ты — Председатель Совета Министров, весь погром и выселение с мест людей — все это было сделано для тебя. Это будет такое возмущение, не только в Сухуми, но оно перебросится буквально везде и всюду. А это и нужно Берия. Ты тогда будешь сам просить об отставке.

После этого разговора Маленков призадумался.

Берия говорил о дачах и с Молотовым. Я не ожидал этого от Молотова, но Молотов согласился. Он сказал только, чтобы ему построили не на Кавказе, а под Москвой. Я был удивлен. Я думал, что Молотов вспыхнет и будет возражать. Не знаю, как это получилось.

Так как никто активно не высказался против, машина заработала. Были сделаны проекты. Берия их просмотрел. После работы мы заезжали к Берия, он показывал мне проект моей дачи.

— Эй, слушай,— говорил,— какой хороший дом (он говорил не чисто по-русски, с таким грузинским акцентом.— **Н. Х.**). Смотри какой.

Я говорю:

— Да, хороший, он мне очень нравится.

— Возьми домой.

Я привез проект домой и, честно говоря, не знал, куда его деть.

Нина Петровна говорит:

— Что это у тебя?

Я ей признался.

Она возмутилась и говорит:

— Это — безобразие!

Я не мог Нине Петровне ничего объяснить и сказал:

— Давай положим его, потом поговорим.

Дело завертелось. Берия пытался форсировать начало строительства, но до ареста Берия ничего сделано не было. Когда его арестовали, мы тут же все отменили. А проект этой дачи еще долгое время валялся у меня.

Одновременно он развил бешеную деятельность по вмешательству в жизнь партийных организаций. Он сфабриковал какой-то документ о положении дел в руководстве Украиной. Первый удар он решил нанести по украинской организации. Я думал, что он начнет развивать это дело с тем, чтобы втянуть и мою персону. Он собирал материалы через Министерство внутренних дел Украины и начал втягивать начальников областных отделов.

Строкач был начальником управления внутренних дел во Львове. Он умер уже. Это честный был коммунист, хороший военный. До войны он был полковником и командовал погранвойсками на Украине. Во время войны он был начальником штаба украинских партизан, и поэтому он всегда мне докладывал о положении дел на оккупированной территории. Я видел, что это честный, порядочный человек. После войны он был назначен уполномоченным Министерства внутренних дел по Львовской области.

Позже мы узнали, что когда к нему обратился министр внутренних дел Украины и потребовал от него материалы о партийных работниках, то Строкач сказал, что это дело не его, а секретаря обкома партии, и пусть ЦК обращается туда. Тогда ему позвонил Берия и сказал, что если он будет умничать, то будет превращен в лагерную пыль.

Это мы уже узнали, когда задержали Берия, а тогда мы ничего не знали, но чувствовали, что идет наступление на партию, подчинение партии Министерству внутренних дел.

Записку Берия о руководящих кадрах Украины стали обсуждать в ЦК. В результате этого было принято решение освободить Мельникова от обязанностей секретаря ЦК, а на его место избрать Кириченко. Идея Берия состояла в том, что местные, национальные кадры не допускаются к руководству, что их не выдвигают. Он тогда еще предложил Корнейчука ввести в состав Президиума ЦК Коммунистической партии Украины. Все это было сделано, был проведен пленум. Мне рассказывали товарищи уже после того, как был задержан Берия, как проходил этот пленум. Товарищ Корнейчук неправильно понял, почему его кандидатура была выдвинута, и начал говорить всякие словеса в пользу Берия, в пользу того, что Берия предлагал. Он не понял, что это было сделано с антипартийных позиций.

Потом записка появилась, по-моему, по прибалтам. Потом по Белоруссии. И все той же направленности.

В этих предложениях не все было неправильно. ЦК и сам к этому времени взял курс на выдвижение национальных кадров. Мы приняли решение, что в республиках пост первого секретаря ЦК должен занимать местный человек, а не русский, присланный из Москвы.

Берия же в этом деле преследовал другие цели.

У Берия была антирусская направленность, он проповедовал, что на местах засилье русских и что, мол, надо их осадить. Так все и поняли и начали громить русские и национальные кадры, которые не боролись с этим русским «засильем». Это произошло во многих партийных организациях национальных республик.

Тут уж я Маленкову говорил:

— Слушай, товарищ Маленков, неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Берия ножи подобрал.

Маленков мне тогда ответил:

— Ну, а что делать? Я вижу это, но что делать?

Я говорю:

— Надо сопротивляться. Хотя бы в такой форме. Ты же видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто имеют антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать против этого.

— Что ты? Ты хочешь, чтобы я один остался? Я не хочу этого.

Я говорю:

— Почему ты думаешь, что один останешься, если начнешь возражать? Ты и я — уже двое. Булганин, я уверен, так же мыслит, потому что я не один раз обменивался с ним мнениями. Другие, я уверен, тоже пойдут с нами, если мы будем аргументированно возражать с партийных позиций. Ты же не даешь возможности никому слова сказать. Как только Берия внесет его предложение, ты сейчас же спешишь его поддержать, заявляя: «Правильно, товарищ Берия, правильное предложение, я — «за», кто «против»»,— и сразу голосуешь. А ты давай возможность другим высказаться, придержи себя, не выскакивай и тогда увидишь, что не один ты так думаешь. Я убежден, что так же думают многие, что они не согласны по некоторым вопросам с Берия.

Я ему тогда предложил:

— Мы составляем повестку дня, так давай поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берия, и будем возражать ему. Я убежден, что мы мобилизуем других членов Президиума и эти решения не будут приняты.

Он наконец-то согласился. Я был удивлен и обрадован. Мы составили повестку дня заседания Президиума ЦК. Я сейчас не помню, какие вопросы стояли, потому что много лет прошло. На заседании аргументированно выступили «против» по этим вопросам. Другие нас поддержали, и эти вопросы не были приняты. Так было сделано на нескольких заседаниях, и только после этого Маленков обрел надежду и уверенность, что, оказывается, с Берия можно бороться партийными методами и оказывать свое влияние на решение вопросов или отвергать предложения, которые, с нашей точки зрения, не являются полезными для партии и страны.

Мы видели, что Берия форсирует события. Берия уже чувствовал себя над членами Президиума, он важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что надо поговорить с членами Президиума. Видимо, на заседании этого не получится, а надо с глазу на глаз с каждым поговорить и узнать их мнение по коренному вопросу отношений в Президиуме и их отношение к Берия.

С Булганиным я по этому вопросу раньше говорил, и я знал его мнение. Он стоял на партийных позициях и правильно понимал опасность, которая грозила партии, Центральному Комитету со стороны Берия.

Наконец, Маленков тоже согласился и говорит:

— Да, надо будет нам действовать.

Мы тогда условились, что я прежде всего поговорю с товарищем Ворошиловым. Мы условились с Маленковым, что я поеду к Ворошилову. Была какая-то комиссия, в которую входили Ворошилов и я. Я решил использовать это, позвонил Ворошилову и сказал, что я хотел бы с ним встретиться и поговорить по этому вопросу. Ворошилов сказал, что он сейчас ко мне приедет в ЦК.

— Нет,— говорю,— я прошу меня принять. Я сам приеду к тебе.

Он настаивал, что он приедет, ну, в конце концов я настоял, что сам приеду. Мы условились с Маленковым, что после разговора с Ворошиловым, а это было перед самым обедом, я приеду домой, зайду к Маленкову и мы пообедаем вместе. Мы жили с Маленковым в одном доме и даже в одном подъезде, только я этажом выше.

Я приехал к Ворошилову, но у меня не получилось того, на что я рассчитывал.

Как условились, я поехал в Верховный Совет. Но как только я открыл двери и переступил порог его кабинета, Ворошилов очень громко начал восхвалять Берия:

— Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это замечательный человек!

Я ему сказал:

— Может, ты зря говоришь, преувеличиваешь его качества?

Но после того, как меня так встретил Ворошилов, я уже не мог с ним говорить о Берия. Моя оценка была совершенно противоположной, и я бы этим разговором поставил Ворошилова в очень неловкое положение. Он не согласился бы со мной просто из самолюбия: вот, только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу перейти на мою позицию, которая сводилась к необходимости устранения Берия?..

Я перебросился с ним словами по вопросу, о котором официально договорился с ним по телефону, это был чепуховый какой-то вопрос, и сейчас же поехал обедать, как мы условились с Маленковым.

Я сказал Маленкову, что ничего у меня не получилось и я не смог поговорить с Ворошиловым.

Я думал, что Ворошилов мог так го-

ворить, рассчитывая, что его подслушивают, что он так сказал для «ушей Берия». С другой стороны, он считал меня близким человеком к Берия, потому что часто видел нас втроем: Берия, Маленков и я. Тогда опять же он говорил это для Берия.

Это тоже свидетельствует об обстановке, которая вынуждала людей идти на такие приемы и брать «грех на душу» против своей совести.

Мы договорились с Маленковым, что я поговорю с Молотовым. Молотов был тогда министром иностранных дел. Он мне раньше звонил сам и говорил, что он хотел бы со мной встретиться в ЦК и поговорить по вопросам мидовских кадров.

Я воспользовался его звонком, позвонил ему и сказал:

— Ты хотел со мной встретиться. Я готов. Если можешь, приезжай, поговорим с тобой по кадрам.

Он приехал ко мне, и я ему сказал:

— Давай говорить по кадрам, но только не по мидовским.

Я начал ему высказывать свою оценку роли Берия. Я говорил, что это за человек, какая опасность грозит сейчас партии, если не остановить начатый Берия процесс по разгрому партийного руководства. Я уже говорил, что он начал с союзных республик.

Молотов, видимо, сам много думал об этом, а он и не мог не думать, потому что он сам все знал и видел еще при жизни Сталина. Когда Молотов еще пользовался у Сталина полным доверием, то я слышал, как он очень резко высказывался против Берия, но не при Сталине, а когда выходили от Сталина.

Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился.

— Да,— сказал он,— я с тобой полностью согласен, но я хочу спросить, а как Маленков?

— Я разговариваю с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков, Булганин и я уже обменялись мнениями.

Тогда Молотов говорит:

— Очень правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. Ну, а дальше, что вы хотите делать, к чему это должно привести?

Я говорю:

— Прежде всего нужно освободить его от обязанностей члена Президиума — заместителя Председателя Совета Министров и от поста министра внутренних дел.

Молотов сказал, что этого недостаточно.

— Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры.

Я говорю:

— Может быть, задержать его для следствия?

Я говорил «задержать», потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было. Я мог думать, что он был агентом мусаватистов, но это говорил Каминский, а факты эти никем не проверялись, и я не слышал, чтобы было какое-то разбирательство этого дела. Правда ли это или неправда, но я верил Каминскому, потому что это был порядочный партийный человек. Все-таки это было только заявление на пленуме, а не проверенный факт. В отношении его провокационного поведения все основывалось на интуиции, а по таким интуитивным мотивам человека арестовывать невозможно. Поэтому я и говорил, что его надо задержать для проверки. Это было еще возможно.

Так мы договорились с Молотовым и расстались. Потом я все рассказал Маленкову и Булганину.

После этого мы решили, что надо форсировать события, потому что могут нас подслушать или кто-либо может как-то проговориться. Одним словом, сведения о наших шагах могут дойти до Берия, а Берия нас просто может арестовать.

Тогда же договорились, что я должен теперь поговорить с Сабуровым. Он был тогда членом Президиума.

С Сабуровым я поговорил. Он очень быстро ответил:

— Я полностью согласен с вами,— и тоже спросил: — А как Маленков?

Об этом все спрашивали, с кем я разговаривал.

Кагановича в то время в Москве не было. Каганович был на лесозаготовках, проверял, как идут дела. Когда Каганович вернулся, я попросил его заехать в Центральный Комитет. Он приехал уже вечером. Мы сидели с ним очень долго. Он очень подробно мне рассказывал о Сибири, о лесозаготовках. Я его не останавливал, хотя у меня голова была забита совершенно другим. Я проявлял вежливость и тактичность — ждал, когда он иссякнет и закончит мне докладывать.

Когда я увидел, что он уже кончает, я ему сказал:

— Это все хорошо, что ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что у нас делается.

Я ему изложил, как у нас складывается обстановка и к каким выводам мы пришли.

Каганович сразу навострил уши и говорит:

— А кто же?

Он поставил так вопрос, чтобы разведать соотношение сил. Я сказал, что Маленков, Булганин, Молотов и Сабуров согласны, так что уже, собственно, и без него у нас большинство.

Каганович сразу заявил:

— Я тоже «за». Я, конечно, «за». Я так просто спросил.

Но я его правильно понял, и он меня понял.

Затем он меня спрашивает:

— А как же Ворошилов?

Я ему рассказал, какая у меня получилась неловкость с Ворошиловым.

— Так он тебе и сказал?

— Да,— говорю,— он так стал его хвалить.

Он выругался в адрес Ворошилова, но незлобно:

— Вот старый хрыч, такой-сякой. Он тебе неправду сказал. Он сам мне говорил, что дальше просто невозможно жить с этим Берия, что он очень опасен, что он может на все пойти и нас уничтожить.

Я заметил:

— Я сам тоже думаю, что он неискренне говорил, но он сказал это.

— Нет, это еще ничего не значит.

— Теперь,— предложил я,— видимо, надо с ним в последний раз поговорить. Может быть, Маленкову это поручим? Я-то уже пытался, и лучше мне не возвращаться к этому разговору, чтобы не ставить Клима в неловкое положение.

На этом и согласились.

Каганович спрашивает:

— А как Микоян?

— С Микояном,— отвечаю,— я по этому вопросу еще не говорил. Это сложный вопрос.

Все знали, что у Микояна с Берия были самые лучшие отношения. Они всегда были вместе и всегда, так сказать, один за одного.

Я сказал, что я уже тоже думал, как с Микояном поговорить, но, видимо, это надо сделать попозже.

Об этом разговоре я рассказал Маленкову, и он тоже согласился, что с Ворошиловым в данной ситуации лучше говорить ему.

Оставался еще Первухин.

Маленков мне вдруг говорит:

— С Первухиным я хочу сам поговорить.

— Можно, конечно, но Первухин — человек сложный. Я Первухина знаю.

— Я его тоже знаю.

— Ну, пожалуйста.

Он Первухина пригласил к себе и потом мне звонит:

— Знаешь, я вызвал Первухина, рассказал ему все, а Первухин говорит, что он подумает. Это очень опасно. Я тебе это сообщаю, и, видимо, надо вызвать его скорей. Неизвестно, чем это может кончиться. «Я подумаю» — это опасно.

Я позвонил товарищу Первухину. Он приехал ко мне. Я ему сейчас же все рассказал в открытую.

Он говорит:

— Если бы мне Маленков так все сказал, как ты, так вопросов бы у меня не было. Я полностью с вами согласен и считаю, что это правильно и другого выхода нет.

Я не знаю, что Маленков ему говорил, но кончилось этим. Таким образом, у нас со всеми членами Президиума было обговорено, кроме Ворошилова и Микояна.

Тогда мы договорились с Маленковым начать действовать в день заседания Президиума Совета Министров. На заседании Президиума Совмина я всегда присутствовал, в протоколе было

записано, что я должен принимать участие в заседании Президиума Совета Министров. На этих заседаниях отсутствовал только Ворошилов.

Мы решили созвать заседание Президиума Совета Министров и пригласить туда Ворошилова. Когда же все соберутся, открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК и обсудить этот вопрос. Мы еще условились, что я буду говорить с Микояном, а перед самым заседанием Маленков поговорит с Ворошиловым.

Утром я был на даче. Я позвонил Микояну и пригласил его заехать ко мне на дачу, откуда мы с ним вместе поедем прямо на заседание Президиума Совета Министров. Микоян заехал ко мне, и мы с ним провели беседу. Беседа эта была очень длительной. Я сейчас припоминаю, что мы разговаривали часа два, подробно все обговорили, а потом несколько раз возвращались к обговоренному.

Позиция Микояна была такая: товарищ Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадежный, он в коллективе может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто не занимал. Надо было уже кончать, времени у нас оставалось только, чтобы приехать на заседание. Поэтому мы сели вместе с ним в машину и поехали в Кремль.

Приехали в Кремль. К этому времени Ворошилов уже был приглашен Маленковым. Когда я зашел к Маленкову, то Маленков сейчас же мне сказал, что он с Ворошиловым поговорил.

Я говорю:

— Ну и как? Он его так же хвалил?

— Когда я ему только сказал об этом, то Ворошилов обнял меня, поцеловал и заплакал.

Так ли это было, не знаю, но думаю, что так, врать Маленкову вряд ли нужно было.

Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК. Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК партии с тем, чтобы обсудить прежде всего положение в партии. С этим все были согласны, но для этого нужно было пригласить товарища Ворошилова. Он как Председатель Президиума Верховного Совета, естественно, не присутствовал на заседаниях Президиума Совета Министров. Поэтому его появление было бы непонятным. Его пригласили с тем, чтобы не терять времени. Когда Маленков открыл заседание, он сразу поставил вопрос:

— Давайте обсудим партийные вопросы. Есть такие вопросы, которые необходимо обсудить немедленно.

Все согласились.

Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о товарище Берия. Берия сидел от меня справа.

Он сразу же встрепенулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит:

— Что ты, Никита? Что ты мелешь?

Я говорю:

— Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать.

Вот о чем я рассказал. Начал я с судьбы Гриши Каминского, который пропал после своего заявления в конце 30-х годов на Пленуме ЦК о связи Берия с мусаватистской контрразведкой. Я уже вспоминал об этой трагической истории.

У меня все время в голове бродила мысль о том, что вот такое заявление сделал Каминский и никто не дал объяснения — правильно или неправильно он говорил, было ли это или не было. Потом я указал на последние шаги Берия уже после смерти Сталина в отношении партийных организаций — украинской, белорусской и других.

В своих записках он поставил вопросы (эти записки имеются в архиве) о взаимоотношениях в руководстве национальных республик и особенно в руководстве чекистских органов. Он предлагал выдвигать национальные кадры. По сути это справедливо, такая линия всегда была в партии, но он ставил этот вопрос под углом антирусской направленности.

Мы правильно его понимали: он хотел объединить националистов против русских. Это очень опасно. Всегда враги Коммунистической партии рассчитывали на межнациональную борьбу, и Берия с этого начал.

Затем я сказал о его последнем предложении — об отказе от строительства социализма в Германской Демократической Республике, о предложении относительно людей, осужденных НКВД и отбывших наказание.

Сказал о его предложении вместо радикального решения вопроса о недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, изменить максимальный срок осуждения органами МВД с 20 до 10 лет.

Я закончил словами:

— В результате действий Берия у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристических побуждений. Он ведет себя вызывающе, недопустимо. Невероятно, чтобы честный коммунист мог так вести себя в партии.

После меня взял слово Булганин. Мы с Булганиным еще при жизни Сталина были единого мнения о Берия. Он тоже в том же духе высказался, что и я.

Потом остальные выступили.

Очень правильно говорил Молотов. Он очень хорошо высказался с партийных позиций. Другие товарищи тоже проявили принципиальность, за исключением товарища Микояна.

Микоян высказался последним. Он выступил (я не помню сейчас подробностей его речи) со следующим заявлением: он, собственно, повторил то, что он мне сказал, когда я с ним беседовал перед заседанием. Он сказал, что Берия учтет критику, что Берия не безнадежный человек и в коллективе может быть полезным.

Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Получилась пауза.

Я вижу, что такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он мне предоставил слово для предложения. Как мы и условились с товарищами, я предложил поставить на Пленуме ЦК вопрос об освобождении (это делает Президиум ЦК) Берия от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров, от поста министра внутренних дел и, в общем, от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мое предложение на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились. Первым зашел Жуков. За ним — Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника.

Жуков тогда был заместителем министра обороны. К Жукову у нас тогда было хорошее отношение, хотя он на первых порах не назывался в числе военных, которые должны были помочь Совету Министров справиться с Берия. Почему мы привлекли к этому делу военных? Высказывались соображения, что если мы решим задержать Берия и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать. Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных.

Вначале мы поручили арест Берия товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. В то время военные, которые приходили в Кремль, обязаны были в комендатуре сдавать оружие. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек.

Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек 10 или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

— Предлагаю вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берия.

Жуков скомандовал Берия:

— Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили — никакого оружия у него не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлекторное такое движение.

Берия сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова.

Тут же мы решили назавтра или послезавтра, так скоро, как это было технически возможно, созвать Пленум ЦК, где и поставить вопрос о Берия. Одновременно было решено освободить Генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия и мы сомневались, что он может объективно провести следствие. Новым Генеральным прокурором утвердили товарища Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берия.

Тут возник новый вопрос. Берия мы арестовали, а куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, его люди. Тогда заместителем его был Круглов и, по-моему, Серов. Я мало знал Круглова, а Серова я лучше знал и ему доверял. Я считал и сейчас считаю, что Серов очень честный человек. Если что за ним и было, как за всеми чекистами, то он стал жертвой общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берия Серову, но другие высказались, что надо быть все-таки осторожнее. Круглову мы тоже не доверяли.

Тогда договорились, что лучше всего поручить это дело командующему противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко принял его, поставил своих людей, перевез Берия к себе на командный пункт, в бомбоубежище. Я видел, что он это дело делает, как нужно, в интересах партии, в интересах дела. На этом заседание закончилось.

Как только закончилось заседание, ко мне подошел Булганин и говорит:

— Ты послушай, что говорит мой начальник охраны. Он подошел ко мне и говорит: «Я узнал, что только что задержали Берия, и я сейчас хочу сообщить вам о том, что Берия изнасиловал мою падчерицу — ученицу седьмого класса. Год или больше тому назад умерла ее бабушка, а жена получила инфаркт и лежала в больнице. Девочка осталась одна в доме. Однажды вечером она бежала за хлебом, как раз около дома, где жил Берия. Там она встретилась со стариком, который пристально на нее посмотрел, и она испугалась. Потом ее вызвали чекисты и привели в дом Берия. Берия усадил ее с собой ужинать, предложил тост за Сталина. Она отказывалась, но он настоял, что за Сталина надо выпить. Она согласилась, выпила, а потом заснула, и он изнасиловал ее».

Я ответил этому человеку: «Все, что вы рассказали, прокурор учтет при следствии».

Потом нам дали список, в котором было больше ста женщин, которых приводили к Берия его чекисты. Прием у него был один. Всех, кто попадал к нему в дом впервые, он угощал обедом и предлагал выпить за Сталина. В вино он подмешивал снотворное.

Когда изолировали Берия, он попросил карандаши и бумагу. Мы посоветовались между собой, у некоторых были сомнения, а потом решили дать, может быть, у него появились какие-то побуждения рассказать искренне, что он знает о том, в чем мы его обвиняли. Он начал писать записки.

Сначала Маленкову: «Егор такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил Хрущеву? Это он тебя подбил и прочее».

Ко мне он тут же обращался с запиской, где писал, что он честный человек. Так он послал две или три записки.

Маленков очень волновался, когда читал эти записки. Потом он стал говорить, что они вместе с Берия предложили идею относительно сворачивания строительства социализма в Германии. Поэтому он боялся, что акция, направленная против Берия, обернется и против него. Ведь это он вместе с ним вносил предложение. К сожалению, так и было. Но мы ему сказали, что сейчас не этот вопрос обсуждается, что ситуация с Берия глубже, чем вопрос о Германии. Эти его предложения только глупо характеризуют его политическое лицо.

Когда Руденко встретился с Берия, стал его допрашивать, перед нами раскрылся ужасный человек, человек-зверь, который ничего святого не имел. У него не было не то что коммунистического, но и вообще морального облика человеческого. А уж о преступлениях и говорить нечего, сколько он загубил людей.

Через некоторое время после ареста Берия встал вопрос о Меркулове, который в то время был министром госконтроля. Я признаюсь, с большим уважением относился к Меркулову, считал его партийным человеком. Он был, безусловно, человек культурный, и вообще он мне нравился.

Поэтому я сказал товарищам:

— То, что Меркулов был помощником Берия в Грузии, еще не говорит, что он его сообщник. Может быть, все же это не так. Берия ведь занимал высокое положение и сам себе подбирал людей. Они верили ему и работали с ним, и поэтому нельзя рассматривать всех, кто с ним работал, как его соучастников по преступлениям. Давайте вызовем Меркулова, поговорим с ним. Может быть, он нам даже поможет лучше разобраться с Берия.

Мы условились, что я его вызову в ЦК. Я вызвал Меркулова, рассказал, что вот так и так, задержан Берия, ведется следствие, «вы много лет с ним работали и могли бы помочь ЦК».

— Я с удовольствием сделаю, что могу.

Я ему предложил:

— Вы возьмите и письменно все изложите.

Прошло сколько-то дней, и он написал большую записку. Она, конечно, есть в архиве. Записка эта ничем не помогла нам. Это были общие впечатления, его умозаключения. Это было скорее какое-то сочинение. Этот Меркулов пописывал кое-что, пьесы писал и привык к сочинительству.

Когда я послал этот материал к Руденко, он попросился ко мне на прием и сказал, что надо Меркулова арестовать, потому что следствие по делу Берия без ареста Меркулова затруднится и будет неполным. Центральный Комитет разрешил арестовать Меркулова.

К моему огорчению (а я ему верил), Меркулов был связан с Берия в таких преступлениях, что и он сел на скамью подсудимых вместе с ним и понес одинаковое наказание.

В последнем слове, когда приговор был уже объявлен судом, он проклинал тот день и час, когда встретился с Берия. Он говорил, что Берия его довел до суда. Это все-таки говорит о том, что Меркулов хоть в последний момент, но осознал преступность своих поступков и осудил того, кто его к этим преступлениям потянул.

Лион ИЗМАЙЛОВ

ЕСЛИ БЫ...

Часто мы слышим такую фразу:

— Если бы Ленин был жив... Что бы было?

Ну, я-то знаю, что было бы. Если бы Ленин был жив, он бы тут же умер. А вот что бы было, если бы Сталин был жив, не дай Бог, конечно. Но, допустим, чисто теоретически. Вот в один прекрасный день просыпаемся, а он жив. Появился в Москве. Идет по улице Горького. Заходит в магазин, допустим, в Елисеевский. Походил, посмотрел, спрашивает у продавца, молодого парня:

— А почему икры нет, крабов?

Продавец говорит:

— Папаша, ты что, с Луны свалился?

Сталин себе под нос буркнул:

— Расстрелять. — И пошел к директору. Тот человек пожилой, дар речи потерял. Сталин опять свое:

— Почему икры нет, крабов?

Директор на колени упал, говорит:

— Не губите, завтра все верну.

— А почему,— говорит Сталин,— продукты такие дорогие? Когда в последний раз цены снижали?

— В 52-м году,— говорит директор,— с тех пор одни повышения.

— Так,— говорит Сталин,— а ну позвать ко мне Берия!

— Так его же расстреляли, Иосиф Виссарионович.

— И правильно сделали,— говорит Сталин.— Я сам хотел это сделать, но не успел.

Выходит Сталин на улицу, а тут его уже встречают бывший прокурор с хлебом-солью и со товарищи, еще человек 10 верных сталинцев. Сталин дары принял и говорит директору Елисеевского:

— Хлеб в продажу пустить, а соль рассыпать по земле.

— Почему рассыпать? — спрашивает директор.

— Потому что я вернулся,— говорит Сталин.

Дальше Сталин пошел по улице Горького в сторону Кремля, а бывший прокурор рядом идет и все ему рассказывает:

— Без вас, товарищ Сталин, здесь такие безобразия начались. В 56-м году всех заключенных выпустили.

Сталин аж трубку выронил:

— Быть такого не может. Какой же соцлагерь без заключенных?

— Точно говорю, товарищ Сталин, это все Хрущев, он ваш культ развенчал.

Сталин говорит:

— Расстрелять!

— Да умер он уже,— говорит прокурор.

А Сталин свое:

— Расстрелять посмертно!

— Да это еще не все,— говорит бывший прокурор,— Брежнева помните?

— Помню,— говорит Сталин,— из Молдавии, с бровями.

— Точно. Так он когда генеральным был, себя четырежды героем сделал.

— Расстрелять,— говорит Сталин.

— Да умер он уже.

— Тогда отобрать все ордена, а семью посадить!

— Да посадили уже одного — Чурбанова, зять его, пил, взятки брал.

— Расстрелять!

— Нельзя, товарищ Сталин, у нас теперь правосудие, демократия, одним словом, кошмар.

Подошли к Мавзолею. Сталин говорит:

— Хочу поклониться учителю, замечательному борцу за дело Сталина товарищу Ленину.

И заходит внутрь. Бывший — за ним. Сталин зырк-зырк по Мавзолею и говорит:

— Я хорошо помню, здесь еще один человек лежал.

Бывший в слезы:

— Вынесли вас, товарищ Сталин, вы уж простите, недоглядели.

— Так,— говорит Сталин,— будем бить врага его же оружием.

Выходит из Мавзолея, а на Красной площади уже толпа:

— Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

На руки его — и в Кремль.

А там Съезд Советов идет. Толпа со Сталиным в зал заседаний и к трибуне. А председательствующий говорит:

— Погодите, товарищи, кого это вы несете, давайте по порядку, а то выключим микрофон.

Прокурор кричит:

— Вы что, не видите, это же Сталин, он выступать будет.

Народ оцепенел, а председательствующий надел очки и говорит:

— Сталин. Сейчас посмотрим, записывался ли он в прениях. Нет, товарищи, никакой Сталин у нас не записан.

Прокурор говорит:

— Вы на фамилию Джугашвили посмотрите!

Председательствующий говорит:

— И Джугашвили никакого нет. Так что несите его назад.

Прокурор кричит:

— Требую дать слово товарищу Сталину!

Тут некоторые стали аплодировать, а остальные затопали ногами. Тогда председательствующий говорит:

— Я вижу, товарищи, что надо ставить вопрос на голосование.

А те, которые Сталина на руках держат, кричат:

— Голосуйте быстрее, нам его на руках держать тяжело.

Председательствующий говорит:

— А кто сказал, что будет легко? Это, товарищи, перестройка. Тут важно не спешить. Потихонечку начать, потом принять, затем углубить. Давайте в конце концов посоветуемся с народом.

Тут эстонский депутат на трибуну выскочил, говорит:

— Вот теперь как раз мы имеем возможность напрямую спросить у «отца народов», где он спрятал оригиналы пакта Молотова — Риббентропа.

Председательствующий говорит:

— Товарищи, давайте же не отвлекаться по пустякам.

Стали проверять, и оказалось, что Сталин вообще не депутат этого Съезда. А те, которые на руках его держат, свое кричат:

— Какая разница, если он генералиссимус и отец народов!

Тут начались дебаты. Экономист один знаменитый говорит:

— Он нам опять всю экономику испоганит, уж лучше Ельцин, чем он.

Ельцин говорит:

— Я, товарищи, Сталиным быть не хочу, беру самоотвод.

Сурово посмотрел Сталин на Ельцина и сказал:

— Борис, ты не прав!

Председательствующий говорит:

— Так, я вижу, мнения уже сформировались, ставлю вопрос на голосование.

Начали голосовать. Пока один сектор считали, пока другой, потом на машине проверять стали, затем снова пересчитывали, эти, которые держали Сталина, не выдержали и бросили его. Один бывший прокурор пытался Сталина удержать, да не смог, оба они на пол и грохнулись. Сталин встает злой, а тут Съезд как раз решил слова ему не давать, потому что у нас теперь демократия и гласность.

Сталин говорит:

— А пропадите вы пропадом со своей демократией. Вспомните еще обо мне.— Плюнул в прокурора и ушел.

А председательствующий говорит:

— Вот видите, товарищи, не у всех еще хватает элементарной парламентской культуры, чтобы конструктивно и взвешенно работать у нас на Съезде. Давайте сейчас сделаем перерыв. Поработаем в комиссиях, подкомиссиях, в комитетах и подкомитетах так, чтобы сегодняшний инцидент никогда не смог повториться.

Андрей ЯХОНТОВ

ШИРЕ УРАВНИВАТЬ РЕАКЦИИ

Проект официального сообщения

Последнее время на страницах печати и в эфире ширится мутная волна слухов о якобы вредном влиянии на человеческий организм разного рода химических отходов, использовании гормонов в животноводстве, взрыва в Чернобыле и тому подобных естественных для развитого социализма явлений. Во избежание дальнейшего накаливания страстей вокруг этих безответственных домыслов и небылиц компетентные органы считают долгом заявить: все панические настроения лишены какой-либо почвы и распространяются либо людьми глубоко невежественными, в глаза не видевшими таблицы Менделеева, либо теми, кто в силу негативного отношения к происходящим в обществе переменам не способен анализировать названные факты в их диалектической взаимосвязи.

Лишь при поверхностном взгляде на обозначенные явления может показаться, что результаты их воздействия на живую ткань чреваты опасными последствиями. Однако такой взгляд в корне противоречит реальности. На деле мы становимся свидетелями иных, животворных процессов. Так, к примеру, экспериментами квалифицированных специалистов установлено, что приготовление пищи в алюминиевой посуде, действительно выделяющей при нагревании крайне токсичные вещества, в конечном итоге не таит в себе никакой угрозы, ибо эти ядовитые окиси еще до попадания в желудок и расщепления пищеварительным соком полностью нейтрализуются элементарным наличием в атмосфере выхлопов солярки и бензина. Более того, соединение алюминиевых окисей и попадающей внутрь через легкие угольной пыли ведет к химической реакции, продукт которой, растворяясь в крови, омолаживает кожный покров тела и селезенку. Выпадающие при этом в осадок инфильтраты выводятся из желчных протоков с помощью обычного хлора, используемого, как известно, для бактериологической обработки питьевой воды.

Особенно много шума вызывают толки вокруг нитратов и нитритов. Сами по себе, в чистом виде, эти реактивы и верно не приносят ощутимой пользы. Но в соединении с продуктами распада серы и при наличии в молочных изделиях сплавов свинца (желательно в пропорции три-три-один) нитриты помогают отладить ритм сокращений сердечной мышцы, а пестициды (при повышенной радиации или присутствии ртутных шариков в колбасном фарше) содействуют очищению сосудов головного мозга.

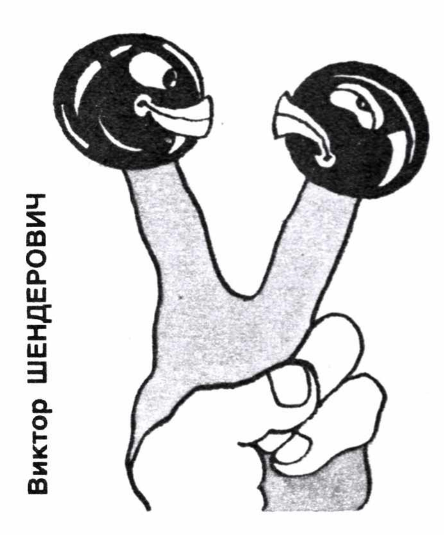
И в заключение несколько слов о газе «Черемуха». Данные проведенных опытов со всей очевидностью свидетельствуют: эта новинка в соединении с нитропокрытием саперных лопат и при наличии малой толики порохового запала способна дать поразительный эффект, все выгоды и преимущества которого еще до конца не изучены.

Бесспорно, на этом пути поисков новое наше общество ожидает немало открытий, и главные из них — впереди.

ДИАЛОГИ ТЕАТРА АБСУРДА

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

ГИПНОТИЗЕР И ПАЦИЕНТ

ГИПНОТИЗЕР: — Вам хорошо-о...
ПАЦИЕНТ: — Плохо мне.
ГИПНОТИЗЕР: — Вам хорошо, хорошо-о-о...
ПАЦИЕНТ: — Очень плохо.
ГИПНОТИЗЕР: — Это вам кажется, что плохо, а вам — хорошо-о-о...
ПАЦИЕНТ: — Это вам хорошо-о-о, а мне жуть как плохо!
ГИПНОТИЗЕР: — Вам так хорошо, вы даже не подозреваете...
ПАЦИЕНТ: — Совсем плохо стало.
ГИПНОТИЗЕР: — Стало хорошо, а будет еще лучше.
ПАЦИЕНТ: — Ой, только не надо еще лучше, только не это!..
ГИПНОТИЗЕР: — Поздно. Будет лучше. Сильно лучше будет.

ПАТРИОТ И ПРОХОЖИЙ

ПАТРИОТ (входя с топором): — А где тут живут эти?..
ПРОХОЖИЙ: — Какие?
ПАТРИОТ: — Ну, такие...
ПРОХОЖИЙ: — Такие тут больше не живут.

ПЕТРОВ И КАССИР

ПЕТРОВ: — Что это?
КАССИР: — Это ведомость.
ПЕТРОВ: — Нет, вот это, вот это!
КАССИР: — Это сумма.
ПЕТРОВ: — Не может быть!
КАССИР: — Бывает.
ПЕТРОВ: — Восемьсот долларов?
КАССИР: — Это за неделю.
Петрова увозят в сумасшедший дом.
КАССИР: — Следующий, пли-из...

Борис БРАЙНИН

ПРОШУ УЧЕСТЬ!

Как известно, депутатами Верховного Совета СССР остро дебатируется вопрос о регламентации профессиональных праздников. Читая газеты и наблюдая за сессиями, каждый житель страны приходит к выводу, что сейчас наступило самое время что-нибудь праздновать. Причем каждый день. И хотя официально зарегистрированных профессий у нас примерно в три раза больше, чем дней в году, я на всякий случай, предлагаю еще ряд профессиональных праздников, которые могут выпасть из поля зрения депутатов.

Итак, по порядку:

День черного и цветного металлурга

День взятия продовольственного заказа

День Ивана Денисовича

День утра стрелецкой казни

День работника черной икры

День войск противовоздушной обороны имени М. Руста

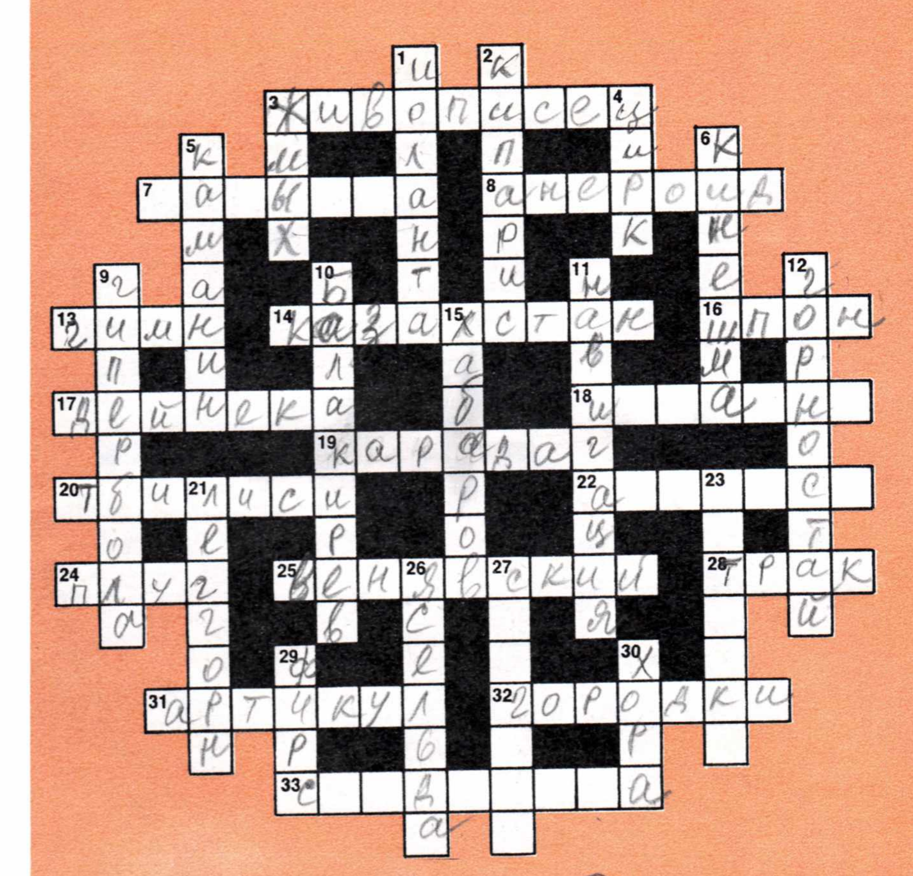
День Каиновой печати

День работника балды

День военно-воздушного поцелуя

День заграничника

Материалы подготовил Игорь ДВИНСКИЙ. Рисовал Виктор КОВАЛЬ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Южное созвездие. 7. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 8. Барометр. 13. Торжественная песня, символ государственного единства. 14. Союзная советская республика. 16. Однослойная фанера. 17. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда. 18. Озеро на юге Аляски. 19. Вулканический массив в Крыму. 20. Столица союзной советской республики. 22. Одна из основных поз классического танца. 24. Сельскохозяйственное орудие. 25. Польский скрипач и композитор XIX века. 28. Звено гусеницы вездехода, танка. 31. Тип изделия, товара, его цифровое или буквенное обозначение. 32. Русская народная спортивная игра. 33. Город в Сербии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Опера П. И. Чайковского. 2. Южное вечнозеленое хвойное дерево. 3. Спрессованные остатки семян масличных растений. 4. Вид искусства, включающего акробатику, клоунаду, эквилибристику. 5. Летчик, один из первых Героев Советского Союза. 6. Город в Ивановской области. 9. Поэтический прием чрезмерного преувеличения. 10. Русский композитор, пианист, дирижер, глава «Могучей кучки». 11. Судоходство, мореплавание. 12. Пушной зверек. 15. Русский землепроходец в Приамурье. 21. Порода кур. 23. Рассказ К. А. Тренева. 26. Река в Белоруссии. 27. Лесная певчая птичка. 29. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». 30. Массовая пляска народов Югославии.

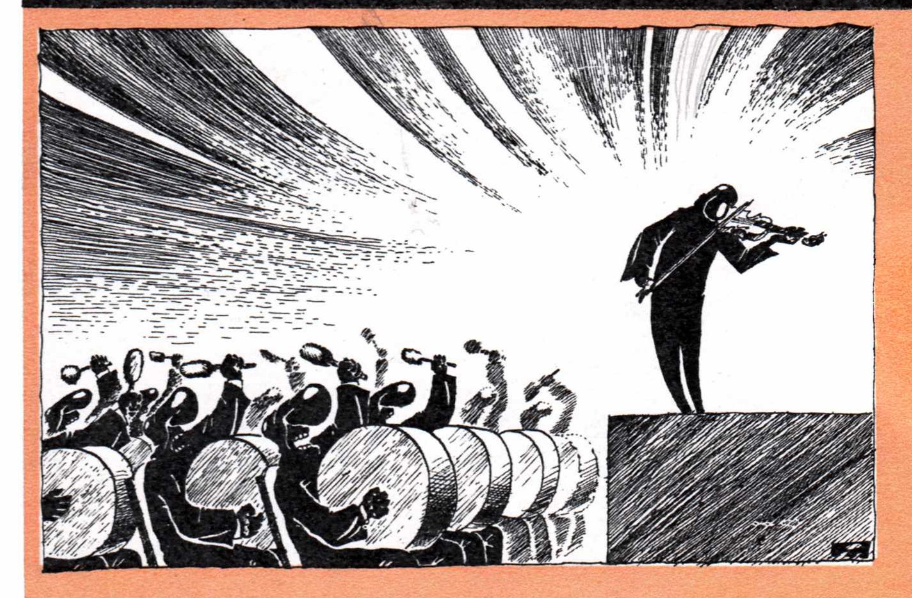
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Душечка». 5. Сахалин. 9. «Будильник». 10. «Маска». 12. Аглая. 16. Граммофон. 17. «Свадьба». 18. Уклеево. 19. «Протекция». 20. Поташ. 25. Оркан. 27. Пришибеев. 28. Искитим. 29. «Осколки».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Верба». 2. «Чайка». 3. «Дома». 4. Кадр. 6. Анна. 7. «Нива». 8. «Злоумышленник». 11. Сценарист. 13. Ланцетник. 14. Грабарь. 15. Москвин. 21. «Огни». 22. Шприц. 23. Киви. 24. Рейс. 25. Овсов. 25. Айни.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

РЕКЛАМА В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СОЗДАСТ ПРЕСТИЖ ВАШЕЙ ФИРМЕ

THE ADVERTISING IN OUR MAGAZINE WILL GIVE YOUR FIRM PRESTIGE

200 000 ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА ЖИВУТ ЗА РУБЕЖОМ

200 000 SUBSCRIBERS LIVE ABROAD

НАШ ТЕЛЕФАКС:(095) 943-00-70

OUR FAX: (095) 943-00-70

40 коп. Индекс 70663